

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНОЙ:

Стр.

Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности (окончаніе).

Шестанова 513—537

Осужденіе, смѣръ и Воскресеніе Господа Нашего Іисуса Христа (окончаніе).

Н—а 538—562

Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора

М. А. Остроумова (въ особомъ приложеніи). 145—160

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе).

И. Корсунскаго 361—384

Основы морали В. Вундта (продолженіе). *Стефана Говорова* 385—402

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Возвращеніе изъ С-Петербурга Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Программа засѣданія съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго бытъ 3 Юня сего 1891 г., утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 22 Апрѣля 1891 года.—Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую Духовную Академію.—Отъ Хорошевскаго Духовнаго Пріюта дѣтей.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣпниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 15 дни 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*

МЫСЛИ

0

ВОСПИТАНІИ ВЪ ДУХЪ ПРАВОСЛАВІЯ И НАРОДНОСТИ.

(Окончаніе *).

VII.

Домашнее ученіе ребенка.

Слушай, сыне, отца твоего наказаніе, да мудръ будешь въ послѣдняя твоя (Кн. Притч. Солом., гл. XIX—20).

Обученіе ребенка наглядное и катихизическое, т. е. съ голоса, путемъ разсказовъ, начинается съ того времени, когда у ребенка проявляется первое сознаніе. Въ это время, какъ и вообще въ первые дѣтскіе годы, наглядному обученію весьма способствуетъ пытливость и любознательность ребенка, безпрестанное задаваніе имъ вопросовъ, желаніе узнать, что онъ видитъ, для чего видѣнное существуетъ и т. п. Катихизическое ученіе лучше всего вести по картинкамъ, потому что дѣти чрезвычайно любятъ разсматривать картинки. Вспомните, какъ охотно маленькая дѣвочка, еще не умѣвшая говорить, разсматривала, подъ руководствомъ матери, видимый міръ знаменитаго педагога славянина Коменскаго. Мать показывала ей картинки и называла изображаемое на нихъ. Ежедневное разсматриваніе книжки Коменскаго привело къ тому, что дѣвочка на вопросы матери: гдѣ лошадь, гдѣ волкъ, гдѣ левъ? безошибочно указывала требуемое, и такимъ образомъ по Видимому Міру малютка ознакомилась съ міромъ жи-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 5.

вотныхъ. Дѣвочку занимала книжка Видимаго Міра, или, вѣрнѣе, картинки книжки, и она сама указывала на нее матери, приглашая ее къ уроку нагляднаго обученія.

Путемъ катихизическимъ дѣти могутъ ознакомиться съ тѣми эпизодами священной исторіи, которые и для дѣтскаго возраста представляютъ интересъ, напримѣръ, съ исторіею Іосифа, и изъ исторіи отечественной. Эти рассказы, стихотворенія и устная передача сказокъ и басенъ будутъ развивать дѣтскій умъ, давать направленіе сердцу и волѣ ребенка.

Изъ русской исторіи должны быть передаваемы дитяти такіе рассказы, которые затрогивали бы его сердце, которые могли бы вложить въ душу ребенка зародыши любви къ родинѣ, къ нашей родной свято-русской землѣ, любовь къ Царю, верховному вождю и отцу народа.

Если наука въ высшихъ своихъ областяхъ является какъ бы интернаціональною, космополитическою, то первоначальное обученіе ребенка въ семьѣ должно наоборотъ носить исключительно-національный, патріотическій характеръ. Русская мать должна воспитать русскаго, а не космополита, пристрастнаго ко всему иноземному и все иноземное охотно перенимающаго.

Само собою разумѣется, что первые уроки, полагающіе основаніе всей умственной жизни ребенка, никто не можетъ вести съ большимъ успѣхомъ, какъ любящая мать, такъ какъ эти уроки, какъ и всѣ послѣдующіе дѣтскіе уроки, должны быть ведены вполне воспитывающимъ образомъ, а первая естественная воспитательница ребенка мать. Уже этотъ долгъ, налагаемый на женщину природою, указываетъ, что образованіе женщины должно быть поставлено на твердыхъ началахъ, ибо только подготовленная образованіемъ мать можетъ быть полезною воспитательницею своего ребенка. Поэтому для правильнаго воспитанія дѣтей низшаго сословія, желательно увеличеніе числа народныхъ школъ, въ которыхъ будущія матери могли бы получать не только образованіе, но и воспитаніе; народная школа должна воспитывать нравственныхъ и религіозныхъ людей по началамъ православной Церкви и русской народности. Желательно, чтобы народныя школы со-

общали дѣвочкамъ такія познанія, которыя давали бы возможность прошедшей школу, сдѣлавшись матерью, вести правильно воспитаніе и первоначальное обученіе своего ребенка. Для народныхъ школъ полезно было бы составить книгу для чтенія изъ такихъ стихотвореній и эпизодовъ изъ отечественной исторіи, которые могли бы служить къ воспитанію патріотическаго чувства, въ эту книгу должны войти и рассказы изъ священной исторіи, доступные дѣтямъ.

Много полезнаго и поучительнаго можетъ быть сообщено матерью—воспитательницею въ этихъ наглядныхъ и катихизическихъ бесѣдахъ. Много добрыхъ сѣмянъ можетъ быть посеяно въ его чистой душѣ.

Развить врожденную ребенку пылкость, обратить ее на полезное и поучительное, изощрить его наблюдательность и вниманіе, которыя такъ необходимы для послѣдующаго ученія и для жизни, размягчить его сѣрдце, укрѣпить и направить его волю, вотъ задачи домашняго воспитанія и обученія, задачи нелегкія, требующія со стороны матери полнаго вниманія, полной сосредоточенности, всецѣлаго посвященія себя своему ребенку. Мать должна помнить, что отъ нея, отъ ея воспитательной дѣятельности зависитъ все будущее ея ребенка. Если она это сознаетъ, пойдутъ ли ей на умъ какія бы то ни было развлеченія и удовольствія?

Любитель цвѣтовъ и садовникъ, съ любовію занимающійся своимъ дѣломъ, посадивъ хорошія цвѣточныя сѣмена и получивъ маленькіе ростки, ухаживаетъ за ними со всею вниманіемъ, поливаетъ ихъ бережно, чтобы не залить, чтобы сильною струею воды не искривить вѣжные ростки, потомъ пересаживаетъ каждый ростокъ отдѣльно и за каждымъ ухаживаетъ тщательно, поливаетъ сколько нужно, привязываетъ ихъ къ подпоркамъ, чтобы ростокъ держался прямо, обрѣзываетъ сухіе листики, и такъ изо дня въ день со всею заботливостію лелѣетъ растеніе. И какъ онъ радуется его росту и цвѣтѣнію, съ какимъ наслажденіемъ вдыхаетъ его аромат. Если любитель цвѣтовъ и садовникъ съ такою неутомимою заботливостію ухаживаютъ за цвѣточнымъ растеніемъ и, доведя его до пышнаго цвѣта, съ восторгомъ любятъ имъ; то во

сколько разъ должны быть сильнѣе заботы матери, ухаживающей за своимъ дорогимъ ребенкомъ, и какой восторгъ объемлетъ ея душу, когда она доведетъ свою радость и отраду до такого состоянія, что можетъ съ сознаниемъ достигнутаго успѣха любоваться не его тѣлесною, увядающею красотою, но его внутреннею, прочною, неувядающею красотой. Но чтобы имѣть такое наслажденіе, матери предстоитъ много труда, много думъ и заботъ; требуется всю себя отдать дѣлу выращенія, образованія и воспитанія своего дитяти.

Предварительный курсъ обученія продолжается до самаго приступа къ систематическому обученію. Когда начинать обученіе ребенка чтенію и письму? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ индивидуальности ребенка. Если ребенокъ здоровый и способный, его можно начинать учить чтенію и письму съ пятилѣтняго возраста, если онъ слабосильный и туго развивается, то слѣдуетъ отложить начало систематическаго ученія до 7-ми и даже до восьми лѣтъ. Начинать учить съ 5-ти лѣтъ можно только тогда, когда ребенокъ самъ напрашивается на ученіе, и вести обученіе нужно такъ, чтобы оно не надоѣдало дитяти, чтобы урокъ прекращаемъ былъ при первомъ проявившемся утомленіи ребенка.

Способъ обученія чтенію и письму предоставляется вполнѣ желанію матери: къ какому способу она привыкла и какой усвоила, тѣмъ пусть и обучаетъ. Мы лично стоимъ за способъ совмѣстнаго письма-чтенія, при которомъ ребенокъ въ одно время обучается письму и чтенію, читаетъ то, что пишетъ. Но по какому бы способу ни обучали ребенка чтенію, желательно, чтобы при чтеніи ребенокъ читалъ цѣлыя, имѣющія смыслъ слова, а не отдѣльные слоги, и чтобы онъ понималъ читаемое, чтобы ему истолковывалось каждое прочитанное имъ слово. Это весьма важно для всего послѣдующаго ученія: привыкнувъ на урокахъ чтенія узнавать смыслъ каждаго прочитаннаго имъ слова, онъ въ послѣдствіи и при самостоятельномъ чтеніи будетъ останавливаться на каждомъ незнакомомъ ему словѣ и спрашивать его значеніе, т. е. привыкнетъ читать со смысломъ, а не заниматься лишь, подобно Петрушкѣ Гоголя, бессмысленнымъ процессомъ чтенія. На сколько это важно, понятно каждому.

При обученіи письму желательно, чтобы буквы давались ребенку для писанія въ генетическомъ порядкѣ: сначала буквы, могущія служить элементами, потомъ постепенное ихъ нарощеніе, н, п, с, о, а и т. п.

Съ обученіемъ письму и чтенію рядомъ можно вести счетъ, къ которому ребенка слѣдуетъ приучать еще во время приготовительнаго курса. При обученіи счету впереди должно идти умственное счисленіе. Чѣмъ сильнѣе будетъ ребенокъ въ умственномъ счетѣ, тѣмъ легче впоследствии усвоится имъ письменное счисленіе.

Одновременно съ обученіемъ письму-чтенію и счету происходитъ упражненіе памяти, состоящее въ заучиваніи стихотвореній, доступныхъ дѣтскому возрасту. И тутъ соблюдается то же правило: стихотворенія даются для заучиванія только такія, которыя ребенокъ вполне понимаетъ. Ничего непонятнаго давать ему учить не слѣдуетъ. Выборомъ стихотвореній можно способствовать развитію и укорененію въ ребенкѣ религіознаго и патріотическаго чувства.

Къ молитвамъ, изученнымъ прежде съ голоса, присоединяются въ этотъ періодъ обученія молитвы, прочтенныя и затѣмъ выученныя самимъ ребенкомъ. Молитвы для изученія нужно давать такія, которыя вполне понятны ребенку.

Къ эпизодическимъ рассказамъ изъ священной исторіи и изъ исторіи отечественной, слышаннымъ отъ матери, прибавляются рассказы, прочитанные имъ самимъ.

И въ этотъ періодъ обученія мать остается единственною учительницею своего дитяти, и въ этотъ періодъ обученія она болѣе всего заботится о развитіи религіознаго и патріотическаго чувства въ своемъ ребенкѣ. Къ развитію религіознаго чувства особенно способствуетъ частое посѣщеніе Церкви Божіей, этой лучшей и благодатной школы, гдѣ чтеніе, молитвы, пѣснопѣнія и обряды, — все наглядно раскрываетъ сущность христіанской религіи и воспитываетъ въ юномъ воспріимчивомъ сердцѣ духъ братства, любви и милосердія. Желательно, чтобы каждый разъ, передъ отправленіемъ съ ребенкомъ въ церковь, мать прочитывала ему евангеліе дня: такимъ образомъ ребенокъ постепенно будетъ знакомиться

съ этою божественною, настольною книгою каждаго христіанина, и незамѣтно будетъ впитывать въ себя „*молоты живота вѣчнаго*“. (Ев. отъ Іоанна, гл. VI—28). Патріотическое чувство на столько должно быть укрѣплено въ ребенкѣ въ этотъ періодъ, чтобы онъ гордился тѣмъ, что онъ русскій. Когда ребенокъ выучится читать, тогда нужно давать ему книги для чтенія съ выборомъ, на что мы уже обратили вниманіе выше. Въ этотъ періодъ обученія, до отдачи въ общественное учебное заведеніе, ребенку слѣдуетъ вложить любовь къ чтенію.

Хорошо было бы обучить его какому нибудь ремеслу, которое служило бы ему отдыхомъ отъ ученія и вмѣстѣ гимнастикою, укрѣпляющею тѣло. Да не подумаютъ, что мы отвергаемъ необходимость отдыха для ребенка. Отдыхъ, состоящій въ прогулкѣ на чистомъ воздухѣ, въ бѣготнѣ, необходимъ для здоровья.

Въ этотъ же періодъ обученія, если родители имѣютъ достаточныя средства, слѣдуетъ учить ребенка одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, но начинать это обученіе не ранѣе, какъ ребенокъ усвоитъ себѣ хорошо родной языкъ. Извѣстный педагогъ Коменскій (1592—1671) говоритъ: «сначала пусть учатъ отечественному языку, потомъ языку сосѣдняго народа, а тамъ уже латинскому, греческому, еврейскому, всегда одинъ языкъ за другимъ. Нельзя начинать многіе языки сразу, это путаетъ (*das verwirrt*)».

Трудно одобрить обычай, по которому ребенокъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ, когда у него только что развязывается языкъ, отдается въ руки бонны-иностранки, и начинаетъ говорить на чужомъ языкѣ, а родной языкъ перенимаетъ только отъ русской прислуги. Это дѣлается, конечно, съ тою цѣлью, чтобы ребенокъ усвоилъ себѣ чистое иностранное произношеніе, которое дается большею частію лишь въ дѣтскіе годы. Но сколькими болѣе существенными интересами дитяти жертвуютъ родители ради усвоенія ихъ ребенкомъ чистаго иностраннаго произношенія. Русскій ребенокъ, окруженный иностранными приставницами и приставниками, отданный на руки иностраннымъ боннамъ, а потомъ гувернанткамъ и гуверне-

рамъ, теряетъ, увы, самое лучшее отличительное свойство свое,—перестаетъ быть русскимъ и обращается въ какого-то космополитическаго уродца, на котораго нерѣдко сами иностранцы смотрятъ съ нескрываемымъ чувствомъ нелестнаго для него удивленія.

Болѣе выдержанными и менѣе вредными въ отношеніи вліянія на дѣтей были нѣмки-гувернантки и нѣмцы-гувернеры. Но это было до Седана, до объединенія милаго фатерланда. Послѣ Седана стало не то. Теперь и изъ рукъ нѣмки гувернантки и гувернера нѣмца вышедшій ребенокъ съ восторгомъ толкуетъ о *liebes Vaterland*, о нашемъ Фрицѣ, Вильгельмѣ, о нашемъ желѣзномъ канцлерѣ и проч. Намъ случилось быть свидѣтелемъ такой сцены на пароходѣ. Мальчикъ 10—11 лѣтъ, отлично, безъ всякаго акцента, говорившій по нѣмецки, велъ оживленную бесѣду съ двумя Берлинцами, путешествовавшими по Волгѣ. Онъ до того съ увлеченіемъ говорилъ объ общемъ нѣмецкомъ отечествѣ, о Вильгельмѣ и о Бисмаркѣ, что нѣмцы были увѣрены въ его нѣмецкомъ происхожденіи. Но когда на вопросы ихъ: отецъ вашъ—нѣмецъ? Такъ мать нѣмка? Такъ ваши предки нѣмцы? получили отрицательные отвѣты и утвержденіе, что онъ русскій, нѣмцы значительно сжали губы, а по уходѣ мальчика изъ рубки, гдѣ шелъ этотъ разговоръ, замѣтили: *Verwünschter Kerl!*

Другого мальчика видѣлъ я въ кругу семьи его. Ему было тогда 11 лѣтъ. Онъ былъ живой, впечатлительный, огонь—мальчикъ. Онъ смѣло вмѣшался въ разговоры большихъ и все время ораторствовалъ о тори и виггахъ, о парламентѣ, о выгодахъ конституціоннаго правленія. Этотъ мальчикъ выросъ на рукахъ англичанки.

Но болѣе всѣхъ поразителенъ третій примѣръ. Противъ нашего дома жилъ очень почтенный добрякъ полковникъ. Жена его была милая, любезная, свѣтская женщина. Полковникъ былъ занятъ дѣлами службы, полковница—визитами и выѣздами. Сынъ ихъ, тогда мальчикъ лѣтъ 8—9, былъ вполне на рукахъ гувернера—француза, который постоянно выходилъ и выѣзжалъ съ нимъ. Однажды мы встрѣтили, помнится, не вдалекѣ отъ Самары въ общей каютѣ парохода этого гувер-

нера съ своимъ воспитанникомъ, которому уже было тогда лѣтъ 10, и были поражены. Мальчикъ, прекрасно говорившій по французски, болталъ съ своимъ воспитателемъ очень весело и свободно. Но насъ не только поразило, но прямо глубоко возмутило то, что мальчикъ велъ счетъ годамъ со времени взятія бастилія и, разыгравшись, запѣлъ марсельезу: «Allons, enfants de la patri-e» съ шикомъ истаго парижанина.

Неужели ради усвоенія ребенкомъ чистаго французскаго, нѣмецкаго или англійскаго произношенія, вы, родители, не побойтесь нравственной порчи своего дитяти, не побойтесь, что изъ него можетъ выйти жалкій космополитическій уродецъ, надъ которымъ послѣ будутъ смѣяться сами иностранцы?

Воспитаніе русской дѣвочки космополиткою еще вреднѣе; дѣвочка впослѣдствіи будетъ матерью. Какихъ дѣтей воспитаетъ такая мать.

Учите вашихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ, „вѣ томъ бо честь есть отъ иныхъ земель“, говоритъ завѣщаніе Владиміра Мономаха; но ради Бога, не отдавайте малютокъ въ безконтрольное распоряженіе воспитателей— иностранцевъ, блюдите за дѣтьми неусыпно, чтобы иностранный воспитатель не отбилъ овцы отъ русскаго стада.

По нашему убѣжденію, обученіе родному языку должно идти впереди обученія языкамъ иностраннымъ, должно быть базисомъ всякаго обученія. Иначе иностранные языки будутъ расти безъ корени, и знаніе ихъ будетъ лишь поверхностное, не развивающее. Ребенокъ будетъ болтать на иностранномъ языкѣ бойко, какъ иностранецъ, но твердаго знанія у него не будетъ.

Не можемъ не вспомнить одного случая, могущаго служить подтвержденіемъ нашихъ словъ. Одинъ нашъ хорошій знакомый, говорившій по французски, такъ сказать, съ колыбели, человѣкъ свѣтски образованный, но не прошедшій основательной школы, принялся, по пріѣздѣ вмѣстѣ съ нами въ Петербургъ, за чтеніе новаго купленнаго имъ французскаго романа. Такъ какъ словаря у него подъ руками не было, то онъ безпрестанно обращался къ намъ съ вопросомъ, что значитъ такое-то слово. Когда, послѣ многихъ такихъ

вопросовъ, мы выразили удивленіе, какъ это онъ, такъ свободно говорящій по французски, не обладаетъ достаточнымъ запасомъ словъ, онъ отвѣтилъ намъ съ полною откровенностію: «насъ приучаютъ съ малолѣтства болтать по французски, и мы болтаемъ, какъ попугаи, но твердости и основательности въ нашихъ знаніяхъ нѣтъ ни малѣйшей». И ради такого-то знанія иностранныхъ языковъ отдавать своего ребенка на порчу въ руки иностранцевъ!

Мы выше сказали, что слѣдуетъ учить ребенка одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, по нашему мнѣнію, никакъ не болѣе двухъ: изученіе трехъ иностранныхъ языковъ поведетъ только къ большей поверхностности и будетъ путать ребенка. И два языка не легко усвоить русскому мальчику, который обязанъ еще учиться церковно-славянскому языку. По усвоеніи двухъ языковъ, ознакомленіе съ третьимъ и даже съ четвертымъ значительно облегчается. Не можемъ не обратить вниманія на то, что раннее одновременное изученіе нѣсколькихъ языковъ, несомнѣнно, будетъ во вредъ развитію мышленія и сообразительности. Вспомнимъ знаменитаго полиглотта Меццофанти, который зналъ до 50 языковъ, но зато на столько мало имѣлъ сообразительности, что при такомъ знаніи не могъ дѣлать сравненій, обобщеній и выводовъ. Лучше одинъ, два языка знать основательно, чѣмъ много языковъ, да кое какъ, въ ущербъ развитію мыслительной способности.

Въ этотъ же періодъ обученія достаточные родители обыкновенно обучаютъ своихъ дѣтей музыкѣ и пѣнію.

Вводитъ эстетическій элементъ въ воспитаніе дѣтей весьма желательно и полезно; но необходимо сообразоваться со способностями ребенка. Это и соблюдается относительно художественнаго рисованія, которому большею частію обучаютъ только дѣтей, выказавшихъ способность къ рисованію. Но нисколько не принимаютъ во вниманіе способностей ребенка при обученіи пѣнію и особенно музыкѣ. Сколько разъ приходится слышать пискливые до непріятности голоса, распѣвающие различные романсы. Нерѣдко обучаютъ пѣнію не только не обладающихъ голосовыми средствами, но даже

не имѣющихъ слуха. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что пѣнію обучаютъ дома большею частію дѣвочекъ, такъ какъ это искусство почему-то считаютъ принадлежностію дѣвицъ. Но музыкѣ учатъ и дѣвочекъ и мальчиковъ; и весьма часто при отсутствіи слуха у ребенка это обученіе является безплодною потерей времени и истиннымъ мученіемъ для дѣтей. А когда мальчикъ учится въ учебномъ заведеніи, то обученіе музыкѣ производится нерѣдко съ явнымъ ущербомъ для его школьнаго ученія.

Желательно было бы для пользы дѣтей значительное ограниченіе моды на музыку и пѣніе. Слѣдуетъ принять за правило, чтобы какъ художественному рисованію, такъ музыкѣ и пѣнію, учить только дѣтей, обнаружившихъ очевидныя способности къ этимъ искусствамъ. Затѣмъ обученіе искусствамъ, включая сюда и танцы, производить въ свободное отъ учебныхъ занятій время, такъ какъ пріятное не должно имѣть перевѣса надъ полезнымъ.

Домашнее обученіе, какъ мы уже сказали, должно быть проникнуто воспитательнымъ характеромъ. Домашнее обученіе и вмѣстѣ воспитаніе должно по возможности ознакомить ребенка съ Евангеліемъ и вложить въ него, словомъ и примѣромъ родителей, любовь и благоговѣніе къ Евангельскому ученію, ученію любви и милосердія, къ святой нашей православной церкви, вѣрной хранительницѣ божественнаго ученія Спасителя, должно впитать въ ребенка отличавшую нашихъ предковъ беззавѣтную преданность къ прирожденному самодержавному Царю и ко всему царствующему дому. Оно должно развить, въ мѣрѣ возраста, умъ ребенка, смягчить его сердце, направить къ доброму, честному и нравственному его волю.

VIII.

Отношеніе дома къ школѣ.

Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь
(въ Евреямъ, гл. XIII—17).

Съ такимъ хорошимъ задаткомъ смѣло можно отдать мальчика въ школу или въ приготовительный классъ гимназіи.

Умѣстнымъ считаемъ заявить здѣсь, что приготовительные классы при гимназіяхъ мы, на основаніи многолѣтнихъ и тщательныхъ наблюденій, признаемъ за самое полезное учрежденіе, которое и облегчало бѣдныхъ родителей, давая имъ возможность за сравнительно небольшую плату приготовить сына въ гимназію, и доставляло гимназіямъ основательно подготовленныхъ учениковъ, которые своими успѣхами выдѣлялись изъ остальной массы и въ слѣдующихъ гимназическихъ классахъ. Мы знаемъ многихъ учениковъ гимназіи, которые, начавъ съ приготовительнаго класса, съ отличіемъ переходили ежегодно изъ класса въ классъ и вышли изъ гимназіи съ медалями. Въ большинствѣ, поступавшіе въ гимназію изъ домашняго приготовленія, значительно уступали въ познаніяхъ и развитіи ученикамъ приготовительнаго класса. И понятно.—Дома готовятъ нерѣдко учителя или учительницы, неопытные и незнакомые съ методами и приемами преподаванія въ гимназіяхъ, тогда какъ въ приготовительныхъ классахъ при гимназіи учебное дѣло ведется опытными учителями, подъ руководствомъ и наблюденіемъ гимназическаго начальства, направляющаго учителей, имѣющихъ подъ руками прекрасное собраніе пособій для нагляднаго преподаванія. Кромѣ того поступившій изъ дома мальчикъ чувствуетъ себя въ гимназіи на первыхъ порахъ весьма стѣсненнымъ, онъ не привыкъ заниматься въ толпѣ, слушать слова и объясненія учителя, обращенныя не къ нему лично, а къ цѣлому классу, его развлекаетъ непривычная обстановка, онъ долго не можетъ сосредоточить своего вниманія на словахъ учителя; ученикъ приготовительнаго класса, переходя въ 1-й гимназическій классъ, является напротивъ вполне подготовленнымъ, привычнымъ къ классной обстановкѣ: онъ внимательно слушаетъ учителя, какъ привыкъ дѣлать это уже въ приготовительномъ классѣ, и скорѣе усваиваетъ объясненія. Поэтому не только для пользы недостаточныхъ родителей и дѣтей, но и для пользы самихъ гимназій желательно, чтобы приготовительные классы были устроены при всѣхъ гимназіяхъ, а также были открыты и при реальныхъ училищахъ. Повторяемъ, приготовительные классы при гимназіяхъ и реальныхъ учи-

лицахъ—безспорно самый полезный институтъ, и закрытіе ихъ отразится вредно на гимназіяхъ. Убѣдившись на опытѣ въ пользѣ приготовительныхъ классовъ, мы откровенно сказать желали бы, чтобы родители не только недостаточные, но и богатые проводили чрезъ эти классы своихъ дѣтей. Родители сами убѣдятся, что ихъ дѣти въ приготовительномъ классѣ приучаются къ порядку, вниманію, дисциплинѣ, усвоиваютъ себѣ уваженіе къ учебному заведенію, къ начальникамъ и наставникамъ. Это послѣднее качество безусловно необходимо для ученика; но не можемъ не замѣтить, оно рѣдко встрѣчается домашнимъ воспитаніемъ.

Къ прискорбію, между домомъ и школою до сего времени существуетъ нѣкоторый антагонизмъ, болѣе всего вредящій успѣшному ходу классныхъ занятій учениковъ. Къ прискорбію, находятся родители, которые при дѣтяхъ осуждаютъ порядки и ученіе школы, начальниковъ и преподавателей, подрывая въ своихъ дѣтяхъ уваженіе къ школѣ и воспитателямъ. Есть не мало родителей, которые вполнѣ вѣрятъ своимъ дѣтямъ, чтобы тѣ ни рассказывали имъ о порядкахъ учебнаго заведенія и преподавателей. Дѣти, любящія развлеченія и пренебрегающія вслѣдствіе этого классными уроками, получая дурныя отмѣтки, свою собственную вину сваливаютъ на учителей, говоря, что они много задаютъ, ничего не объясняютъ, и легковѣрные родители кипятятся, бранятъ учителей при этихъ рассказахъ, доходя до того, что жалуются на учителей начальнику учебнаго заведенія, и, не получивъ отъ негожелаемаго, обращаются съ жалобами выше,—къ попечителю округа, даже къ министру, возводя въ своихъ жалобахъ обвиненія на учителей и начальство. Учителей обвиняютъ въ незнаніи предмета, въ небрежности, въ нехожденіи въ классъ, въ жестокости и несправедливости къ ученикамъ, а начальниковъ въ потворствѣ учителямъ, въ прихисненіяхъ учениковъ богатыхъ и дворянъ (если жалуется богатый родитель и дворянинъ), или бѣдныхъ (если жалуется бѣдный), возводя на нихъ иногда даже обвиненія во взяткахъ.

Какъ мало у насъ понимается необходимость поддерживать въ учащихъ уваженіе къ школѣ и къ начальству, показы-

ваетъ между прочимъ сейчасъ прочитанный нами въ 151 № Свѣта за 1888 годъ анекдотъ, подъ названіемъ «пари».

Родитель: «Я боюсь, г. директоръ, что мой сынъ не выдержитъ экзамена изъ латинскаго языка».

Директоръ: «Вздоръ! хотите пари на двѣсти рублей, что выдержитъ?»

Сколько менѣе приличныхъ остроумій распускается о начальствѣ и наставникахъ учебныхъ заведеній, сколько жалобъ по истинѣ возмутительно-несправедливыхъ поступаетъ къ высшему начальству отъ родителей, излишне, не разумно довѣряющихъ своимъ дѣтямъ.

Сколько чрезъ это доставляется воспитателямъ заботъ, огорченій, непріятностей. А сколько и безъ этихъ жалобъ труда тяжелаго предстоитъ имъ. Справедливо выраженіе, употребляемое однимъ заслуженнымъ учителемъ: «горекъ хлѣбъ учителя».

Когда то установится желанное и столь необходимое для блага учащихся и воспитывающихся согласіе между домомъ и школою? Когда то родители сознаютъ, что дѣйствительно горекъ хлѣбъ учителя, что много труда и заботъ полагается учащими и воспитывающими для обученія учащихся и что долгъ родителей всячески содѣйствовать успѣху обученія, а содѣйствовать они могутъ воспитаніемъ и постояннымъ укрѣпленіемъ въ дѣтяхъ уваженія къ начальникамъ и преподавателямъ учебнаго заведенія.

Замѣчательно, что даже народы, переживающіе дѣтскій возрастъ, съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ учителямъ и воспитателямъ. По китайскимъ правиламъ, «всю жизнь должно почитать, какъ отца, воспитателя, который усыновилъ ребенка. Когда ученикъ сопровождаетъ учителя, онъ не долженъ оставлять его, чтобы поговорить съ кѣмъ нибудь. Онъ не долженъ идти по его слѣдамъ, но нѣсколько вправо. Если учитель облокотится на плечо ученика, чтобы сказать ему что нибудь на ухо, ученикъ долженъ закрыть ротъ рукою, чтобы не беспокоитъ учителя своимъ дыханіемъ. Онъ никогда не долженъ перерывать рѣчь учителя». По вѣрованію индусовъ, «кто порицаетъ своего учителя, даже еслибы тотъ

въ чемъ и ошибся, душа того войдетъ, послѣ его смерти, въ тѣло осла; если же онъ порицаетъ напрасно, то сдѣлается собакою. Если кто воспользуется чѣмъ нибудь принадлежащимъ учителю безъ позволенія послѣдняго, то душа его войдетъ въ тѣло червячка. Если наконецъ позавидуетъ заслугамъ учителя, то превратится въ огромнаго червя. Кто постоянно почитаетъ своего учителя, тотъ приобрѣтаетъ небесный міръ Брамъ». «Молодой человѣкъ долженъ уважать своего учителя, какъ самого Будду; онъ не долженъ противорѣчить ему, если бы даже тотъ говорилъ и неправду; не долженъ говорить объ его ошибкахъ; не долженъ входить къ нему, когда его двери притворены,—ударяетъ три раза въ дверь, и если ему не отворятъ, долженъ удалиться. Когда учитель всходитъ на гору, онъ долженъ нести за нимъ кресло, чтобы тотъ могъ отдохнуть» и пр. У персовъ ученикъ обязанъ былъ почитать учителя болѣе, чѣмъ родителей, такъ какъ учитель заботится о воспитаніи души, самой благородной части человѣка.

Оставляя въ сторонѣ оригинальность процитированныхъ правилъ, объясняемую младенческимъ возрастомъ народа, мы не можемъ не обратить вниманія на достойную подражанія сущность дѣла,—на почтительность къ учителямъ и воспитателямъ, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время, такъ упала, что осталась лишь въ преданіи, между тѣмъ она желательна и необходима какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Ученики, сохраняющіе почтеніе къ наставникамъ, будутъ внимательно слушать уроки и наставленія учителя и воспитателя, и слѣдовательно каждое слово учителя и воспитателя будетъ приносить пользу ученикамъ; учителя и воспитатели съ удвоенною энергіею и усердіемъ будутъ исполнять свои важныя и святыя обязанности, видя уваженіе и внимательность къ нимъ въ своихъ ученикахъ.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, отношенія дома и школы должны быть такія же, какія между матерью и отцемъ. Какъ мать и отецъ, при воспитаніи своего ребенка, должны быть единомысленны и согласны, такъ же должны быть единомысленны и согласны домъ и школа. Какъ въ распоряженіяхъ матери и

отца отнюдь не должно быть противорѣчій въ отношеніи къ веденію ребенка, и если бы мать была и недовольна какимъ либо распоряженіемъ отца, она никакъ не должна выказывать своего недовольства передъ ребенкомъ, или, что еще хуже, отмѣнять распоряженіе отца, то же долженъ дѣлать въ свою очередь и отецъ; точно также не должно быть противорѣчій между домомъ и школой; родители отнюдь не должны, въ присутствіи своего сына или дочери, учащихся въ школѣ, высказывать недовольство или осужденіе относительно распоряженій начальства, распорядковъ школы, а тѣмъ менѣе позволять сыну или дочери не исполненіе заданныхъ уроковъ или нарушеніе учащимися правилъ школы. Само собою разумѣется, что школа съ своей стороны обязана бдительно наблюдать, чтобы уроки были задаваемы по силамъ и возрасту учениковъ, и чтобы правила школы не входили во всѣ подробности домашняго, внутренняго быта учениковъ, не старались урегулировать каждый ихъ шагъ даже въ семейной жизни. Правила школы должны быть не многословны, но опредѣленны, и каждое требованіе школы должно быть соблюдаемо учениками.

Въ дѣлѣ воспитанія мелочей нѣтъ: изъ массы мелочей можетъ составиться весьма крупное изуродованіе молодаго поколѣнія. Отъ малой искры домъ загорается, пламя съ быстротой перебѣгаетъ отъ дома къ дому, и цѣлое селеніе, порой цѣлый городъ дѣлается жертвою огня. Такъ и въ воспитаніи. Начинается дѣло съ малаго, съ несоблюденія, на примѣръ, формы. Сначала при гимназическомъ сюртукѣ надѣвается расшита рубашка поверхъ панталонъ, потомъ снимается сюртукъ, остается узорочная рубашка, на которую накидывается форменное пальто, производится такимъ образомъ смѣшеніе формы, потомъ форма совершенно устраняется въ гимназіи, ученикъ одѣвается пшютикомъ, приподнимаетъ плечи посредствомъ особенной накладки на нихъ и пріударяетъ за барышнями. Конечно, при этомъ и ученіе, подобно формѣ, устраняется: пшютику учиться некогда. У него и безъ того много дѣла; посѣщеніе гуляній, вечеровъ, театра, собраніе подписокъ на букеты актрисамъ, визиты имъ, затѣмъ хожденіе въ рестораны, игра въ карты, кутежи съ пріятелями. И

образуется молодой человекъ, что называется, «завей горе въ тряпочку», готовый на все мелкое, дурное. Для него законъ не писанъ; онъ самъ себѣ законъ.

Желательно ли воспитаніе такихъ прожигателей жизни? А такіе субъекты воспитываются потворствомъ родителей, смотрѣніемъ сквозь пальцы на несоблюденіе ихъ учащимися сыновьями правилъ учебнаго заведенія, на открытое выраженіе ими пренебреженія къ урокамъ и совѣтамъ воспитателей.

Знали мы одну семью, состоявшую изъ отца, матери, дочерей и двухъ сыновей, отецъ былъ ученый человекъ, большой начитанности, трудолюбивый и энергичный; мать прекрасная хозяйка, оба, и отецъ и мать, любили общество. Еженедѣльно у нихъ собирались гости, и устраивались танцевальныя вечера, а по временамъ и домашніе театры. Сыновья были очень способные, отецъ самъ занимался съ ними усердно и помогалъ имъ, если они въ чемъ затруднялись. Казалось бы, изъ нихъ должны были выйти весьма дѣльные люди. Но, къ сожалѣнію отецъ, при всемъ своемъ умѣ и учености, былъ слабымъ отцемъ, онъ давалъ полную свободу дѣтямъ, вполне вѣрилъ всѣмъ ихъ розказнямъ на счетъ начальства и учителей того учебнаго заведенія, въ которомъ они учились, и на основаніи словъ сыновей, возмущался незнаніемъ и неумѣніемъ преподавателей, и пристрастнымъ, несправедливымъ отношеніемъ начальства къ его сыновьямъ; вездѣ горячо кричалъ онъ про дурное состояніе учебнаго заведенія. Старшій его сынъ сдѣлалъ дерзость инспектору, —отца попросили взять сына изъ гимназіи. Гнѣву отца не было границъ. Никогда онъ не могъ простить этой оказанной сыну «несправедливости». Онъ взялъ изъ учебнаго заведенія не только старшаго но и младшаго сына. Перваго отправилъ учиться за-границу, а второго отдалъ въ другое учебное заведеніе. Но и тамъ и «учителя были дурны», и «начальство никуда не годилось». Послалъ онъ его въ учебное заведеніе другого города, гдѣ служилъ учителемъ его родственникъ. Но и тамъ избалованный домашней средой, привыкшій къ вечерамъ и театрамъ и послѣднее время сильно ухаживавшій за одною изъ актрисъ, юноша не долго пробылъ. Скоро онъ сдѣлалъ тамъ дерзость,

и ему дали *consilium abeundi*. Тогда и отецъ потерялъ терпѣніе, — онъ пригрозилъ ему не признавать его сыномъ, пока онъ не выдержитъ испытанія зрѣлости. Способный юноша, отбывалъ воинскую повинность и готовился къ экзамену, запивая горе разлуки съ семьей зеленымъ виномъ. Экзаменъ онъ выдержалъ, поступилъ въ студенты, но продолжалъ все-таки разгульную жизнь. И дошелъ до того, что былъ исключенъ изъ университета за воровство. Печальный, потрясающій примѣръ. Уважай отецъ школу, какъ слѣдуетъ, не потворствуй сыновьямъ, они, при ихъ даровитости, вышли бы весьма полезными дѣятелями.

При существованіи такихъ родителей, не умѣющихъ и не могущихъ воспитывать своихъ дѣтей, нельзя не пожалѣть, что закрыты дворянскіе пансіоны при гимназіяхъ. Въ нихъ находили правильное воспитаніе какъ дѣти родителей, живущихъ не въ томъ городѣ, гдѣ есть гимназія, такъ и дѣти родителей, которые, по слабости и неумѣнію, не въ состояніи воспитывать дома своихъ дѣтей съ пользою. Когда существовали пансіоны, родители, сознающіе свою слабость и потворство къ дѣтямъ, отдавали ихъ для воспитанія въ пансіонъ. Мы знали одного отца; онъ страстно любилъ своего единственнаго сына, который былъ его радостію и утѣшеніемъ, такъ какъ напоминалъ ему любимую жену, которую онъ рано потерялъ. Отецъ самъ жилъ въ городѣ, гдѣ была гимназія съ дворянскимъ пансіономъ, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства и по своему положенію, и по средствамъ имѣлъ возможность взять для воспитанія сына гувернеровъ и учителей, но, чувствуя, что онъ любитъ сына до слабости, до исполненія всѣхъ его прихотей, и видя, что его Коля дѣлается необузданнымъ мальчикомъ, съ которымъ ладу нѣтъ, онъ обратился къ директору гимназіи: «возьмите, ради Бога, моего Колю въ пансіонъ, онъ у меня совсѣмъ избалуется». Колю приняли въ пансіонъ, сначала онъ попробовалъ предаться своимъ необузданнымъ шалостямъ, но, встрѣтивъ твердый отпоръ своему своеволію, постепенно пріучался къ послушанію, сталъ учиться, и изъ него вышелъ прекрасный юноша, всегда съ особенною благодарностію и уваженіемъ

относившійся къ отцу именно за то, что, не смотря на горячую любовь къ сыну, отецъ имѣлъ мужество помѣстить его въ гимназическій пансіонъ. Считаемо уместнымъ при этомъ заявить, что мы рѣшительно противъ того, къ сожалѣнію, сильно распространеннаго мнѣнія (не говоримъ убѣжденія, потому что убѣжденіе всегда сознательно и основывается на фактахъ, строго проверенныхъ), будто пансіоны и институты лишь необходимое зло. Мы напротивъ признаемъ пансіоны и институты необходимымъ добромъ, приносящимъ пользу и дѣтямъ, и родителямъ. И многіе, теперь уже старики, полагаемъ, не безъ удовольствія и съ глубокою благодарностію вспоминаютъ о томъ времени, когда они жили въ благородныхъ пансіонахъ среди веселаго, оживленнаго круга товарищей, въ особенности, если начальство съ любовію занималось воспитаніемъ дѣтей, ввѣренныхъ его попеченію и руководству. Благо было бы, если бы пансіоны снова устроились при мужскихъ гимназіяхъ, благо было бы, если бы интернаты открылись и при реальныхъ училищахъ, съ сердечною благодарностію, мы увѣрены, встрѣтили бы ихъ открытіе многіе родители.

Ученіе и воспитаніе дѣтей, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ идти правильно, цѣлесообразно и съ полнымъ успѣхомъ только при условіи, когда родители уважаютъ порядки и правила школы, внушаютъ дѣтямъ своимъ полное уваженіе къ требованіямъ учебнаго заведенія, къ начальству и наставникамъ, наблюдаютъ за занятіемъ и поведеніемъ дѣтей, не допускаютъ развлеченій, могущихъ повредить ихъ учебнымъ занятіямъ, какъ то: частаго выѣзда въ гости, на вечера, посѣщенія театра и т. п., словомъ всего, что можетъ вредить сосредоточенности вниманія дѣтей на ученіи. О посѣщеніи цирка мы и не упоминаемъ: циркъ—не для дѣтей,—ихъ нервы недостаточно крѣпки для такихъ зрѣлищъ, а закалятъ дѣтскіе нервы до такой степени, чтобы дѣти не только равнодушно выносили сильныя ощущенія, циркомъ доставляемые, но и находили въ нихъ удовольствіе, едва-ли желательно.

Время пребыванія въ учебномъ заведеніи должно быть все-

цѣло посвящено ученію, для развлеченій будетъ довольно времени и послѣ; раннія развлеченія и удовольствія и отвлекаютъ отъ ученія, и ведутъ лишь къ преждевременному пресыщенію.

Дѣтей, учащихъ въ учебномъ заведеніи, слѣдуетъ приучать къ самостоятельнымъ занятіямъ, не держать ихъ постоянно на помочахъ, приглашая для приготовленія ихъ домашнихъ учителей и репетиторовъ. Обращаемъ на то особенное вниманіе родителей, такъ какъ обычай приглашать репетиторовъ сильно распространенъ, а это обычай положительно вредный, потому что воспитываетъ въ дѣтяхъ апатію и лѣность; въ надеждѣ на помощь репетитора и способный мальчикъ нерѣдко проводитъ время въ бездѣятельности и праздности. По нашему мнѣнію, домашняя помощь для ученика школы потребна только вначалѣ, въ приготовительномъ и пожалуй въ первомъ классѣ, и помощь, по преимуществу состоящая въ приученіи учащагося къ основательному приготовленію cadaго задаваемого урока, какъ устнаго, такъ и письменнаго. Привыкнувъ къ основательному приготовленію вначалѣ, ученикъ легко сохранить эту добрую привычку и во все время ученія, если родители не будутъ упускать его изъ виду, будутъ постоянно слѣдить, чтобы онъ учился сообразно своимъ способностямъ.

Обращаемъ также вниманіе родителей на укоренившуюся и очень распространенную страсть къ куренію, съ которою учебнымъ заведеніямъ приходится вести борьбу нерѣдко, къ сожалѣнію, безплодную. Въ послѣднее время взглядъ на вредъ куренія табаку установленъ достаточно учеными врачами; и родители положительно обязаны всѣми мѣрами отвлекать дѣтей отъ куренія. Лучшая и болѣе дѣйствительная мѣра безспорно состоитъ въ томъ, чтобы родители сами не курили. Дѣти, какъ извѣстно, очень любятъ подражать старшимъ и разыгрывать роль большихъ; а такъ какъ большіе, видятъ они, курятъ, то какъ же и дѣтямъ не курить. Замѣчено, что въ семьѣ, гдѣ никто не курить, и дѣти не курятъ. И такъ для того, чтобы дѣти и не начинали пробовать курить, родителямъ слѣдуетъ, если они курятъ, переломить себя и перестать курить. Это,

повѣрьте, очень возможно, мы на себѣ испытали, нужно только небольшое усиленіе воли. А сдѣлать такое усиленіе вполне стоитъ и для блага дѣтей, и для блага самихъ родителей, которые безцѣльною привычкою куренія вредятъ своему здоровью.

Не можемъ не привести при этомъ разумныхъ словъ раскольниковъго попа, слышанныхъ нами въ одну изъ поѣздокъ по Волгѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда пароходъ нашъ бѣжалъ мимо Жигулевскихъ живописныхъ горъ, окаймляющихъ луку рѣки Волги. На вопросъ курящаго господина: неужели вы, человѣкъ умный и начитанный, тоже считаете табакъ бѣсовскимъ зельемъ и потому не курите? раскольникій попъ отвѣтилъ: «Напрасно вы думаете, что всѣ раскольники не курятъ потому, что почитаютъ табакъ бѣсовскимъ зельемъ. Такого мнѣнія держатся только менѣе развитые. А остальные не курятъ потому, во-первыхъ, что не чувствуютъ и потребности курить, съ дѣтства привыкнувъ видѣть, что ни родители, ни знакомые не курятъ, потому во-вторыхъ, что сознаютъ, что куреніе—лишь пустая привычка, ведущая къ безцѣльной потерѣ времени и къ непроизводительной тратѣ денегъ; въ третьихъ, потому, что считаютъ грѣхомъ заражать тлетворнымъ куревомъ тотъ чистый, прекрасный воздухъ, который данъ намъ Создателемъ. Посмотрите, какъ все прекрасно вокругъ насъ, какое благоуханіе отовсюду, а вы и не слышите этого благовопія, когда курите. Стоитъ ли изъ—за табаку лишать себя удовольствія наслаждаться свѣжимъ, чистымъ, благоухающимъ воздухомъ, которымъ такъ пріятно дышать?»

Не можемъ не сказать здѣсь и о томъ чисто бѣсовскомъ, огненномъ, какъ охарактеризовали его дикари, напитокѣ,—водкѣ, которая отравляетъ милліоны, лишая ихъ и здоровья, и ума, и воли, и подрывая благосостояніе не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Не можемъ не сказать потому, что пьянство, къ прискорбію, не рѣдко, особенно между учащимися высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя не указать, что страсть къ спиртнымъ напиткамъ заражается часто еще въ домашней средѣ.

Вредъ водки каждый знаетъ и видитъ, а между тѣмъ находятъ родители, которые даютъ своимъ дѣтямъ крѣпкое ви-

ноградное вино, наливку и даже просто водку «для здоровья», какъ они говорятъ, и мало по малу приучаютъ ихъ къ этому огненному напитку. Мы не удивляемся, что пьющіе запоемъ, въ то время, когда они пьютъ, потчуютъ водкой и дѣтей своихъ, даже силой заставляютъ пить: они въ водкѣ видятъ высшее наслажденіе, они «безъ водки не могутъ дышать», какъ мы безъ воздуха, и желаютъ, чтобы и дѣти ихъ приняла участіе въ ихъ упоеніи. Но нельзя не подивиться, какъ родители, пьющіе, «какъ и всѣ», даютъ иногда водки ребенку, сначала по глотку, потомъ по рюмочкѣ и наконецъ по рюмкѣ «здоровья ради», для укрѣпленія силъ и аппетита, тогда какъ теперь уже признано, что водка нисколько не служитъ ни къ укрѣпленію силъ, ни къ увеличенію аппетита. Выпиваніе передъ закуской водки такая же безцѣльная, пустая привычка, какъ и куреніе. Не приучать къ водкѣ, а всѣми силами внушать отвращеніе къ ней въ дѣтяхъ обязаны родители. И въ этомъ случаѣ лучшая мѣра—примѣръ родителей. Если въ семействѣ нѣтъ большихъ, пьющихъ водку, то и дѣти не пьютъ, и мысли у нихъ нѣтъ о томъ, что нужно или можно пить ¹⁾.

Родители по истинѣ ковачи счастья дѣтей. По ихъ слѣдамъ идутъ дѣти, и горе родителямъ, которые подаютъ дѣтямъ дурныя примѣры и тѣмъ зарождаютъ и укрѣпляютъ въ нихъ дурныя привычки, а укоренившаяся привычка дѣлается впоследствии второю природою. А много ли семействъ, въ которыхъ дѣтямъ нѣтъ соблазна?

Типъ учебнаго заведенія создается вѣками, учебная система, порядки и правила учебныхъ заведеній—плодъ долгихъ думъ и многолѣтнихъ опытовъ. Изъ результатовъ этихъ опытовъ составилаь цѣлая наука педагогика, по указаніямъ которой

!

¹⁾ Не можемъ не указать на лекцію профессора физиологической химіи въ Базельскомъ университетѣ Бунге: «Алкоголизмъ». Авторъ стоитъ за постепенное и полное запрещеніе алкоголизма. «Алкоголь, говоритъ Бунге, ослабляетъ умственныя способности человѣка, дѣлаетъ его равнодушнымъ къ болѣе высокимъ наслажденіямъ жизни; въ концѣ концовъ онъ доводитъ его до свотскаго состоянія. Алкоголь, заглушая нравственный идеалъ, становится самымъ важнымъ препятствіемъ къ прогрессу человѣчества».

устраиваются и дѣйствуютъ учебныя заведенія. Поэтому правильно поставленная школа (учебное заведеніе) представляетъ болѣе обдуманную и стройную организацію, чѣмъ семья, слагающаяся изъ случайныхъ элементовъ и дѣйствующая болѣею частію не строго систематически, а по субъективнымъ понятіямъ и привычкамъ главы семьи. Понятно, гдѣ скорѣе могутъ проявляться ошибки и уклоненія отъ истиннаго пути воспитанія. Понятно, что скорѣе семья должна внимательно прислушиваться къ требованіямъ и совѣтамъ школы, чѣмъ наоборотъ: требованія школы болѣе разумны, хотя и кажутся иногда педантичными и формалистическими, особенно людямъ, никогда не думавшимъ и не привыкшимъ думать о вопросахъ воспитанія.

«Мы знаемъ лучше, что нужно нашимъ дѣтямъ», часто слышится отъ родителей, недовольныхъ порядками учебнаго заведенія. Такъ ли это?

Тяжелый жизненный опытъ, масса неудачниковъ, вышедшихъ такими по вѣпѣ семьи, даетъ намъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Мы не знаемъ, что нужно нашимъ дѣтямъ, слѣдовало бы сказать по совѣсти, и потому полагаемся на мнѣніе людей компетентныхъ въ дѣлѣ воспитанія, внимательно прислушиваемся къ требованіямъ школы и стараемся исполнять ихъ по мѣрѣ силъ. Благо было бы и для семьи, и для школы, а главное для дѣтей, обучающихся въ школѣ, если бы родители пришли къ такому убѣжденію, и если бы они приучали дѣтей въ точности исполнять всѣ требованія школы, въ чемъ бы они ни состояли, хоть бы въ такихъ, какъ выражаются родители, «мелочахъ», какъ ношеніе ранцевъ, непременно на спинѣ, съ перваго класса до послѣдняго, или недозволеніе надѣвать подъ гимназическій мундиръ красныхъ и иныхъ разноцвѣтныхъ, вышитыхъ даже любящею рукою матери и сестры рубахъ. Для ученика каждое требованіе школы должно быть закономъ, вотъ что обязаны внушать родители дѣтямъ. Навыкнувъ въ точности исполнять законы школы, прошедшій школу ученикъ будетъ столь же точно исполнять и законы государственныхъ.

Всмотритесь въ правила учебныхъ заведеній, вы увидите, что здѣсь на все необходимое и существенное обращено вниманіе: и на религіозную сторону, — требуется, чтобы ученики въ праздничные дни посѣщали богослуженіе, чтобы ежегодно были у исповѣди и святаго причастія; — и на нравственную, — указывается, чтобы они вели себя прилично, оказывали уваженіе начальствующимъ и наставникамъ, не посѣщали такихъ мѣстъ, гдѣ нравственности ихъ можетъ угрожать соблазнъ; и на умственную, — подробно обозначено, какъ они должны заниматься; и на гигиеническую, — даются совѣты для сохраненія здоровья. Въ этихъ правилахъ (говоримъ о правилахъ для учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ), между прочимъ дозволяется посѣщеніе театровъ не иначе, какъ съ разрѣшенія инспектора. Понятно, съ какою цѣлію внесено такое правило, — инспекторъ не пуститъ въ театръ ученика на не нравственную пьесу, не пуститъ конечно и плохо успѣвающего.

Мы лично противъ посѣщенія театра учениками низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. По нашему мнѣнію, театръ слишкомъ развлекаетъ и увлекаетъ молодые умы, и въ ученическіе годы не можетъ имѣть полезнаго, развивающаго значенія, такъ какъ для этого требуется болѣе умственнаго развитія. Посѣщеніе театра лучше бы начинать по окончаніи курса гимназій и реальныхъ училищъ. Тогда посѣщеніе театральныхъ представленій не только не вредно, но и полезно: болѣе развитый умъ можетъ правильнѣе дѣлать оцѣнку сценическихъ представленій и конечно будетъ выбирать лучшее. Не съ дѣтскимъ увлеченіемъ, но съ критическимъ взглядомъ будетъ смотрѣть на сцену молодой человѣкъ, прошедшій не легкій курсъ классической гимназіи и реального училища.

Гимназическія правила соблюдаютъ осторожность и въ выборѣ квартиръ для учениковъ, живущихъ не у родителей, дозволяя учащимся жить только на тѣхъ квартирахъ, содержатели которыхъ извѣстны начальству. Это весьма благоразумное правило, указывающее на необходимость осторожности и со стороны родителей относительно выбора знакомствъ

ихъ сыновьями. Мы не можемъ не обратить вниманія на то, что лучше всего, если дѣти жьвуть болѣе въ семьѣ и выходятъ только вмѣстѣ съ родителями. Отдѣльныхъ знакомствъ ученикамъ имѣть не слѣдуетъ, чтобы не попасть въ дурную среду, чтобы не запутаться въ крѣпкихъ тенетахъ, которыя въ настоящее время разбрасываются всюду злоумышленными людьми и въ которыя особенно уловляются еще не крѣпкіе умомъ и развитіемъ, не богатые опытностью юноши. Въ настоящее время, больше чѣмъ когда-нибудь, родители должны зорко блюсти за знакомствами своихъ дѣтей, чтобы въ число ихъ знакомыхъ не попали волки въ овечьей шкурѣ. столь опасныя для молодыхъ незрѣлыхъ умовъ проповѣдники политической крамолы, прикрывающіе свои преступныя цѣли привлекательными и сладкими рѣчами объ общемъ благѣ и счастіи народа.

Не можемъ безъ ужаса вспомнить о несчастной судьбѣ одного юноши, котораго мы видѣли въ его дѣтскіе и отроческіе годы въ кругу семьи, окруженнаго любовью и ласкою. Отецъ его былъ истинно-русскій, религіозный, честный, солиднаго образованія человекъ, оставившій, послѣ своей смерти, самыя теплыя воспоминанія о себѣ въ обществѣ, въ своихъ сослуживцахъ и подчиненныхъ. Любилъ онъ своего старшаго сына Сашу самою нѣжною любовью и возлагалъ на него большія надежды. И дѣйствительно, при жизни отца, подъ его личнымъ благотворнымъ вліяніемъ, Саша отлчно учился въ гимназіи и окончилъ курсъ съ золотою медалью. Отецъ скончался, и сынъ, по окончаніи курса гимназіи, поступилъ въ столичный университетъ; и тамъ, будучи уже на 4 курсѣ, опозорилъ себя и семью и честное имя отца—умеръ смертію тяжкаго государственнаго преступника. Прочитавши его имя въ числѣ осужденныхъ къ смертной казни, мы отъ души порадовались, что его благородный отецъ не дожилъ до такого ужаса и умеръ съ надеждою, что его Саша выйдетъ честнымъ и полезнымъ дѣятелемъ. Какъ же отъ такого благороднаго дерева произошелъ такой дурной отпрыскъ? Мы имѣемъ основаніе полагать, что произошло это бѣдствіе отъ дурнаго знакомства съ людьми, растлившими юношу и направившими его на путь преступленія.

Вотъ такихъ то знакомствъ и сближеній должны бояться и всячески избѣгать родители для своихъ дѣтей: эти знакомства особенно опасны въ юношескую пору, въ пору студенчества. Поэтому то и желательно, чтобы родители могли быть со своими сыновьями въ эту самую опасную пору, въ которую молодые люди легко могутъ попасть въ тенета, разставляемыя искусною рукою, легко могутъ пойти по такой дорогѣ, которой и врагу никто не пожелаетъ. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ родители въ состояніи быть при своихъ дѣтяхъ во время прохожденія ими университетскаго курса, особенно не въ силахъ сдѣлать этого недостаточные родители, живущіе не въ университетскомъ городѣ. Для сыновей такихъ родителей великимъ благомъ и спасеніемъ служили бы прежніе такъ называемые казенные номера, т. е. конвикты казеннокошныхъ студентовъ, гдѣ студенты были всѣмъ необходимымъ обеспечены, и чрезъ то получали полную возможность заниматься наукою, и гдѣ за ними былъ благоразумный, не слишкомъ ихъ стѣснявшій надзоръ начальства. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, казенные номера уничтожены, казеннокошные студенты переименованы въ казенныхъ стипендіатовъ, и имъ выдаются стипендіи на руки, а сами они предоставлены самимъ себѣ! Много бѣдъ надѣлало закрытіе казенныхъ студенческихъ номеровъ.

Благо тѣмъ родителямъ, которые воспитаютъ своихъ дѣтей въ духѣ православія и народности, вложатъ въ нихъ любовь къ Евангельскому слову, къ чтенію Евангелія. Съ теплою вѣрою въ сердцѣ, съ Евангеліемъ, сдѣлавшимся достоинствомъ и неизмѣннымъ спутникомъ и руководителемъ жизни, прошедшій такую воспитательную школу будетъ и благочестивымъ сыномъ Церкви православной, и преданнымъ Царю и отечеству, честнымъ, дѣятельнымъ гражданиномъ, и любящимъ семьяниномъ, заботливо пекущимся о христіанскомъ воспитаніи своихъ дѣтей.

Шестаковъ.

ОСУЖДЕНІЕ, СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА *).

III.

Воскресеніе Іисуса Христа.

Исторія великаго человѣка заканчивается могилою. Посредствомъ своей смерти онъ входитъ въ невидимый міръ, который закрытъ для насъ. Его болѣе не видно; его болѣе не слышно; послѣ него, съ воспоминаніемъ о немъ, остаются только его ученики, его ученіе, его установленія, его труды и тайное направленіе его безсмертнаго духа. Но какъ рожденіе Іисуса Христа не было похоже на наше, такъ и смерть Его тоже не была похожа на нашу.

Суббота приближалась къ концу ¹⁾. Святая жены, вѣрныя послѣдовательницы Іисуса, оплакивая похороненнаго Учителя, не имѣли другой мысли, какъ только почтить Его смерть. Марія Магдалина, Марія, мать Іакова, Саломія возвратились на Голгоѳу, чтобы видѣть гробъ Іисуса. Послѣ же захода солнца онѣ купили благовоній, которыя хотѣли излить на Его тѣло.

На другой день, въ первомъ часу, еще до восхода солнца, онѣ покинули Вифанію и направились къ Голгоѳѣ, неся ароматы, приготовленные еще наканунѣ. Дорогой онѣ говорили между собой:—Кто отвалить намъ камень отъ входа въ гробъ?

Съ самаго момента своего исшествія изъ Вифаніи, ни одна

*) См. ж. «В. и Р.», 1891 г. Апрѣль, кн. 1.

1) Мате., XXVIII; Марка, XVI; Луки, XXIV; Іоан., XIX, XX, XXI.

изъ нихъ и не подозрѣвала того чрезвычайнаго событія, которое произошло.

Вдругъ земля поколебалась. Божественная сила, ангелъ Божій, говоритъ Евангеліе, сошелъ съ неба. Онъ отвалилъ камень отъ входа и сѣлъ на него; его видъ былъ, какъ молнія и его одежды были бѣлы, какъ снѣгъ. При видѣ его стражи у гроба, объятые ужасомъ, попадали какъ мертвые на землю, а когда пришли въ себя отъ ужаса, то разбѣжались ¹⁾).

Солнце уже взошло, когда святыя жены приблизились къ Голгоѣ; подойдя къ гробницѣ, онѣ увидѣли ее открытой, а большой камень отваленнымъ. При видѣ этого Марія Магдалина подумала, что тѣло ея Учителя было украдено или отдано на поруганіе, и, въ то время, какъ ея спутницы проникли внутрь гробницы, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ онѣ ничего не нашли, она пошла къ Симону Петру и Іоанну, любимѣйшему ученику Іисуса.

- Унесли Учителя моего, сказала она имъ внѣ себя отъ горя, и не знаемъ, гдѣ положили Его.

Петръ и Іоаннъ тотчасъ же встали и пошли къ мѣсту погребенія. Они не шли, а бѣжали, по выраженію одного изъ нихъ. Іоаннъ самъ рассказываетъ объ этомъ. Онъ прибылъ первымъ. Наклонясь къ отверстию грота, онъ увидѣлъ тамъ однѣ лишь пелены, лежавшія на землѣ; но онъ не вошелъ внутрь. Петръ, который пришелъ вслѣдъ за нимъ, смѣло вошелъ въ гробницу; онъ тоже увидѣлъ тамъ однѣ только пелены, лежавшія на землѣ, и платъ, покрывавшій голову Іисуса, сложенный въ сторонѣ отдѣльно отъ савана. Іоаннъ проникъ съ Петромъ въ гробницу и увидѣлъ то же самое; и онъ повѣрилъ тогда тому, что говорила ему Марія Магдалина, т. е., что Учитель ихъ былъ украденъ.

Мысль о воскресеніи Іисуса, о воскресеніи во плоти не приходила имъ на умъ; они этого еще не знали тогда, по свидѣтельству Евангелиста; и хотя они нѣсколько разъ слышали объ этомъ отъ Учителя, когда Онъ въ сильныхъ выраженіяхъ возвѣщалъ имъ это, но они не понимали Его. Они

1) Мате., XXVIII, 2—4.

смотрѣли на воскресеніе сквозь свои религіозныя предразсудки и смѣшивали Воскресеніе съ пришествіемъ Мессіи въ величіи и славѣ Его царствованія.

Итакъ, посѣтивъ гробъ, они возвратились къ себѣ ¹⁾ печальныя, обманутыя въ ожиданіяхъ.

Женщины, каждая со своимъ горемъ, со своею печалью, ходили по саду. Марія же плакала, стоя у входа въ погребальный гротъ; когда она наклонилась, чтобы видѣть по крайней мѣрѣ то мѣсто, гдѣ былъ положенъ Іисусъ, она замѣтила двухъ ангеловъ въ человѣческомъ видѣ, одѣтыхъ въ бѣлую одежду, одного въ головахъ, а другого у ногъ погребальнаго ложа.—Женщина, сказали они ей. чего ты плачешь?—Унесли Учителя моего, отвѣчала она, и не знаю, гдѣ положили Его.

Сказавъ это, она обернулась, какъ бы ища Его своими глазами, полными слезъ.

Тогда она увидѣла Іисуса, но не узнала Его.—«Женщина», сказалъ ей Іисусъ, «чего ты плачешь? Кого ищешь»? Думая, что это былъ садовникъ, она отвѣчала Ему:—Господинъ! если это ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ Ты положилъ Его, и я возьму Его.

Іисусъ воззвалъ къ ней по имени: «Марія»! При звукахъ Его голоса, при этомъ призывѣ, который она такъ часто слышала прежде, она узнала своего Учителя.—О, мой Учитель! воскликнула она, бросаясь къ Его ногамъ, чтобы обнять ихъ, какъ это дѣлала въ то время, когда Онъ былъ еще живъ.

— «Не прикасайся ко Мнѣ», сказалъ Іисусъ, «ибо Я еще не возшелъ къ Отцу Моему. а иди къ братіямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, къ Богу Моему и Богу вашему».

Эти таинственныя слова давали понять Магдалинѣ, что еще не пришелъ часъ наслаждаться божественнымъ присутствіемъ ея Учителя и Его преобразованнымъ человѣчествомъ. Онъ возвратился на эту землю, чтобы сейчасъ же и уйти отсюда. Онъ еще не былъ на мѣстѣ безсмертія, Онъ восходитъ къ Своему Отцу, въ Его Царство Славы. Тамъ осуществится

¹⁾ Іоанна, XX, 2—10.

полное общеніе Его со Отцемъ по власти, которая никогда не прекратится, и по блаженству, которое не будетъ омрачаться болѣе ничѣмъ земнымъ.

Въ ожиданіи же этого, Онъ ввѣряетъ Своей возлюбленной ученицѣ посольство, которое обѣщаетъ неизреченное общеніе, къ которому Іисусъ призываетъ на небѣ всѣхъ своихъ вѣрныхъ, — Своихъ братьевъ, какъ Онъ ихъ называетъ. Никто болѣе Магдалины не заслуживалъ быть посланницей Іисуса въ этомъ отношеніи ¹⁾

Эта жѣнщина, которая первая увидѣла Его воскресшимъ, первая услышала Его голосъ, поняла тогда, почему гробъ былъ пустъ. Тѣло погребеннаго вовсе не было украдено. Сила всемогущаго Бога, проявляясь чрезъ невидимыя существа, которыя суть его посланники, поколебала землю и отвалила камень, закрывавшій гробъ; и Распятый возсталъ живой, побѣдоносный, прославленный.

Онъ оживилъ Свое тѣло, которое не должно было подвергаться разложенію смерти. Отнынѣ Іисусъ пребываетъ въ жизни, и Онъ не можетъ умереть.

Его тѣло, — то самое, которое Онъ предаль на страданія и на всѣ крестныя мученія, освобождено навсегда отъ закона страданія и отъ разложенія. Оно не можетъ ни измѣняться, ни подвергаться тлѣнію. Оно приобрѣло духовныя свойства. Матерія со своею плотностью и непроницаемостью не затрудняетъ его болѣе; тѣло это обладаетъ теперь такою тонкостью, которая проникаетъ сквозь всякую матерію. Тяжесть не обременяетъ его, пространство не ограничиваетъ его болѣе; оно такъ же быстро и легко, какъ воля, которая двигаетъ имъ и которой оно есть совершеннѣйшее орудіе. Оно бываетъ ощущаемо и видимо, по своему произволенію; оно исчезаетъ и вновь является, когда захочетъ того. Какъ душа принимаетъ форму своихъ идей, такъ и тѣло Іисуса облекается въ наружныя, какія Ему угодно, формы, не нарушая тѣмъ однако своей природы и своего тождества. Но оно сохранило свои раны, и раны эти будутъ славными и неизгладимыми знаками Его

¹⁾ Іоан. XX, 11—18.

земныхъ страданій, и даже въ Его Царствіи небесномъ онѣ будутъ свидѣтельствовать о Его побѣдѣ надъ грѣхомъ и о Его безконечной любви къ людямъ.

Сезерцая это тѣло, въ теченіи тѣхъ дней, когда Іисусъ благоволилъ являться, нѣкоторые избранные люди, которые удостоились этого божественнаго видѣнія, узнаютъ истинное назначеніе человѣка. Они видятъ, они осязаютъ, они слышатъ незримый міръ. Вся слава Іисуса, владыки смерти, воскресшаго для полной и безсмертой жизни, будетъ участію тѣхъ, кто увѣруетъ въ Него. Отнынѣ Его избранные будутъ обладать свѣтлою, непредѣльною надеждою; они будутъ знать, что грѣхъ побѣжденъ и что смерть тоже побѣждена вмѣстѣ съ грѣхомъ; и они могутъ изучить теперь послѣднія тайны этого мессіанскаго царства, осуществленнаго, наконецъ, въ ихъ Учителѣ. Подобно тому, какъ небо и ангелы, наполняющіе его, были восхищены и возбуждены къ дѣятельности вокругъ колыбели Іисуса, такъ точно они являютъ свою дѣятельность и возлѣ его гроба. Вѣра въ воскресшаго Христа будетъ величайшимъ рычагомъ, который подниметъ весь міръ. Чтобы возбудить ее въ ученикахъ Іисуса, сила Божія проявляется въ этотъ день.

Уныніе, упадокъ духа, скорбь, недоумѣніе овладѣли было даже апостолами. Провидѣніе допустило ихъ поддаться этой слабости, чтобы показать имъ, что сами по себѣ они ничто, если ихъ не подниметъ личная, прямая, всемогущая помощь Іисуса. Но не имъ прежде всѣхъ является Воскресшій, а Своимъ вѣрнымъ ученицамъ. Онъ утѣшаетъ прежде всего тѣхъ, чья печаль была болѣе мучительною, и Онъ посылаетъ ихъ принести надежду и вѣру Своимъ смущеннымъ ученикамъ.

Въ то время, какъ Марія Магдалина пошла увѣдомить учениковъ Іисуса, ¹⁾ нѣкоторыя изъ женъ, которыя также пришли ко гробу Іисуса и также были приведены въ ужасъ исчезновеніемъ тѣла Его, вдругъ увидѣли близъ себя двухъ ангеловъ въ видѣ человѣческомъ, одѣтыхъ въ лучезарныя одежды. Онѣ были объаты ужасомъ и опустили къ землѣ свои ослѣвлен-

1) Лук., XXIV, 3—8.

ныя очи; и ангелы сказали имъ:—Что ищете живаго между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь, Онъ воскресъ. Вспомните, что Онъ говорилъ вамъ, когда вы были еще въ Галилеѣ: Сыну человѣческому надлежитъ быть предану въ руки грѣшниковъ, быть распяту и въ третій день воскреснуть.

И они вспомнили тогда эти слова Іисуса.

— Подите же скорѣе, прибавили ангелы, и скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. ¹⁾ Онъ встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ: тамъ вы Его увидите, какъ Онъ говорилъ вамъ объ этомъ.

И онѣ вышли изъ погребальной комнаты, чтобы возвѣстить эти слова ученикамъ Іисуса. Онѣ были охвачены радостью, смѣшанною со страхомъ, и онѣ не осмѣлились произнести ни слова.

Вдругъ предъ ними явился Іисусъ:— «Радуйтесь», сказалъ Онъ имъ.

При видѣ Его, онѣ бросились къ Его ногамъ и обняли ихъ.— «Не бойтесь», прибавилъ Учитель, «но идите скажите Моимъ братьямъ, чтобы они шли въ Галилею; тамъ они увидятъ Меня».

Повѣствованіе Маріи Магдалины и ея подругъ встрѣтило у учениковъ Іисуса только недовѣріе. Имъ все рассказанное, говорить одинъ изъ Евангелистовъ, ²⁾ казалось лишь бредомъ.

Петръ однако всталъ и побѣжалъ на Голгоѳу во второй разъ; но, войдя въ гробницу и наклонившись надъ гробомъ, онъ увидѣлъ все еще лежація на землѣ пелены и ничего болѣе. Быть можетъ онъ надѣялся увидѣть своего Учителя. Но онъ вышелъ оттуда, удивляясь, что бы это могло значить.

Прежнее настроеніе господствовало въ началѣ той недѣли, которая слѣдовала за смертью Спасителя: это были скорбь и уныніе учениковъ, тѣхъ учениковъ, которыхъ называли Одинадцатью и которые, будучи приняты въ особенное расположеніе своего Учителя до послѣдней минуты, рѣшительно отказались отъ своей вѣрности Ему.

¹⁾ Мате., XXVIII, 7; Марка, XVI, 7.

²⁾ Луки, XXIV, 11.

Безмолвіе Бога въ виду осужденія и казни Іисуса убивало ихъ. Они рассчитывали на громкое проявленіе божественной силы и божественной славы, которая смутила бы враговъ ихъ Учителя и открыла бы Его мессіанское царство. И вдругъ ничего, ничего, кромѣ пустаго гроба, да разсказовъ женщинъ, утверждавшихъ, будто онѣ видѣли у гроба ангеловъ и Самого Господа. А сами они видѣли только пустой гробъ, да пелены, которыя обвивали Его тѣло, положенныя на землю, и саванъ, сложенный въ другомъ мѣстѣ. Петръ два раза приходилъ ко гробу, чтобы убѣдиться въ этомъ: въ первый разъ съ Іоанномъ, когда Марія Магдалина возвѣстила ему о томъ, что гробъ пустъ, и во второй разъ, когда Магдалина пришла разсказать ему о явленіи ангеловъ и Іисуса.

Чтобы побѣдить упорство Одиннадцати и дать имъ бодрость духа, надобно было, чтобы они были убѣждены въ воскресеніи; а чтобы убѣдить ихъ въ этомъ, не нужно было ничего другого, кромѣ явленія имъ воскресшаго Учителя, Который являлся бы имъ нѣсколько разъ въ реальности Своего тѣла и Своей прославленной жизни. Они уступятъ только Его присутствію и Его вліянію на нихъ. Тогда воскресеніе будетъ для нихъ болѣе не предметомъ вѣры, но очевиднымъ фактомъ; они хотятъ видѣть Іисуса, прикасаться къ Нему, слышать Его. И тогда они будутъ знать, что Учитель ихъ не былъ преданъ тѣлѣнню смерти, ¹⁾ что Богъ исхитилъ Его изъ власти Его враговъ и что Онъ вступаетъ въ Свою славу и Самъ освящаетъ Свое мессіанское царство.

Потрясающія событія утра, которыя ознаменовали воскресеніе Распятаго, тотчасъ же сдѣлались извѣстны всему городу. Нѣкоторые изъ стражи побѣждали увѣдомить о томъ Синедріонъ и первосвященниковъ ²⁾. Открываютъ засѣданіе чрезвычайнаго собранія. Саддукеи, обычные скептики, казалось не были приведены въ смущеніе происшедшимъ. Воскресеніе не входило въ ихъ философію. Поэтому оно могло казаться имъ только химерой. Эти ученые были мало проникательны. Вос-

¹⁾ Пс., XV, 10.

²⁾ Матт., XXVIII, 11 и сл.

кресеніе должно было стать величайшей побѣдой надъ ними. А они думали только о своемъ непосредственномъ интересѣ, и, преслѣдуя до конца свою политику обмана и ненависти, рѣшили извратить разсказъ стражей и купить цѣною денегъ ихъ обманъ. Говорите повсюду, приказали они, что ученики Іисуса пришли ночью и украли Его въ то время, когда вы спали. А если правитель захочетъ разслѣдовать это, то мы убѣдимъ его и защитимъ васъ. Не бойтесь же.

Подкупленные воины исполнили это приказаніе, и вымыселъ ихъ распространился въ іудейскомъ обществѣ. Онъ переходилъ изъ устъ въ уста еще и тогда, десять лѣтъ спустя, когда одинъ изъ Евангелистовъ, который повѣствуетъ объ этомъ событіи, писалъ свои воспоминанія.

Но истина не могла быть искажена человѣческимъ коварствомъ. Чудесныя дѣйствія Воскресшаго представляютъ полное свидѣтельство о Немъ, и никакой безпристрастный историкъ не осмѣлится положить въ основаніе религіи Іисуса обманъ нѣкоторыхъ саддукеевъ и корыстолюбіе нѣкоторыхъ воиновъ.

Ничто не показываетъ лучше состояніе духа учениковъ Іисуса въ дни, слѣдовавшіе за Его смертию, и въ день Его воскресенія, какъ слѣдующее событіе. Оно рассказано св. Лукою съ такими подробностями и съ такимъ неподдѣльнымъ душевнымъ волненіемъ, что полагали, и не безъ основанія, что св. Лука былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ событіи. ¹⁾

Былъ вечеръ воскреснаго дня. Двое учениковъ шли въ предмѣстѣе Никополиса, называемое Эммаусъ, ²⁾ отстоящее на сто шестьдесятъ стадій отъ Іерусалима. ³⁾

Дорогой они разговаривали о томъ, что произошло въ эти дни. Но въ то время, какъ они разсуждали такимъ образомъ

¹⁾ Луки, XXIV, 13 и сл.

²⁾ Voir Appendice S. *Emplacement d'Emmaüs.*

³⁾ Вулгата взмѣряетъ въ шестьдесятъ стадій; но здѣсь возможно видѣть ошибку переписчика. Codex Sinaiticus и Vaticanus указываютъ на сто шестьдесятъ.

между собою, къ нимъ приблизился Іисусъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними. Но что-то мѣшало ихъ очамъ узнать Его.

Прославленное тѣло Іисуса. при всей своей реальности, пребываетъ въ такомъ состояніи, которое не можетъ постигнуть никакая наука. Оно причастно силамъ духа. Оно можетъ явиться и исчезать, скрывается и открываться, мѣняться и измѣнять свою форму.

Присоединившійся къ двумъ названнымъ путникамъ Іисусъ имѣлъ видъ одного изъ числа тѣхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые прибыли въ св. городъ на праздникъ.

— «О чемъ вы разговариваете съ такою печалью, идя дорогою?» спросилъ Іисусъ.

Одинъ изъ нихъ, по имени Клеопа, сказалъ Ему въ отвѣтъ:— Неужели ты одинъ изъ тѣхъ чужестранцевъ въ Іерусалимѣ, который не знаетъ о томъ, что случилось здѣсь въ эти дни?

Іисусъ казался совершенно незнающимъ ничего, дабы этимъ заставить ихъ высказать, что они думаютъ.— «О чемъ же?» спросилъ Онъ ихъ.— Дѣло идетъ объ Іисусѣ изъ Назарета, который былъ пророкъ, сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и предъ всѣмъ народомъ. Первосвященники и начальники наши осудили Его на смерть и распяли Его. А мы было надѣялись, что Онъ избавитъ Израиля; но вотъ уже третій день нынѣ, какъ все это случилось.

— Справедливо, прибавилъ Клеопа, что нѣкоторыя женщины изъ нашихъ удивили насъ. Онѣ были рано у гроба и не нашли тамъ тѣла Его; возвратившись же сказали намъ, что видѣли явленіе двухъ ангеловъ, которые говорятъ, что Онъ живъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ ходили ко гробу и въ самомъ дѣлѣ нашли тамъ все такъ, какъ говорили женщины. Но Его они не нашли тамъ.

Тогда Іисусъ сказалъ имъ:— «О несмысленные и медлительные сердцемъ въ вѣрованіи всему тому, что предсказывали пророки! Не такъ ли надлежало Христу пострадать и войти въ славу Свою?»

И обозрѣвая всѣхъ пророковъ, начиная съ Моисея, Онъ изъяснялъ имъ то, что касается Христа во всемъ Писаніи.

Когда приблизились къ Эммаусу, Иисусъ, Котораго все еще не узнавали оба ученика Его, повидимому хотѣлъ продолжать Свой путь. Но тайная сила влекла ихъ къ Нему. Они умоляли Его остаться съ ними.—Останься съ нами, говорили они Ему, ибо уже поздно и солнце заходитъ.

Иисусъ принялъ ихъ гостепріимство.

Но когда Онъ возлежалъ съ ними за столомъ, то не смотря на то, что былъ гостемъ въ этомъ домѣ, Онъ дѣйствовалъ какъ глава этого дома. По обычаю, ¹⁾ Онъ взялъ хлѣбъ, благословилъ его, преломилъ и подалъ имъ, какъ обыкновенно дѣлалъ со Своими учениками.

Въ эту минуту глаза ихъ открылись, и когда спала такимъ образомъ завѣса съ ихъ глазъ, они узнали своего Учителя. Но Онъ сталъ невидимъ предъ ихъ взоромъ.

Этого мгновеннаго видѣнія было достаточно для ихъ вѣры; отнынѣ они увѣровали въ воскресеніе распятаго Иисуса. Бесѣда, которою они услаждались во весь путь, пришла на память обоимъ восхищеннымъ ученикамъ, и они повѣдали другъ другу то, что чувствовали.— Не горѣло ли въ насъ сердце наше, сказали они, когда Онъ говорилъ съ нами дорогой и изъяснялъ намъ Писаніе?

Они немедленно встали и тотъ же часъ со всяческою поспѣшностью возвратились въ Іерусалимъ, горя нетерпѣніемъ рассказать своимъ товарищамъ все то, что они только что видѣли и слышали.

Повидимому нѣкоторые изъ тѣхъ, кому они рассказали объ этомъ, не повѣрили ихъ новѣствованію. Эта новая черта указываетъ, съ какимъ упорнымъ отверженіемъ встрѣчалась въ душѣ учениковъ вѣра въ воскресеніе ²⁾. Но Иисусъ лично бодрствовалъ надъ ними. Самъ являясь имъ, Онъ мало по малу вразумилъ ихъ, привелъ къ истинѣ и закончилъ наставленіе въ тайнѣ Своего торжества.

Вечеромъ того же дня Иисусъ являлся и Петру, но подроб-

1) *Barac.* fol. 45 et 41.

2) *Марка*, XVI, 13.

ности этого явленія остались неизвѣстными. Только св. Лука и св. Павелъ упоминають объ этомъ, ничего однако не поясняя ¹⁾).

Когда два Эммаускихъ путника прибыли въ Иерусалимъ, они нашли тамъ собравшимися вмѣстѣ Одинадцать и съ ними другихъ учениковъ Иисуса. Разговоръ шелъ о воскресеніи, и нѣкоторые говорили:—По истинѣ Господь воскресъ. Петръ видѣлъ Его. Между тѣмъ свидѣтельство Кифы казалось не для всѣхъ имѣло рѣшительный авторитетъ. Выслушали рассказъ Клеопы и его товарища, которые передали свой разговоръ съ Иисусомъ во время пути и то, какъ узнали Его по образу преломленія хлѣба за тѣмъ столомъ, за которымъ Онъ возлежалъ вмѣстѣ съ ними. Но и это новое свидѣтельство не побѣдило общаго невѣрія.

Было уже поздно. Боялись іудеевъ, а потому двери того дома, гдѣ собрались ученики, были заперты. Два ученика продолжали еще свой рассказъ, когда явился Иисусъ и сталъ посреди ихъ.

— «Миръ вамъ», сказалъ Онъ имъ, «это Я, не бойтесь».

Это внезапное, чудесное явленіе смутило и испугало ихъ; они думали, что видятъ духъ, нѣкотораго рода видѣніе. Иисусъ разувѣрилъ ихъ.

— «Что смущаетесь и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши?» спросилъ Онъ ихъ и показалъ имъ Свои раны.— «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите; духъ не имѣетъ плоти и костей, какъ видите у Меня».

Ученики опять обрѣли своего возлюбленнаго Учителя. Они видятъ Его; Они осязаютъ Его; ихъ радость была безпредѣльная. И они не осмѣливались даже вѣрить своему счастью. Такъ ужъ устроено сердце человѣческое; его надежды робки, и то, что доставляетъ ему счастье въ замѣнъ этихъ надеждъ, скорѣе смущаетъ его. Оно легче вѣрить въ дурное, чѣмъ въ хорошее.

Иисусъ хотѣлъ укрѣпить ихъ въ вѣрѣ. Чтобы освободить

¹⁾ Луки, XXIV, 34; 1 Кор., XV, 5.

ихъ отъ этой робости въ вѣрѣ, Онъ сказалъ имъ:— «Есть ли у васъ здѣсь что-нибудь съѣстное?».

Они предложили Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда. Иисусъ взялъ это и ѣлъ при нихъ, а остальное отдалъ имъ.

Итакъ, тѣло воскресшаго Иисуса есть живое органическое тѣло. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего вымышленнаго и невѣроятнаго; здѣсь все реально. Вкушеніе пищи здѣсь дѣйствительное, хотя оно и не можетъ служить питаніемъ Тому, Кто отнынѣ освобожденъ отъ всѣхъ законовъ животной природы.

Потомъ Иисусъ снова сказалъ ученикамъ Своимъ:— «Миръ вамъ! Какъ Отецъ Меня послалъ, такъ Я васъ посылаю».

И Онъ сообщилъ имъ, что Его видимое присутствіе на землѣ будетъ не продолжительно и что они должны быть Его представителями, Его посланниками въ мірѣ. Власть, которую Онъ имѣлъ отъ Отца, посланничество, которое Отецъ ввѣрилъ Ему и которое окончилось съ Его смертію и Его воскресеніемъ, Онъ хочетъ возложить теперь на нихъ.

Сущность этой власти состоитъ въ обязанности апостоловъ: сообщать Духа Божія и прощать грѣхи тѣмъ, которые откликнутся на ихъ призывъ съ раскаяніемъ и вѣрою. Въ этотъ же моментъ и для выраженія энергическимъ знакомъ Своего откровенія, Онъ дунулъ на нихъ и сказалъ имъ:

— «Пріимите Духъ Святъ. Кому вы простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся».

Вотъ вторая божественная власть апостоловъ.

Раньше этого, предъ смертію Своею, во время тайной вѣчи, Иисусъ далъ имъ власть возобновлять и продолжать подъ видомъ хлѣба и вина приношеніе вѣчной жертвы; теперь же, въ эту вторую ночь, Онъ вдохнулъ въ нихъ Духа Святаго и сообщилъ имъ власть освящать души и прощать грѣхи силою этого Духа.

Это явленіе произвело полное дѣйствіе на учениковъ; оно побѣдило ихъ невѣріе и успокоило ихъ возбужденіе. И они сказали тогда другъ другу:—Мы видѣли Господа. Воскресеніе сдѣлалось для всѣхъ свидѣтелей этого божественнаго явленія очевиднымъ и осязаемымъ фактомъ.

Богъ допустилъ однакоже, чтобы одинъ изъ Одиннадцати

учениковъ находился въ отсутствіи. Это былъ Тома, по природѣ своей болѣе положительный и менѣе общительный чело-вѣкъ. Когда другіе сказали ему:—Мы видѣли Господа, Онъ явился намъ вполне.—Что же касается меня, возразилъ онъ, то если я не увижу Его самъ и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей и руки моей въ бокъ Его, то не повѣрю.

Сколь многіе могутъ узнать себя въ этомъ требовательномъ апостолѣ! Онъ отвергаетъ свидѣтельство своихъ товарищей; онъ ни на кого не полагается кромѣ себя и своего Учителя. Другіе видѣли,—но и онъ хочетъ видѣть; и если не увидитъ, то никогда не повѣритъ.

Но невѣрующій долженъ быть побѣжденъ. Спаситель хочетъ, чтобы всѣ Его апостолы были въ полномъ единеніи вѣры. И новое явленіе довершило это Его дѣло.

Оно произошло восемь дней спустя послѣ того явленія, которое убѣдило одиннадцать.

Апостолы находились еще вмѣстѣ, при запертыхъ дверяхъ, въ одномъ домѣ. Здѣсь же присутствовалъ и Тома. Вдругъ явился Іисусъ, сталъ посреди ихъ и еще разъ сказалъ имъ:—«Миръ вамъ». Съ тѣхъ поръ, какъ Онъ покинулъ гробъ, миръ изливается отъ Него.

И Онъ сказалъ Томѣ:—«Поддай перстъ твой сюда; посмотри на руки Мои; поддай руку твою и вложи въ бокъ Мой. И отнынѣ не оставайся въ невѣріи, но вѣрь».

Взволнованный ученикъ воскликнулъ:—Господь мой и Богъ мой!

Онъ былъ, наконецъ, просвѣщенъ и, созерцая Воскресшаго, призналъ Его Богомъ.

Тогда Іисусъ, говоря о будущемъ и о всѣхъ тѣхъ, которые по примѣру Тома впадутъ въ искушеніе отвергать подлинныя свидѣтельства и слово Его апостоловъ, сказалъ Томѣ, истинному типу души, трудно поддающейся вѣрѣ:—«Ты, Тома, повѣрилъ, когда увидѣлъ Меня. Блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе!»

Раціоналистическая школа, въ виду даже подобныхъ свидѣтельствъ относительно воскресенія и явленій Іисуса, возбуждаетъ однако вопросъ о томъ, было ли здѣсь чудо.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного чуда большаго, чѣмъ это. Но и ни одно чудо не было засвидѣтельствовано болѣе строго и болѣе торжественно. Не одна только женщина и не женщины только, но и мужи, и при томъ мужи достовѣрнѣйшіе, свидѣлствуютъ объ этомъ. О чемъ они говорятъ, въ этомъ они увѣряютъ, что сами были свидѣтелями и при томъ нѣсколько разъ; и они рассказываютъ, что долго не могли повѣрить чуду, пока не сдѣлалась для нихъ очевидной необходимость признать его. Только Учитель убѣдилъ ихъ, невѣрующихъ сначала, невѣрующихъ до упорства, и убѣдилъ Своими многократными явленіями и показывая имъ раны Свои, слѣды того, что Онъ дѣйствительно былъ распятъ, и ясно доказалъ имъ, что Онъ имѣлъ дѣйствительное тѣло, то самое, которое было распято на крестѣ; но Онъ показалъ имъ также, что Его прославленное тѣло не подвержено болѣе слабостямъ этой жизни, гдѣ страдаютъ и умираютъ.

Предъ подобнымъ свидѣтельствомъ склоняется безпристрастный историкъ, и возстаетъ лишь тотъ, кто преклоняется предъ предвзятыми теоріями. Философія такого человѣка обязываетъ его отрицать чудо, по крайней мѣрѣ то, что эта философія называетъ чудомъ; а чтобы отвергнуть чудо, онъ приноситъ въ жертву честность или разумность свидѣтелей. Это были хитрецы и обманщики, говоритъ онъ; а если эти выраженія кажутся слишкомъ жесткими, то онъ замѣняетъ ихъ болѣе мягкими, но столь же оскорбительными:—Это были люди наивные и подверженные галлюцинаціямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по объясненію той школы, которая отрицаетъ все сверхъестественное, Иисусъ умеръ, какъ умираемъ и мы, и Онъ не воскресалъ, какъ не воскресаютъ и наши умершіе. Ученики Его спрятали, говорятъ скептики, Его тѣло и посредствомъ обмана, который доказываетъ ихъ фанатизмъ, но не оправдываетъ ихъ, распространили басню о Его воскресеніи. Оскорбительное объясненіе. На чемъ основывается оно? На какихъ документахъ? Иудеи, которые первые пустили въ ходъ у себя это объясненіе, никогда не доказывали его. Оно было созданиемъ ихъ ненависти, и они распространили его только при посредствѣ подкупнаго свидѣтельства нѣсколькихъ

воиновъ, палачей Иисуса. Всякое ложное объясненіе само же себя и опровергаетъ, но оно дѣлается преступнымъ, когда бываетъ оскорбительно. Но то, чему учить насъ повѣствованіе объ ученикахъ Иисуса, объ этихъ простыхъ людяхъ, которыхъ лишь мало по малу преобразовываетъ общеніе съ святѣйшимъ изъ Учителей, защищаетъ ихъ отъ взводимого на нихъ обвиненія въ томъ, будто они были лжецами и обманщиками.

Восемнадцатый вѣкъ, который не отступалъ ни предъ какими насмѣшками и ни предъ какою заносчивостію, никого не убѣдилъ. Противъ его толкованій возмущалась даже простая справедливость; она не позволила ему учить такъ, какъ училъ этотъ вѣкъ относительно евангельской исторіи и въ частности относительно воскресенія Иисуса.

Раціонализмъ девятнадцатаго вѣка вдался въ теорію галлюцинацій.

Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ думаютъ объяснить все сверхъестественныя явленія, въ которыхъ невидимый міръ обнаруживаетъ себя по временамъ въ нашей земной жизни. Но если подобныя паталогическія состоянія и не могутъ быть отвергаемы вообще, то ихъ примѣненіе бываетъ часто нелогично и оскорбительно. Галлюцинирующіе суть безумные; они полагаютъ, что видятъ во внѣ то, что на самомъ дѣлѣ происходитъ внутри ихъ; они «объективируютъ» то, что субъективно. Это больные; они носятъ въ самомъ своемъ организмѣ доказательство своего болѣзненнаго состоянія: таковы нервозность, экзальтація, причудливость представленій (*bizarrerie*) и несвязность мыслей, (*incohérence*).

Желаніе объяснить галлюцинаціями факты, столь ясно описанные, явленій воскресшаго Иисуса при различныхъ обстоятельствахъ: женщинамъ, слѣдовавшимъ за Нимъ во время Его проповѣди, Его ученикамъ порознь и совмѣстно, когда Онъ говорилъ съ ними, вкушалъ пищу съ ними,—желаніе объяснить подобные факты галлюцинаціями, это въ одно и то же время и недобросовѣстно, и оскорбительно.

Никогда эта теорія не объяснитъ того чудеснаго преобразованія, которое сдѣлало апостоловъ изъ людей, столь косныхъ сначала въ вѣрѣ, въ людей непоколебимыхъ и мужественныхъ

убѣжденій. Одиннадцать, говоря только о нихъ, не представляютъ никакихъ признаковъ нервозности, экзальтаціи, безсвязности мыслей. Это люди, здоровые тѣломъ и духомъ, — люди, какъ и всѣ другіе, безъ необыкновенныхъ способностей, но и безъ странныхъ идей.

Галлюцинація отличается одною существенною чертою: галлюцинирующій видитъ всегда или то, чего боится, или то, чего страстно желаетъ. Но у апостоловъ не было идеи о воскресеніи ихъ Учителя, а потому они не боялись и не желали его; не понимая его, они отказывались даже вѣрить въ него. Они были совершенно въ противоположномъ состояніи съ галлюцинирующими. Эти послѣдніе воображаютъ, будто видятъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, апостолы же упорствовали въ отрицаніи того, что было на самомъ дѣлѣ. Ссылаться же, для объясненія возможности подобнаго состоянія, на горячую любовь къ Иисусу, на игру восточнаго свѣта, на Галилейскую весну и ея ослѣпляющее небо, это значитъ подвергать себя посмѣянію тѣхъ, кто знакомъ съ Востокомъ и кто знаетъ всѣ тонкости и наивныя измышленія невѣрія. Іудей и арабъ не мечтаютъ. Никто не обладаетъ меньшей, чѣмъ они, чуткостью природы и никто вслѣдствіе этого менѣе ихъ недоступенъ къ этой утонченной экзальтаціи, которую можетъ испытывать современный мечтатель.

Сверхъ того, не нужно забывать, что міръ былъ приведенъ къ вѣрѣ тѣми людьми, которые проповѣдывали Бога распятаго и воскресшаго. Между тѣмъ нѣтъ ни одного примѣра, чтобы галлюцинирующіе покорили міръ. Всѣ они возбуждаютъ только сожалѣніе къ себѣ. Такимъ образомъ, отрицать чудо воскресенія Иисуса, значитъ создавать этимъ другое чудо: основаніе христіанства галлюцинирующими людьми.

Тѣмъ же, которые признаютъ только законы физической и духовной природы, хорошо напомнить еще всеобщіе законы природы нравственной и человѣческой, разумной и божественной. Смерть есть логическое, роковое, неумолимое послѣдствіе грѣха. Если грѣхъ не омрачаетъ какого либо существа, то справедливо, чтобы оно избѣгло и смерти. Абсолютная святость Иисуса предохраняла Его отъ тлѣнія смерти; и если

изъ любви къ людямъ Іисусъ предалъ Себя на смерть, вполнѣ добровольно, исполняя тѣмъ и волю Своего Отца, то правосудіе Бога должно было навсегда освободить Его отъ нея.

Воскресеніе есть великій актъ Божественнаго правосудія въ отношеніи къ единственному невинному Существу, Которое только знаетъ земля.

Θома былъ послѣднимъ изъ Одиннадцати, увѣровавшимъ въ своего Учителя. Это было уже въ то время, когда путешественники, пришедшіе на Пасху, послѣ праздниковъ, покидали Іерусалимъ; ученики также удалились изъ города и направились въ Галилею.

Іисусъ еще во время Своей жизни, пророчествуя о Своемъ воскресеніи, говорилъ имъ, что Онъ встрѣтитъ ихъ въ Галилеѣ ¹⁾; также и женщины, которыя видѣли Воскресшаго, принесли Одиннадцати повелѣніе Господа возвратиться въ Галилею, гдѣ Онъ назначилъ имъ свиданіе.

Очевидно ученики возвратились въ Капернаумъ, гдѣ Петръ имѣлъ свой домъ; болѣе, чѣмъ когда либо, этотъ городъ сдѣлался центромъ, вокругъ котораго соединялись всѣ другіе. Но евангелическія повѣствованія отнынѣ сосредоточиваются только на явленіяхъ Воскресшаго Учителя. Все остальное темнѣетъ предъ этими событіями, которыми укрѣплялась вѣра учениковъ, пробуждалось сознаніе ихъ будущей миссіи и отъ которыхъ беретъ начало то неразрывное единеніе между ними и Іисусомъ, которое вызвало борьбу съ міромъ.

Былъ вечеръ; въ Капернаумѣ находились вмѣстѣ Симонъ Петръ, Θома, Наѳанаилъ изъ Каны Галилейской, двое сыновъ Заведеевыхъ и еще двое другихъ непоименованныхъ учениковъ Іисуса ²⁾. У нихъ должно было воскреснуть въ памяти то время, когда Учитель былъ съ ними. Этотъ домъ, эта верхняя горница, въ которой они собирались, эти стѣны укрывали когда-то и Его. Вотъ лодка, въ которой Онъ плавалъ, она сохранилась еще. Вотъ мѣсто, куда Онъ любилъ уединяться, а вотъ то мѣсто на берегу, гдѣ Онъ любилъ прича-

¹⁾ Матѳ., XXVI, 32; Марка, XIV, 28.

²⁾ Іоан., XXI, 1 и сл.

ливать въ лодкѣ. Сердце человѣческое не мѣняется. Оно пробуждаетъ все тѣ воспоминанія, которыя, вызывая прошедшее, даютъ намъ образы дорогихъ исчезнувшихъ существъ.

Петръ вспомнилъ о своихъ сѣтяхъ.—Я. иду ловить рыбу, сказалъ онъ своимъ товарищамъ.—И мы пойдемъ съ тобою, отвѣтили они.

Они вышли изъ дому и вошли въ лодку, но ничего не поймали во всю эту ночь. Утромъ же, когда приближались уже къ берегу, они замѣтили кого-то, кто казалось ожидалъ приближенія ихъ лодки. Это былъ Иисусъ, но никто изъ учениковъ не узналъ Его.

— «Дѣти», сказалъ Онъ имъ, «нѣтъ ли у васъ чего съѣстнаго?» — Нѣтъ, отвѣчали Ему лодочники.— «Такъ закиньте сѣть», возразилъ Незвѣстный, «по правую сторону лодки и поймаете». Они закинули, и количество рыбы, попавшей въ сѣть было такъ велико, что они не могли ее вытащить.

Тогда глаза ихъ открылись. Любимый ученикъ сказалъ Петру:—это Господь. Сердце его узнало Учителя. Петръ же, услышавъ слово Иоанна: «Это Господь», надѣлъ свою одежду, препоясался и бросился въ море, впередъ, къ своему Учителю, хотя они находились лактей около двухъ сотъ отъ берега; другіе же ученики приплыли въ лодкѣ, таща за собою сѣть съ рыбою.

Когда они вышли на землю, то увидѣли тамъ разложенный огонь, пекущуюся на немъ рыбу и хлѣбъ. Этотъ таинственный обѣдъ, приготовленный Иисусомъ, казался знакомъ предусмотрительности, съ какою Иисусъ относился къ Своимъ апостоламъ.

— «Принесите», сказалъ имъ Иисусъ, «рыбы, которую вы теперь поймали». Петръ вошелъ въ лодку, вытащилъ на берегъ сѣть, наполненную 153 большими рыбами, и сѣть при этомъ не порвалась. Тотъ, Кто нѣкогда говорилъ тѣмъ же Своимъ ученикамъ: «Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ», пророчествовалъ имъ теперь этимъ изобильнымъ и неожиданнымъ уловомъ, что будетъ нѣкогда съ ихъ апостольствомъ.

— «Подите сюда и обѣдайте», сказалъ имъ Иисусъ. Они сѣли на берегу, не осмѣливаясь послушаться Того, о Комъ

они знали, что Онъ Господь. Ихъ охватилъ религіозный страхъ. Иисусъ же подошелъ къ обѣдающимъ, взялъ хлѣбъ и далъ имъ, также и рыбу.

Когда они ѣли, ¹⁾ Иисусъ спросилъ Симона Петра:

— «Симонъ, сынъ Іонинъ! любишь ли ты Меня болѣе, нежели они?»

— Такъ, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя.— «Паси агнцевъ Моихъ», отвѣтилъ ему Иисусъ.— Потомъ Онъ повторилъ Свой вопросъ:— «Симонъ, сынъ Іонинъ! любишь ли ты Меня?»— Такъ, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя.— «Паси овецъ Моихъ», сказалъ Иисусъ.

Наконецъ, въ третій разъ воззвалъ Учитель къ Петру, спрашивая его:— «Симонъ, сынъ Іонинъ! любишь ли ты Меня?»

Петръ былъ опечаленъ этимъ троекратнымъ вопросомъ, и онъ далъ отвѣтъ, который дышетъ такою любовью и такимъ безграничнымъ упованіемъ:— Господи! сказалъ онъ. Тебѣ извѣстно все; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Петръ зналъ конечно, что говорилъ не человѣку, по Богу, Который все знаетъ, и предъ всезнающимъ Богомъ онъ подтверждалъ свою любовь къ Нему.

Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ:— «Паси овецъ Моихъ».

Таково было торжественное прощеніе и возстановленіе отступника Петра, предъ лицомъ апостоловъ; таково было возвышеніе раскаявшагося и любящаго ученика на первенство въ царствѣ. Петру возвращается теперь пасеніе агнцевъ и овецъ, т. е. простыхъ вѣрующихъ и подчиненныхъ пастырей: ему возвращается власть вести ихъ на пастбище Христово; и такъ какъ души питаются только Божественною истинною, Божественною силою и любовью Божіею, то Петру, одному изъ верховныхъ пастыреначальниковъ, вручается сообщеніе истины посредствомъ ученія и сообщеніе силы и любви посредствомъ таинствъ. Иисусъ поручаетъ ему охраненіе этихъ ветлѣнныхъ сокровищъ. Ему возвращается высшая іерархическая власть въ Церкви. Слово Господа возвращаетъ ему теперь все это на берегахъ того озера, гдѣ Христосъ обѣщалъ Петру сдѣлать изъ него ловца человѣковъ.

¹⁾ Іоан., XXI, 15—19.

Но тѣ высшія пастырскія обязанности, къ которымъ Иисусъ призвалъ Своего апостола, сообщивъ ему апостольскую власть словами, выражающими всецѣльную любовь Его къ ученику: «Паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ», будутъ сопровождаться скорбями. Ничто совершенное не достигается безъ скорбей. Петръ испытаетъ участь своего Учителя, и его мученичество будетъ равно его славѣ. Иисусъ возвѣстилъ ему это:— «Истино, истинно говорю тебѣ, Петръ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострепъ руки твои, и другой тебя препояшетъ и поведетъ, куда не хочешь».

Вотъ какую участь предоставилъ Иисусъ своимъ лучшимъ, величайшимъ апостоламъ. Подражая своему Учителю, продолжая Его дѣло въ человѣчествѣ, они должны нести и раны своего Учителя, должны предать себя, какъ и Онъ, въ жертву во свидѣтельство истины, которую они будутъ подтверждать полнымъ подчиненіемъ и героизмомъ жертвы.

Наконецъ Иисусъ сказалъ Петру:— «Иди за Мною». Повидимому Онъ хотѣлъ сообщить ему какое-то болѣе тайное слово. А можетъ быть Онъ просто хотѣлъ этимъ символическимъ актомъ указать ему, что во всемъ онъ долженъ слѣдовать по Его стопамъ. Петръ повиновался и пошелъ; но, оборотясь къ своимъ товарищамъ, замѣтилъ Іоанна, любимого ученика Иисуса, который также шелъ за Нимъ. Петръ сказалъ о немъ Иисусу:—Господи! а онъ что?

Вопросъ Петра, хотя и благожелательный, былъ однако не чуждъ любопытства.

Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ:— «Что тебѣ до того, если Я хочу, чтобы онъ оставался, пока Я приду! Ты иди за Мною».

Этотъ отвѣтъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторую тайну; онъ далъ позже, въ кругу учениковъ Іоанновыхъ, мѣсто странному убѣжденію. Именно говорили: любимый апостоль не умретъ. Самъ же апостоль оспаривалъ это, не выясняя однако намѣренной неясности словъ Спасителя, сказанныхъ по отношенію къ нему. Иисусъ хотѣлъ, повидимому, противопоставить здѣсь насильственную смерть, предназначенную Петру, тихой смер-

ти Іоанна. Всѣ апостолы, и во главѣ ихъ Кифа, умрутъ отъ палачей; но людямъ не удастся прекратить мученичествомъ долгую жизнь Іоанна. Самъ возлюбленный Учитель возьметъ ее. Онъ предназначенъ увѣковѣчить въ христіанскомъ мірѣ величайшія слова Іисуса. Никто лучше этого святого старца не припомнитъ того, что говорилъ Учитель. Ему, который былъ наиболѣе вѣжно любимъ, не должно ли было принадлежать преимущество наилучшаго воспоминанія о Немъ?

Присутствіе Одиннадцати въ Галилеѣ и ихъ свидѣтельство о воскресеніи собрали вокругъ нихъ многихъ учениковъ, которыхъ разсѣяла было смерть Іисуса. Всѣ же другіе не повѣрили словамъ апостоловъ, ни словамъ тѣхъ избранныхъ лицъ, кому открылся Учитель.

Новое явленіе, болѣе торжественное, чѣмъ прежнія укрѣпило вѣру колеблющихся ¹⁾. Оно произошло на одномъ изъ тѣхъ холмовъ, сосѣднихъ съ озеромъ, куда Іисусъ, безъ сомнѣнія часто удалялся со Своими апостолами, чтобы наставлять ихъ и чтобы молиться тамъ. Онъ указалъ имъ раньше на этотъ холмъ, какъ на мѣсто, гдѣ они опять увидятъ Его. Названіе этого холма исчезло изъ памяти преданія. Св. Павелъ, который также говоритъ объ этомъ послѣднемъ явленіи Господа въ Галилеѣ ²⁾, сообщаетъ о немъ, какъ объ одномъ изъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ въ пользу воскресенія. «Тамъ было, пишетъ онъ, болѣе пятисотъ братьевъ. Іисусъ былъ видимъ ими, и нѣкоторые изъ нихъ живутъ еще между нами».

Увидя Іисуса, они поклонились Ему.

Іисусъ же приблизился къ нимъ и говорилъ съ ними. Онъ подтвердилъ здѣсь свою власть высочайшую, всемірную и по-солство, возложенное на Его учениковъ.

«Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Учите ихъ соблюдать все, что я заповѣдалъ вамъ; и се Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка».

¹⁾ Матѣ., XXVIII, 16 и сл.

²⁾ 1 Кор., XV, 6.

Каждое слово воскресшаго Спасителя есть творческое слово.

Когда Онъ сказалъ: «Пріймите Духа Святаго», Онъ создалъ священническую власть, которая управляетъ и священнодѣйствуетъ. Когда же Онъ сказалъ Петру: «Паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ», Онъ подтвердилъ верховную іерархическую власть въ Своемъ царствѣ. Говоря, наконецъ, теперь: «Идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», Онъ создалъ высшія права апостольства. Онъ указываетъ апостоламъ на объемъ Своего царства, которое будетъ безгранично, какъ всемірное царство Божіе, потому что всѣ призваны слушать слово Іисуса и входить въ составъ Его царства. Затѣмъ Онъ повторяетъ вкратцѣ то, о чемъ апостолы должны будутъ говорить человечеству, каковы Его чистыя заповѣди. Онъ указываетъ имъ на крещеніе, какъ на величайшее таинство приобщенія къ божественной жизни, принесенной Имъ на землю; таинство это имѣетъ цѣлью поднять насъ ко Отцу, неизсякаемому и вѣчному Источнику этой жизни, вмѣстѣ съ Сыномъ, Который есть совершенное проявленіе ея, при посредствѣ Духа Святаго, единственной силы, способной осуществить приобщеніе къ этой жизни.

Потомъ Онъ сказалъ всѣмъ:

— «Я съ вами во всѣ дни до скончаія вѣковъ».

Іисусъ не только освобожденъ отъ смерти и пребываетъ живымъ, но Онъ превыше всего, что ограничиваетъ живыхъ и умершихъ: Онъ превыше пространства и времени. Независимо отъ вѣковъ, независимо отъ пространствъ, Онъ всегда будетъ присутствовать посреди Своихъ.

Апостолы, можно сказать, опытно убѣдились въ этомъ во все то время, когда жили подъ постояннымъ воздѣйствіемъ воскресшаго Учителя. Хотя видимый ими лишь по временамъ, Онъ былъ однако всегда съ ними и въ нихъ. Онъ ихъ соединяетъ, ободряетъ, побѣждаетъ ихъ уныніе и ихъ невѣріе, овладѣваетъ ихъ духомъ, ихъ совѣстью, ихъ любовію, заканчиваетъ благоустроеніе, которое должно было сдѣлать ихъ непобѣдимыми и укрѣпить ихъ, дабы довершить на всѣ послѣдующіе вѣка дѣло царствія Божія. Никто другой, кромѣ

Его, не совершилъ чудеснаго преобразованія этихъ Галилеянъ, которые сдѣлаются потомъ завоевателями всей земли. Онъ восхотѣлъ собрать ихъ въ послѣдній разъ, и они должны были собраться въ Иерусалимѣ.

И вотъ апостолы навсегда покидаютъ эту землю Зевулона и Неоалима, берега этого моря, у котораго они были призваны Спасителемъ, и идутъ во св. Городъ, гдѣ ждетъ ихъ Учитель ¹⁾).

Одиннадцать учениковъ возлежали за столомъ, когда среди нихъ явился Іисусъ. Онъ началъ укорять ихъ въ первоначальномъ невѣрїи и жестокосердіи, въ томъ, что не повѣрили свидѣтельству тѣхъ, кто уже видѣлъ Его воскресшимъ. Этотъ упрекъ Спасителя простирается на всѣ вѣка и на всѣ умы, недовѣрчивые къ слову свидѣтелей, которымъ дано порученіе возвѣщать о жизни, смерти, воскресенїи, ученїи и надеждѣ во Христѣ.

Потомъ Онъ напомнилъ имъ о томъ, чему Онъ училъ ихъ, когда жилъ ихъ жизнію.

— «То, что написано обо Мнѣ», сказалъ Онъ имъ, «въ Законѣ, у Моисея и у Пророковъ, должно было исполниться». И Онъ отверзъ имъ умъ къ разумѣнію Писаній.

— «Такъ надлежало», продолжалъ Онъ, «пострадать Христу, и воскреснуть въ третій день, и проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная отъ Иерусалима.

«Вы же я свидѣтели этому.

«И я ниспшлю вамъ даръ, обѣщанный Отцемъ Моимъ. Вы же оставайтесь въ городѣ, пока не облечетесь силою свыше.

«Идите во весь міръ; проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто увѣруетъ и крестится, тотъ будетъ спасенъ; а кто не повѣритъ, тотъ будетъ осужденъ».

И чтобы показать божественность силы, которая снизойдетъ на нихъ, Онъ прибавилъ: — «Вотъ признаки, которыми будетъ сопровождаться вѣра въ Меня: именемъ Моимъ будутъ изго-

¹⁾ Марка, XVI, 14 и сл.; Луки, XXIV, 44 и сл.

нять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками, будутъ брать руками змѣй и если выпьютъ что смертоносное, не повредить имъ; если возложить руки на больныхъ, то они будутъ здоровы».

Все это чудодѣйственное (thaumaturgique) могущество будетъ даромъ Духа Святаго. Будетъ ли это проявляться видимымъ образомъ въ тѣлахъ, когда Богу будетъ благоугодно подкрѣплять этимъ сверхчеловѣческой трудъ апостоловъ,—будетъ ли оно проявляться невидимо въ душахъ, въ тайникѣ совѣсти; это все равно; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оно будетъ доказательствомъ силы Божіей.

Затѣмъ Иисусъ вывелъ апостоловъ изъ города, къ Виваніи, на вершину масличной горы ¹⁾).

Тамъ начались Его предсмертныя страданія; тамъ же восхотѣлъ Онъ теперь покинуть землю и войти въ славу Свою предъ лицомъ и въ виду города, который распялъ Его, стерегъ Его гробъ и не сомнѣвался въ своей побѣдѣ надъ Нимъ.

Здѣсь присутствовали всѣ апостолы и многіе ученики; они говорили Учителю:— «Господи, не теперь ли Ты хочешь устроить царство Израилево? ²⁾).

— «Не вамъ», возразилъ Иисусъ, «знать время, которое Отецъ положилъ въ Своей власти».

Въ вопросѣ апостоловъ сказывается послѣдній остатокъ той мечты іудеевъ, которая должна разсѣяться посредствомъ просвѣщенія отъ Духа Святаго; и въ отвѣтѣ Иисуса видятъ послѣднее усиліе Его обратить ихъ мысль къ этому Духу, Котораго они будутъ послушными и непобѣдимыми органами.

«Вы получите силу Духа Святаго, Который сойдетъ на васъ, и вы будете свидѣтельствовать обо Мнѣ во Іерусалимѣ и по всей Іудеѣ и въ Самаріи, до послѣднихъ предѣловъ земли».

Это были Его послѣднія слова.

Затѣмъ Онъ поднялъ руки и благословилъ апостоловъ; и когда Онъ благословлялъ ихъ, они видѣли Его удаляющимся

¹⁾ Луки, XXIV, 50 и сл.

²⁾ Дѣян. 1, 6 и слѣд.

отъ нихъ и возносящимся на небо. Наконецъ, облако скрыло Его отъ ихъ взоровъ.

Небо открыто. Царство Божіе основано. Торжество Іисуса началось. Онъ оставилъ землю только для того, чтобы освободить ее отъ зла и спасти ее. Онъ побѣдилъ міръ.

Н—а.

УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ

и

ЕГО ШКОЛЫ (ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЙ) О БОГѢ.

(Продолженіе *)

Соберемъ во едино черты общаго понятія Аристотеля о Божествѣ. Изъ всего доселѣ изложеннаго съ несомнѣнною очевидно, что самое общее и главное, господствующее во всей системѣ философіи Аристотеля понятіе о Божествѣ есть понятіе о Немъ, какъ первомъ Двигателѣ. Эта основная черта можетъ служить характеристическою чертою и собственнаго философскаго понятія Аристотеля о Богѣ и его отличія отъ всѣхъ другихъ религіозно-философскихъ представленій и понятій о Божествѣ въ древней Греціи. Въ этой же основной чертѣ нужно искать какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ Аристотелева ученія о Богѣ. Не даромъ въ центрѣ системы философіи Аристотеля обыкновенно ставится и мы поставили его ученіе о движеніи. Движеніе (*κίνησις*) или измѣненіе (*μεταβολή*), понимаемое ли какъ движеніе по качеству (куда относится и пространственное перемѣщеніе—*φορά*, и количественное увеличеніе или уменьшеніе, и качественное превращеніе или измѣненіе—*ἀλλοίωσις* качествъ, свойствъ предмета), или какъ движеніе по сущности (иначе, — движеніе существъ), выражающееся въ возникновеніи или происхожденіи и исчезновеніи или уничтоженіи существъ, простирается на всю при-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 6.

роду (*φύσις*), на весь міръ, на всю вселенную и объемлетъ собою всю систему бытія и явленій. Движеніе это совершается въ области матеріи и по формѣ. Отсюда въ ученіи о движеніи понятія матеріи и формы занимаютъ первенствующее значеніе; а такъ какъ понятію матеріи соотвѣтствуетъ понятіе возможности, а понятію формы—понятіе дѣйствительности, ибо движеніе, измѣненіе совершается отъ возможности къ дѣйствительности и само обнаруживаетъ въ движимомъ стремленіе къ переходу изъ первой въ послѣднюю: то совершенно одинаковое съ ними значеніе имѣютъ и понятія возможности (*δύναμις*) и дѣйствительности (*ἐνέργεια*). Но насколько понятіе матеріи, какъ возможности, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки представленія о несовершенствѣ, настолько же понятіе формы, какъ того, чѣмъ вещь должна быть, какъ дѣйствительности, содержитъ въ себѣ признаки представленія о совершенствѣ. И такъ какъ степеней перехода изъ возможности въ дѣйствительность (иначе — степеней движенія) весьма много, то и степеней совершенства весьма много. Между тѣмъ, какъ бы ни было много этихъ степеней, все же такое множество ихъ не можетъ итти въ безконечность. Должно быть, по этому, какъ абсолютно несовершенное (первая матерія—*πρώτη ὕλη*), такъ и абсолютно совершенное (чистый Духъ—*νοῦς*). Абсолютно совершенное есть въ то же время чистая форма или форма формъ, такъ какъ въ постепенности перехода матеріи въ форму, возможности въ дѣйствительность, каждая низшая форма по сравненію съ высшею все же представляется чѣмъ-то несовершеннымъ, какъ бы матеріальнымъ, и потому предполагаетъ для себя болѣе совершенное въ формѣ высшей, къ осуществленію коей въ себѣ оно стремится. Отсюда же ясно, что болѣе совершенное есть цѣль, лучшее, благо, къ осуществленію, къ воплощенію котораго въ себѣ стремится все низшее, менѣе совершенное. Абсолютно совершенное, по этому, есть и высшая цѣль, высочайшее благо, къ которому все стремится. Но форма въ движеніи есть не только цѣль, а и причина движенія. Матеріальное, несовершенное само по себѣ не пришло бы и въ движеніе, если бы его не двигало лучшее, совершеннѣйшее, если бы напр. камень не приведенъ былъ въ движеніе палкою,

палка—рукою человѣка, рука—мыслію и намѣреніемъ самого человѣка. Но и самъ человѣкъ не есть послѣдняя причина движенія въ системѣ природы, въ ряду существъ вселенной. Онъ самъ не произвелъ себя съ своими способностями и возможностями, а произошелъ отъ другихъ, слѣдовательно также есть движимое, а не первое движущее. Подобное же должно сказать и о другихъ существахъ и предметахъ природы и всей вселенной. Первый толчекъ всему этому движенію—по качеству и по сущности—могъ дать только первый Двигатель, то абсолютно Совершенное, Которое есть чистая форма и высшая цѣль всего. Онъ же въ этомъ смыслѣ есть и первая причина всего. А это и есть Богъ. И такъ какъ философія есть наука о причинахъ и главнымъ образомъ о первой причинѣ всякаго бытія и явленія, то въ этомъ случаѣ она соприкасается съ богословіемъ и можетъ находить для себя оправданіе въ народной религіи.

Итакъ, Богъ, въ философскомъ смыслѣ и съ философской точки зрѣнія, есть чистый Духъ, свободный отъ всего матеріальнаго, какъ несовершеннаго, безтѣлесный (*ἀσώματος*);— есть совершеннѣйшая дѣйствительность (*ἐνέργεια*, *ἐντελέχεια*), въ противоположность возможности, составляющей необходимую принадлежность матеріи;— есть форма формъ, идея идей, слѣдовательно понятіе всѣхъ понятій (*νόησις νοήσεως*), по которымъ совершается движеніе отъ возможности къ дѣйствительности, отъ несовершеннаго (въ отношеніи къ бытію или качествамъ) къ совершенному, есть такимъ образомъ высочайшій Умъ (*νοῦς*). Какъ форма формъ, Онъ есть высшая, послѣдняя цѣль всякаго бытія и явленія, есть то въ высшей степени любимое (*ἐρῶμενον*) и желанное (*ὀρεχτόν*), къ которому волею и неволею стремится все существующее, есть высочайшее благо (*ἀκρότατον ἀγαθόν*), достигнуть котораго все и всѣ желаютъ. Какъ форма же, Онъ есть и то, чему все и всѣ стремятся подражать, осуществлять въ себѣ, по возможности, все то, что заключается въ Немъ. Это стремленіе должно быть понимаемо въ самомъ обширномъ смыслѣ; ибо форма есть идея, понятіе, а не фасонъ, какъ мы говорили раньше. Отсюда идея, понятіе простираются на все существующее и на

всѣ явленія, составляютъ господствующее, въ чемъ выражается истинная, дѣйствительная сущность, бытіе (τὸ τί ἦν εἶναι), истинная жизнь (ζωή) всего существующаго, при чемъ низшія формы бытія стремятся подражать высшимъ и осуществлять ихъ въ себѣ, высшія—еще болѣе высшимъ и т. д. (неорганическія напр. органическимъ, растенія—животнымъ, животныя—человѣку): Богъ же есть совершеннѣйшее живое Существо (ζῶον—ἄριστον). Какъ таковое, Онъ можетъ быть и дѣйствительно есть только Одинъ: ибо многихъ таковыхъ не можетъ быть уже по той простой причинѣ, что тогда они не были бы абсолютно совершенными и предполагали бы новое абсолютно совершенное, какъ учитъ Аристотель въ согласіи съ Ксенофаномъ. Какъ абсолютная форма, идея идей, Онъ неизмѣняется, ибо только матерія или возможность предполагаютъ измѣненіе; а такъ какъ измѣненіе есть движеніе, то неизмѣняемость Его иначе можетъ быть обозначена какъ неподвижность: Богъ есть первый Двигатель неподвижный (ἀκίνητος). Какъ чистый Духъ, Онъ въ то же время есть вѣчный, живое Существо вѣчное всесовершенное (ζῶον αἰδίου ἄριστον); ибо только матеріальное появляется, возникаетъ и исчезаетъ, умираетъ; а Онъ, какъ чистая форма, не можетъ ни рождаться, ни умирать, есть безсмертенъ (ἀθάνατος), какъ и нерожденъ (ἀγένητος). Отсюда же ясно, что Онъ есть и самобытенъ, ни откуда и ни отъ чего не произошелъ, а наоборотъ самъ есть первое начало и причина всего (πρώτη καὶ κριωτάτη ἀρχή). Будучи же началомъ и причиною всего или, точнѣе, по прежнему, всякаго бытія (τοῦ εἶναι) и явленія (γίγνεσθαι) и, какъ таковой, условливая собою существованіе и измѣненіе (движеніе) всего, Онъ естественно проникаетъ Собою все, вездѣ является, какъ на все простирающаяся сила (ἡ διὰ πάντων διήκουσα δύναμις), слѣдовательно есть вездѣсущъ. Но не даромъ Онъ есть совершеннѣйшее или всесовершенное живое Существо (ζῶον). Какъ токовое, Онъ долженъ въ высшей, даже абсолютной мѣрѣ и степени обладать и тѣми свойствами, какими обладаетъ, напримѣръ, высшее изъ живыхъ существъ природы,—человѣкъ, за исключеніемъ того, что въ послѣднемъ есть несовершеннаго. А такъ какъ въ человѣкѣ несовершен-

ное ближе всего есть то, что составляет матеріальное, тѣлесное и ближайшимъ образомъ относится къ сему, тѣсно связано съ нимъ, и наоборотъ, болѣе совершенное заключается въ умѣ (*νοῦς*), который есть нѣчто божественное (*θεῖον τι*) въ немъ, и въ умственномъ, мысленномъ, духовномъ (*νοητόν*): то въ Богѣ, какъ существѣ нематеріальномъ, эти свойства могутъ быть только духовныя, идеальныя, т. е. могутъ относиться только къ уму, къ волѣ и чувству, какъ способностямъ души, составляющей и въ человѣкѣ энтелехію тѣла ¹⁾. Такимъ образомъ со стороны ума Богъ долженъ обладать всесовершеннымъ вѣдѣніемъ, то есть полнымъ и истиннѣйшимъ знаніемъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, и высочайшею премудростію, обнаруживающеюся особенно въ цѣлесообразности міроустройства: «Богъ и природа ничего не дѣлаютъ напрасно», говоритъ въ этомъ смыслѣ Аристотель ²⁾. Какъ въ умѣ архитектора планъ дома рисуется во всѣхъ подробностяхъ и сообразно этому плану строится самый домъ, такъ еще болѣе того въ Умѣ (*νοῦς*) Божественномъ предносится планъ всего міроустройства, который осуществляется со всею точностію въ бытіи и жизни міра во всѣхъ отдѣльных частяхъ и формахъ, понятіяхъ послѣдняго, заключающихся въ единомъ Умѣ Божественномъ. Поэтому-то сей Умъ и есть мышленіе мышленія (*νόησις νοήσεως*). Далѣе, со стороны воли особенно выдается у Аристотеля свойство Божіе, — всемогущество: Богъ «могуществомъ есть крѣпчайшій» (*θεοῦ δυνάμει μὲν ὄντος ισχυροτάτου*), по словамъ Аристотеля ³⁾. «Одно только и самому Богу не возможно, — сдѣлать недѣйствительнымъ то, что совершилось» (*μόνου γὰρ αὐτοῦ καὶ θεοῦ στερίσχεται, ἀγένητα ποιῆν ἅσθ' ἂν ἦ πεπραγμένα*), говоритъ Аристотель, приводя слова трагика Агаѳона ⁴⁾. Менѣе ясно и опредѣленно Аристотель учитъ о свободѣ воли Божіей; но уже изъ того самаго, что въ человѣческомъ духѣ онъ вполне признаетъ эту

1) Гор. V, 6: τὸ ζῶον νοητόν τοῦ θεοῦ ἴδιον.

2) De coelo I, 4.

3) De mundo, cap. 6.

4) Eth. Nicom. VI, 2.

свободу, естественно заключать, что онъ предполагалъ свободу воли и въ Богѣ; ибо иначе это было бы однимъ изъ несовершенствъ Божіихъ, чего въ Существо живомъ, совершеннѣйшемъ допустить нельзя. Замѣчательно, что сейчасъ приведенныя слова Агаѳона заключаются именно въ той части Иѳеики Аристотеля, гдѣ послѣдній разсуждаетъ о свободѣ воли человѣка. «Въ душѣ находятся, — говоритъ онъ здѣсь, — три условія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность (*πρᾶξις*) и истина: ощущеніе, умъ и стремленіе (*αἰσθησις, νοῦς, ὄρεξις*). Изъ этихъ трехъ ощущеніе не есть принципъ (*ἀρχή*) какого бы то ни было дѣйствія (*πράξεως*): это ясно изъ того, что животныя имѣютъ ощущенія, но въ дѣятельности не участвуютъ. Утвержденію и отрицанію въ мышленіи соотвѣтствуетъ въ стремленіи влеченіе и отвращеніе. Если этическая добродѣтель состоитъ въ привычкѣ, сопряженной съ намѣреніемъ (*ἔξις προαιρετική*), а намѣреніе — въ стремленіи съ deliberaціей (*ἢ δὲ προαίρεσις ὄρεξις βουλευτική*)¹⁾, то разумъ (*τὸν λόγον*) въ такомъ случаѣ есть истинный, а стремленіе правильное, когда намѣреніе хорошо, и когда стремленіе и намѣреніе человѣка тождественны. Вотъ это мышленіе (*διάνοια*) и его истина (*ἢ ἀλήθεια*) называются практическимъ (*πρακτική*). Различіе блага и зла въ теоретическомъ мышленіи, а не въ дѣятельности и въ творествѣ (*τῆς δὲ θεωρητικῆς διανοίας καὶ μὴ πρακτικῆς μηδὲ ποιητικῆς*), состоитъ въ различеніи истины отъ лжи, ибо въ этомъ вообще заключается задача теоретическаго мышленія; задача же пракческаго и теоретическаго вмѣстѣ — въ истинѣ, приведенной въ согласіе съ правильнымъ стремленіемъ. Итакъ, намѣреніе — принципъ дѣйствія (*πράξεως μὲν οὖν ἀρχὴ προαίρεσις*)²⁾; оно начало движенія, а не конечная цѣль (*ὄθεν ἢ κίνησις, ἀλλ' οὐχ οὗ ἕνεκα*); принципъ же намѣренія — стремленіе и разумъ (*ὄρεξις καὶ λόγος*), касающіеся намѣренія; поэтому-то намѣреніе не бываетъ безъ разума и разсудка (*ἀνευ*

1) Βουλευτική отъ Βουλή, каковое слово одяго корня съ нашимъ: воля, откуда — воляти, изволять, произволеніе и т. д.

2) Προαίρεσις значить не только намѣреніе, но и свободный выборъ, произволеніе. Въ настоящемъ отрывкѣ мы удерживаемъ слова печатнаго русскаго перевода.

νοῦ καὶ διανοίας) и безъ этической привычки. Нравственная дѣятельность (ἐμπραξία) и противоположное ей не возможны безъ размышленія и этической привычки. Одно мышленіе не въ состояніи привести что-либо въ движеніе (διάνοια αὐτῇ οὐδὲν κινεῖ), а лишь практическое мышленіе въ связи съ извѣстной цѣлью. Творчество имѣеть то же самое начало, ибо всякій, создающій что-либо, творить (ποιεῖ πᾶς ὁ ποιῶν) ради извѣстной цѣли; при этомъ предметъ творчества не бываетъ просто цѣлью, а всегда имѣеть извѣстное отношеніе къ чему либо и принадлежить чему либо. Про дѣйствіе же это можно сказать (что оно бываетъ цѣлью), ибо нравственная дѣятельность сама по себѣ цѣль, и стремленіе направлено къ ней. По этому-то намѣреніе есть стремящійся разумъ или разумное стремленіе (διὸ ἢ ὀρεκτικὸς νοῦς ἢ προαίρεσις ἢ ὄρεξις διανοητική), а человѣкъ—принципъ (ἀρχή) его. Совершенное (γεγονός) никогда не можетъ быть предметомъ намѣренія (προαιρετικόν), на примѣръ никто не намѣренъ быть разрушителемъ Трои ¹⁾. Никто не делиберируетъ (βουλευεται) о прошедшемъ (περὶ τοῦ γεγονότος), а только о будущемъ и о возможномъ; ибо прошлое не можетъ не быть; поэтому-то Агаѳонъ справедливо говоритъ:

Одно только самому Богу не возможно—

Сдѣлать не дѣйствительнымъ то, что совершилось ²⁾.

Здѣсь же можно находить намеки и на творческую дѣятельность воли Божіей по отношенію къ міру. А Богъ есть совершеннѣйшая дѣятельность (ἐνέργεια), по Аристотелю ³⁾, и не дѣйствительнымъ быть не можетъ ⁴⁾, хотя дѣятельность Его Аристотель болѣе и чаще всего представляетъ какъ самозерцательную, теоретическую, нежели какъ практическую, во внѣ обнаруживающуюся. Θεοῦ ἐνέργεια νόησις· θεὸς νοεῖ αὐτὸς αὐτὸν, говорится у него ⁵⁾. Въ этомъ самосозерцаніи, наконецъ, и

1) Такъ какъ, то есть, Троя уже была разрушена.

2) Eth. Nicom. VI, 2. Переводъ Радлова. Спб. 1884.

3) Metaph. XI (XII), 7. Conf. De coelo II, 3 et al.

4) Polit. VIII, 3 t. II ed. Berol.

5) Metaph. XI (XII), 7. 9. Conf. Eth. Eud. VIII, 12; Eth. Magn. II, 15 и др.

со стороны чувства, заключается чистѣйшее удовольствіе (*ἡδονή*) ¹⁾, совершеннѣйшее блаженство (*εὐδαιμονία*) ²⁾ и полная радость (*χαίρειν*) ³⁾ Бога, какъ Существа вседовольнѣйшаго (*αὐτάρκης*) и ни въ чемъ не нуждающагося (*ὁ θεὸς οὐδενὸς δεῖται*) ⁴⁾. И какъ Существо абсолютно совершенное, Онъ никогда не нуждался, не нуждается и не будетъ нуждаться въ большемъ блаженствѣ по сравненію съ тѣмъ, какимъ обладаетъ. «Каждый желаетъ себѣ блага,—говоритъ Аристотель;—но измѣнившись къ лучшему уже не пожелаетъ себѣ прежнихъ благъ. Богъ же и теперь обладаетъ тѣмъ же благомъ, но потому, что Онъ и теперь таковъ же, какимъ является всегда» (*ἔχει γὰρ καὶ νῦν ὁ θεὸς τ'αγαθόν, ἀλλ' ὧν ὁ τι ποτ' ἐστίν*) ⁵⁾.

Таково въ общихъ чертахъ собственно философское ученіе Аристотеля о Богѣ. Во многихъ этихъ своихъ чертахъ оно могло опираться, очевидно, и на религіозно-философскомъ міросозерцаніи его предшественниковъ—философовъ, богослововъ и поэтовъ, и на религіи народной и получать для себя въ нихъ оправданіе, чтò нерѣдко и дѣлаетъ, какъ мы видѣли, нашъ философъ. Особенно же сильную для себя въ нихъ опору Аристотель находилъ по отношенію къ ученію о личности и дѣятельности Бога, чувствуя себя далеко въ этомъ отношеніи отъ религіи при своихъ чисто философскихъ соображеніяхъ и выводахъ, удерживавшихъ его почти исключительно при семь въ области бытія и мышленія (онтологія и область мысленнаго—*νοῦτοῦ, νοήσεως*). При этомъ онъ нерѣдко поступался даже своими строго философскими началами и убѣжденіями, лишь бы сохранить связь съ религіею, хотя съ другой стороны иное въ послѣдней, особенно же въ поэтическихъ воззрѣніяхъ, ее выражавшихъ, безъ церемоніи отбрасывалъ какъ негодное или перетолковывалъ въ философскомъ смыслѣ и именно въ смыслѣ своей философской системы, чтò особенно ясно

1) Eth. Nicom. VII, 15.

2) Metaph. XI (XII), 7. Eth. Nicom. X, 8.

3) Eth. Nicom. VIII, 15.

4) Eth. End. VIII, 12. 15. Eth. Magn. II, 15.

5) Eth. Nicom. IX, 4.

виднѣтся въ сочиненіи «О мірѣ», частію же и въ сочиненіи «О небѣ» и въ другихъ сочиненіяхъ его.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ученіе Аристотеля о Богѣ имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ всѣми предшествовавшими ему ученіями не только поэтовъ и богослововъ, но и философовъ, не исключая и Платона, служа завершеніемъ, въ концѣ аттической философіи понятія съ одной, и антропоморфизма, антропологии съ другой стороны. Оно привело къ строгому единству и къ высшей степени систематической стройности всѣ доселѣ обслѣдованные и разработанные признаки философскаго понятія о Богѣ, какъ понятія, впервые научно выяснило и обосновало не только это понятіе, но и лежавшее въ основѣ этого понятія представленіе, давъ собою такимъ образомъ научную опору и народной мифологіи, и народному богословію. Въ этомъ заключается и преимущество, какъ мы сказали, Аристотелева ученія о Богѣ, и великая заслуга Аристотеля въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи. Но не безусловны, конечно, ни это преимущество, ни эта заслуга. Разсматриваемое ученіе Аристотеля, какъ человѣка, при томъ человѣка извѣстнаго времени и направленія, къ тому же какъ не просвѣщеннаго сверхъестественнымъ сткровеніемъ язычника, не свободно было и отъ недостатковъ, при томъ не только въ сравненіи съ богооткровеннымъ ученіемъ христіанства, но и по сравненію съ ученіями его собственныхъ предшественниковъ.

Отношеніе Аристотеля къ его предшественникамъ по религіозно-философскому міросозерцанію, при томъ какъ историка богословія и философіи и какъ критика, начинаясь Гомеромъ, простирается до современныхъ ему поэтовъ и мыслителей, и представляется весьма разнообразнымъ. Мы, конечно, очертимъ это отношеніе лишь въ общихъ его признакахъ и въ видахъ характеристики Аристотелева ученія собственно о Богѣ, такъ какъ и самое очертаніе этого отношенія дѣлаемъ главнымъ образомъ потому, что, согласно раньше сказанному, Аристотель самъ является первымъ настоящимъ историкомъ философіи и богословія.

Гомеръ и Гезіодъ были и признавались первыми основопо-

ложителями богословія и мифологіи въ древней Греціи. И Аристотель признаетъ за ними такое значеніе, съ благоговѣніемъ относясь къ нимъ самимъ, хотя и не всегда съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ само собою понятно, относясь къ нѣкоторымъ ихъ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его философскими началами и убѣжденіями. И прежде всего и болѣе всего онъ упоминаетъ Гомера ¹⁾ и часто (съ именемъ или и безъ имени) приводитъ стихи изъ его поэмъ въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ своихъ мнѣній или съ цѣлію критическою и под. ²⁾, поставляя его выше всѣхъ поэтовъ древности. Онъ его именуетъ Божественнымъ (θεσπέσιος) ³⁾ и весьма восхваляетъ, какъ поэта, сравнительно съ другими поэтами ⁴⁾. Такъ, разсуждая въ своей «Поэтикѣ» о мифѣ и указывая на недостатокъ пониманія его задачи и сущности другими поэтами, на примѣръ мифа объ Ираклѣ составителями Иракліды и Физиды, онъ говоритъ: «Гомеръ же, какъ въ иныхъ отношеніяхъ отличается отъ другихъ, такъ и въ этомъ отношеніи прекрасно усмотрѣлъ сущность дѣла, благодаря ли искусству своему, или благодаря природѣ: составляя Одиссею, онъ не приписалъ ему (Ираклу) всего, что ему приписывается другими, какъ на примѣръ того, что онъ потерпѣлъ пораженіе на Парнасѣ, что неистовствовалъ при сборѣ и под., въ чемъ не было необходимости для изображенія его личности» ⁵⁾. Но имѣя въ виду слишкомъ человѣкообразныя представленія его о Божествѣ, Аристотель далеко не все изъ Гомера принимаетъ въ буквальный смыслъ и считаетъ нужнымъ такъ принимать. Многое онъ считаетъ нужнымъ признавать за сказанное въ метафорическомъ, переносномъ смыслѣ, какъ напр. извѣстные стихи Иліады:

«Всѣ, и безсмертные боги и коннодеспшіные мужи спали всю ночь» ⁶⁾.

¹⁾ Пер: ἐμπνεύσις, 11; Phys. IV, 12; Meteorol. I, 4; Poët. 2. 3. 4 и мн. др.

²⁾ Syllog. I, 1. 50. 82. 255 и мн. др. II, 15. 160 и др. Rhetor. I, 6; II, 2; III и др. Polit. I, 12; III, 14. 16 и др. Metaph. XI (XII), 10 и мн. др.

³⁾ Poët. 23.

⁴⁾ Poët. 23. 24 и др.

⁵⁾ Poët. 8.

⁶⁾ Иліады II, 1. 2. Переводъ Гюндича.

или мысль Гомера о томъ, что Ганимедъ «богами взятъ въ небеса, виночерпцемъ Зевесу ¹⁾, такъ какъ «боги не пьютъ вина» ²⁾. Находитъ онъ у него и задатки философствованія, какъ то мы видѣли въ отношеніи къ мыслямъ Гомера объ Океанѣ и Теѣсѣ, какъ первоначальникахъ происхожденія (γενέσεως πατέρες) ³⁾, о единовластительствѣ Божественномъ ⁴⁾, и т. п. При всемъ томъ не столько поэтическое міровоззрѣніе Гомера въ разсматриваемомъ отношеніи вызывало болѣе искреннія симпатіи Аристотеля, сколько болѣе обнаруживавшій философствованія дидактической эпосъ Гезіода. Этого послѣдняго онъ уже прямо сопоставляетъ съ богословами (Ἡσίοδος καὶ πάντες ὅσοι θεολόγοι) ⁵⁾, слѣдовательно ставитъ на среднюю ступень между поэтами и философами въ строгомъ смыслѣ. О Гезіодѣ же Аристотель говоритъ, что онъ «первый изслѣдовалъ (Ἡσίοδος πρῶτος ζητῆσαι) вопросъ о началѣ всего сущаго и о причинѣ движенія» ⁶⁾;—что онъ утверждаетъ мысль о происхожденіи всего (πάντα γενέσθαι φησι) ⁷⁾;—что онъ считалъ землю первою происшедшею (τὴν γῆν πρώτην γενέσθαι) ⁸⁾ и т. д. При этомъ и независимо отъ этого Аристотель часто, въ подтвержденіе ли своихъ мнѣній, или въ критическихъ цѣляхъ, приводитъ мысли изъ твореній Гезіодовыхъ ⁹⁾. И можно безъ труда понять, почему Гезіодъ вызывалъ къ себѣ болѣе симпатіи у Аристотеля, нежели Гомеръ: кромѣ философствующаго направленія Гезіодова эпоса, съ богословскимъ направленіемъ по вопросу о Божествѣ, причиною тому служить еще нѣкоторымъ образомъ естественно-научное направленіе богословствованія и философствованія Гезіода, его натурализмъ.

¹⁾ Илиады XX, 234. Переводъ Гмдича.

²⁾ Poët. 25.

³⁾ Metaph. I, 3. Cont. *Hom.* II. XIV, 201.

⁴⁾ Εἰς κοίρανος: Metaph. XI (XII), 10 Conf. Polit. IV, 4 et *Homeri*, II. II 204.

⁵⁾ Metaph. II, 4.

⁶⁾ Metaph. I, 4 conf. I, 3 in fine.

⁷⁾ De coelo, III, 1

⁸⁾ Metaph. I, 8.

⁹⁾ De Xenoph. 2 (conf. Theog. 116); Phys. IV, 1 (Theog. 116. 117); Metaph. I, 4 (Theog. 116. 117. 120) и др. Polit. I, 2 (Op. 405); V, 10 (Op. 25); Eth. Nicom. I, 2 (Op. 293. 295—297) и др.

Аристотель прямо ставитъ его во главѣ группы фізіологовъ (*οἱ περὶ Ησίοδου... οἱ πρῶτοι φυσιολόγησαντες*) ¹⁾ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно фізіологами, разсуждавшими о природѣ (*φύσις*), ея бытіи и явленіяхъ. называются философы іонійской школы. Самъ, придавая большое значеніе натурализму въ своемъ изслѣдованіи вопроса о движеніи ²⁾, Аристотель естественно дорожилъ натуралистическимъ направленіемъ и богословствованія Гезіода и особенно потому же вопросу о движеніи, такъ живо его самого интересовавшему ³⁾. Но нельзя къ тому не добавить, что съ этой стороны Аристотель не можетъ не быть обвиненъ и въ тѣхъ недостаткахъ, какіе мы въ свое время находили у Гезіода ⁴⁾. И эти недостатки тѣмъ крупнѣе и важнѣе у Аристотеля, чѣмъ настойчивѣе и обстоятельнѣе онъ проводитъ натуралистическое воззрѣніе въ свое ученіе о Богѣ. Не даромъ же, наоборотъ, онъ менѣе пользуется орфическими представленіями о Божествѣ, ближе стоявшими къ первоначальной истинѣ религіознаго міровоззрѣнія, нежели Гезіодомъ. Онъ не скрываетъ своего сомнѣнія въ подлинности такъ называемыхъ орфическихъ стихотверепій и поэмъ ⁵⁾; приводитъ ихъ главнымъ образомъ въ подтвержденіе не богословскихъ своихъ мнѣній ⁶⁾; самыя даже богословскія мысли орфиковъ приводитъ и толкуетъ въ натуралистическомъ смыслѣ ⁷⁾, хотя и признаетъ орфиковъ богословами ⁸⁾; и только однажды приводитъ въ чисто богословскомъ смыслѣ и съ полнымъ сочувствіемъ довольно значительный отрывокъ изъ извѣстнаго орфическаго гимна о Зевсѣ:

«Зевсъ есть первый, Зевсъ—самый послѣдній» ⁹⁾ и пр.; да

1) *De socio*, III, 1.

2) Извѣстно, что рѣшенію этого вопроса онъ даетъ главное мѣсто въ своей «Физикѣ» — (ученіе о природѣ).

3) Срав. *Метаф.* I, 4.

4) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1884 г. отд. фил. т. II, стр. 217—219.

5) *Aristotelis opp. fr.* 9. *Conf. De animal. gener.* II. 1 et al.

6) Напр. въ *De anima* I, 5 при вопросѣ о происхожденіи души; въ *De animal. gener.* II, 1, говоря о составѣ животныхъ и т. д.

7) См. напр. въ *Phys.* VIII, 9 о началѣ, среднѣ в концѣ.

8) Срав. *Metaph.* I, 3 et XIII, 4.

9) *De mundo*, cap. VII. Это мѣсто мы приводили въ свое время.

еще разъ ссылается на одного изъ среднихъ орфиковъ—Ферекида въ подтвержденіе мысли о достоинствѣ первопричины всякаго бытія и явленія ¹⁾. За то и достоинства орфическаго представленія о Божествѣ, нами въ свое время указанныя ²⁾, только отчасти принадлежатъ Аристотелю.

Само собою разумѣется, ближе и глубже относится Аристотель къ философскимъ собственно воззрѣніямъ на Божество. Въ видахъ сокращенія нашего изслѣдованія, мы не будемъ подробно разбирать его критическаго отношенія къ таковымъ воззрѣніямъ Thalеса ³⁾, Ксенофана ⁴⁾, Пифагорейцевъ ⁵⁾, Гераклита ⁶⁾, Эмпедокла ⁷⁾ и другихъ. Мы остановимся лишь нѣсколько на его отношеніяхъ къ воззрѣніямъ Анаксагора и Платона, какъ болѣе близкимъ къ его ученію о Божествѣ съ различныхъ сторонъ.

Анаксагоръ и его философскія воззрѣнія весьма часто упоминаются, приводятся и обсуждаются въ сочиненіяхъ Аристотеля. Анаксагоръ называется мудрецомъ (σοφός) ⁸⁾, считавшимъ за самое лучшее «жить ради того, чтобы созерцать небо и порядокъ, существующій во всемъ мірѣ» ⁹⁾; различныя философскія мнѣнія его, напр. о безпредѣльныхъ началахъ, безпредѣльныхъ стихіяхъ, всегда сущихъ ¹⁰⁾, именуемыхъ сѣменами (σπέρματα) ¹¹⁾, а особенно оміомеріями ¹²⁾, и т. д. приводятся и обсуждаются у Аристотеля особенно часто и съ особеннымъ предъ другими философами предпочтеніемъ. Но насъ въ настоящую минуту всего болѣе занимаетъ Анаксагорово ученіе объ Умѣ (νοῦς), все приводящемъ въ порядокъ,

1) Metaph. XIII, 4. Это мѣсто мы приводили не очень давно.

2) См. ж. «Вѣра и Раз.» 1884, II отд. фил. стр. 320. 321.

3) De anima I, 5.

4) Metaph. I, 5.

5) Fragm. 192.

6) De part. animal. I, 5.

7) De anima I, 5; De gener. et corrupt. II, 6.

8) Eth. Nicom. VI, 7.

9) Eth. Eud. I, 5.

10) Metaph. I, 3. 7; Phys. I, 4. 6; De gener. et corrupt. I, 3 et al.

11) De coelo III, 3.

12) Phys. III, 4; De coelo III, 3. 4; De gener. et corrupt. I, 1; Metaph. I, 3. 7.

или, выражаясь терминологіею Аристотеля, все приведемъ въ движеніе ¹⁾. Это ученіе болѣе всего интересовало и Аристотеля, собственное ученіе котораго объ Умѣ высочайшемъ также занимаетъ не послѣднее мѣсто въ системѣ его богословія, какъ мы знаемъ изъ предшествующаго. По изложенію Аристотеля, Анаксагоровъ Умъ есть единый (εἷς), простой (ἀπλοῦς), не смѣшанный (ἀμιγής), безстрастный (ἀπαθής), чистый (καθαρός) ²⁾. Этотъ Умъ, далѣе, есть виновникъ міра и всего порядка (τὸν αἰτίον τοῦ κόσμου καὶ τῆς τάξεως πάσης) ³⁾; виновникъ прекраснаго и праваго (τοῦ καλοῦ καὶ ὀρθῶς), есть благо (ἀγαθόν) ⁴⁾; есть дѣйствительность или дѣятельность (ἐνέργεια) ⁵⁾, и т. д. Уже изъ этого одного нельзя не видѣть, какъ близко къ такому ученію Анаксагора объ Умѣ возвышенное ученіе о томъ же самого Аристотеля, намъ извѣстное. Но мы уже теперь не можемъ не сказать и того, что упрекъ, сдѣланный Аристотелемъ Анаксагору за механическое употребленіе Ума въ міротвореніи (Ἀναξαγόρας μηχανῇ χρῆται τῷ ὧν πρὸς τὴν κοσμοποιίαν ⁶⁾), относится отчасти и къ Аристотелю, особенно въ разсужденіи его мысли объ Умѣ, какъ первомъ Двигателѣ, для чего достаточно припомнить хотя бы Аристотелево сравненіе Бога, какъ перваго Двигателя, съ художникомъ и механическимъ автоматомъ ⁷⁾.

Но важнѣе всего отношеніе Аристотеля къ его учителю — Платону. Не смотря на то, что Аристотель часто критикуетъ ученіе Платона, особенно же объ идеяхъ, онъ такъ глубоко проникся этимъ ученіемъ и такъ всесторонне изучилъ его, и по устнымъ урокамъ, слышаннымъ отъ Платона, и по сочиненіямъ послѣдняго, что безъ всякаго сомнѣнія можетъ быть названъ столько же великимъ продолжателемъ Платона, сколько великимъ продолжателемъ Сократа былъ Платонъ, хотя съ

1) Phys. VIII, 1. conf. cap. 9; III, 4; De coelo III, 2 et al.

2) Metaph. I, 8; XI (XII), 2; Phys. VIII, 5; De anima I, 2.

3) Metaph. I, 4.

4) De anima I, 2; Metaph. I, 6; XI (XII), 10; XIII, 4.

5) Metaph. XI (XII), 6.

6) Metaph. I, 4; cont. cap. 7.

7) De mundo, cap. VI.

другой стороны, въ извѣстномъ отношеніи, именно въ отношеніи къ развитію началъ философіи, настолько же превосходитъ Платона, на сколько Платонъ — Сократа. Что критикуя ученіе Платона объ идеяхъ и въкоторыя другіе пункты философскаго его міровоззрѣнія, Аристотель тѣмъ не менѣе съ глубокимъ уваженіемъ относился къ личности своего великаго учителя и какъ человѣка и какъ философа, это мы видѣли уже при очеркѣ жизни и дѣятельности Аристотеля. А что онъ встесторонне изучалъ философію Платона, о томъ свидѣлствуютъ весьма частыя ссылки на діалоги Платона въ сочиненіяхъ Аристотеля и на содержащееся въ этихъ діалогахъ ученіе, какъ близко знакомое ссылающемуся. Въ сочиненіяхъ Аристотеля многократно, съ именемъ Платона (или Сократа, какъ главнаго бесѣдующаго лица въ означенныхъ діалогахъ) или безъ его имени, съ обозначеніемъ названія діалога или безъ такового обозначенія (съ формулою: *φασι, οἴονται, νομίζουσι τινας*), цитуются едва не всѣ извѣстные съ именемъ Платона философскіе діалоги послѣдняго, съ бѣльшими или меньшими по объему выдержками изъ нихъ, болѣе или менѣе подробнымъ или краткимъ изложеніемъ заключающихся въ нихъ мыслей и т. п. Болѣе всего цитруется «Политика» Платона какъ въ «Политикѣ» Аристотеля ¹⁾, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ послѣдняго ²⁾. Затѣмъ слѣдуютъ: «Разговоры о Законахъ» ³⁾, «Тимей» ⁴⁾, «Фѣдонъ» ⁵⁾, и т. д. Изъ философскихъ пунктовъ ученія Платона Аристотель подвергаетъ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію и обсужденію (критикѣ) Платоново ученіе объ идеяхъ ⁶⁾; затѣмъ о сущности (*οὐσία*) ⁷⁾, объ идеѣ блага ⁸⁾; далѣе заслуживаетъ вниманія ученіе о ми-

1) См. напр. Аристотели Полит. II, 1—6; IV, 11; VIII, 17. 10 и др.

2) Eth. Nicom. V, 3. 10; Eth. Magn. I, 34; De anima I, 5 и др.

3) Arist. Polit. II, 6. 9. 12; Eth. Nicom. I. 8; II, 2 и др.

4) Arist. De gener. et corrupt. I, 2; De coelo III, 2; Metaph. XI (XII), 6; De anima I, 2 и др.

5) Arist. De anima I, 3; Meteorol. 5; De gener. et corrupt. II, 9 др.

6) Arist. Metaph. I, 6. 9; Meteor. 4. 5. 9; De vita et morte 13 и др.

7) Aristot. Metaph. II, 1. 4 и др.

8) Arist. Eth. Nicom. I, 4; Eth. Eud. I, 8 и др.

рѣ ¹⁾), о душѣ ²⁾ и нѣкоторые др. И что Аристотель не только изучалъ глубоко, но и глубоко изучилъ, усвоилъ философію Платона, при томъ не только въ чисто философской, но и въ богословской части ея, объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать слѣдующія, даже не многія сопоставленія, подробности коихъ могутъ быть разсматриваемы изъ того, что въ этомъ отношеніи изложено было нами при изслѣдованіи Платонова ученія о Богѣ ³⁾ и изъ того, что мы изложили уже изъ такового же ученія Аристотеля. Сюда прежде всего относится ученіе о движеніи, въ разсужденіи котораго Аристотель широко, обстоятельно и вполнѣ основательно развилъ, раскрылъ и прочно утвердилъ мысли, въ общихъ чертахъ и какъ бы мимоходомъ, но весьма ясно высказанныя Платономъ ⁴⁾. Затѣмъ сюда же относятся доказательства бытія Божія, въ которыхъ между Платономъ и Аристотелемъ много общаго ⁵⁾, ученіе о существѣ и многихъ свойствахъ Божіихъ ⁶⁾, отчасти и отношеніе къ народной религіи ⁷⁾ и т. д. Но особенно объединяетъ обоихъ философовъ ихъ ученіе о Богѣ, какъ Умѣ (νοῦς). Не даромъ и Платонъ, такъ же какъ еще ранѣе того Сократъ, съ уваженіемъ указываетъ на Анаксагора, какъ на перваго философа, коснувшася этого превосходнаго ученія ⁸⁾. Объ Аристотелѣ съ этой стороны мы хорошо знаемъ. Самъ же Аристотель еще шире, обстоятельнѣе и основательнѣе, нежели Платонъ, развилъ, раскрылъ и утвердилъ это ученіе, которому и у Платона дается много мѣста въ его сочиненіяхъ и усвоется высокое значеніе какъ въ отношеніи собственно къ Богу ⁹⁾, такъ и въ отношеніи къ высшей части въ составѣ человѣка—ду-

1) *Arist. De coelo* III, 1. 7; IV, 2 и др.

2) *Arist. Top.* VII, 3; *De anima* I, 2; *Metaph.* XI (XII), 6 и др.

3) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. №№ 9, 11, 14, 23 и 1890 г. № 4.

4) *Plat. De legis.* X, 894, 599 и др.

5) Срав. особенно космологическое, телеологическое, онтологическое и историческое доказательства у того и другаго философа, нами изложенныя.

6) Изъ свойствъ особенно обращаютъ на себя вниманіе онтологическія, за исключеніемъ вездѣприсутствія, а изъ идеальныхъ—правосудіе и свойства чувства.

7) Особенно значеніе религіи въ политикѣ, въ государствѣ.

8) См. Платоновъ діалогъ «Кратилъ» стр. 399. 400. 413.

9) См. тамъ же; срав. «Филебъ» стр. 91. «Законы» X, 897 и др.

ху ¹⁾. Да и въ отношеніи къ вопросу объ идеяхъ какъ ни критикуетъ Аристотель Платоново ученіе о нихъ, онъ все же во многомъ опирается, въ своемъ ученіи о формѣ, на основныхъ началахъ того же Платонова ученія, что особенно должно сказать объ основномъ признакѣ понятія о нихъ у того и другаго философа--о дѣйствительности, истинности бытія, ими знаменуемаго ²⁾.—При всемъ томъ нельзя не отмѣтить и весьма важной, даже, можно сказать, существенной разности между тѣмъ и другимъ философомъ, при томъ не только въ общемъ направленіи философіи, но и частнѣе въ направленіи и характерѣ ихъ ученія о Богѣ. Платонъ—возвышенный идеалистъ, Аристотель же по преимуществу реалистъ. Платонъ болѣе довѣряетъ идеальному познанію, нежели опыту, а Аристотель — наоборотъ. Платонъ слѣдуетъ болѣе дедуктивному методу, а ученикъ его--индуктивному. Платонъ, мало знакомый съ естественно-научными данными, болѣе паритъ въ области отвлеченнаго, апріорическаго мышленія и сужденія; Аристотель же, обладая громаднымъ количествомъ таковыхъ данныхъ, любитъ повсюду, гдѣ только возможно и нужно опираться на этихъ данныхъ въ своихъ сужденіяхъ и изъ нихъ дѣлать умозаключенія и абстракціи о предметахъ сверхъопытныхъ. Платонъ былъ не столько ученый, сколько великій мыслитель, философъ—художникъ; Аристотель былъ столько же великій ученый, сколько и великій мыслитель, строго-последовательный философъ.—Въ частности, по отношенію къ ученію о Богѣ, Платонъ, слѣдуя Сократу, художественно-философски строилъ свое понятіе о Богѣ, но не хотѣлъ отторгаться и отъ представленія о Немъ, на степени коего стояло греческое міросозерцаніе до него; Аристотель же безповоротно рѣшилъ построить исключительно философское понятіе о Богѣ, безъ всякой помощи со стороны представленія, т. е. народной религіи. хотя, какъ мы видѣли, и не всегда былъ последователемъ съ этой стороны. Но то несомнѣнно, что даже

¹⁾ Филебъ, 31; Тимей, 90; Закон. X, 898; Федръ, 247.

²⁾ Срав. изъ вышесказаннаго о началахъ бытія и явленія по Аристотелю съ Платоновымъ ученіемъ объ идеяхъ.

и съ этой стороны, между тѣмъ какъ Платонъ съ любовію останавливается на народныхъ представленіяхъ о Божествѣ, въ подтвержденіе своихъ философскихъ о Немъ мыслей, и искренно желаетъ очищенія этихъ представлений отъ недостойныхъ Божества примѣсей согласно требованіямъ философиствующаго ума, Аристотель только между прочимъ и какъ бы нехотя приводитъ данныя изъ области этихъ представлений ¹⁾ и какъ будто лишь по необходимости говоритъ о томъ, что въ нихъ, по его мнѣнію, уже совершенно негодно ²⁾. Платонъ со всею искренностію, слѣдуя началамъ теплой вѣры, допускалъ не только мірообразующую, творческую, но и промыслительную дѣятельность Божества, хотя и не въ силахъ былъ выпутаться изъ сѣтей дуализма въ признаніи вѣчности матеріи по ея сущности; Аристотель же, неуклонно слѣдуя началамъ разума и требованіямъ холоднаго разсудка, только изрѣдка и какъ бы мимоходомъ допускалъ, да и то не въ строго философскомъ смыслѣ, того и другаго рода дѣятельность въ Божествѣ; въ коренномъ же своемъ ученіи о Богѣ, какъ первомъ Двигателѣ неподвижномъ, по возможности, устранялъ этого рода дѣятельность, такъ какъ она противорѣчила бы его понятію о неподвижности Бога и о самомъ Богѣ, какъ *νοῦς ἐν νοῦς* въ Его самосозерцающей дѣятельности ³⁾. И такимъ образомъ, между тѣмъ какъ у Платона Богъ является не только верховною Причиною всего, какъ Творецъ, но и Личностію, какъ Промыслитель, у Аристотеля Онъ является болѣе метафизическою Причиною бытія и явленія (движенія), нежели Личностію и Промыслителемъ. Самая идея высочайшаго блага въ приложеніи къ понятію о Богѣ у Платона и Аристотеля весьма различно понимается и между тѣмъ какъ у перваго болѣе въ нравственномъ, нежели въ метафизическомъ смыслѣ, у послѣдняго болѣе въ метафизическомъ, нежели въ нравственномъ смыслѣ. Вообще же какъ въ философскомъ, такъ и въ

¹⁾ Болѣе всего изъ этихъ данныхъ приводится въ сочиненіяхъ Аристотеля, подлинность коихъ подвергается сомнѣнію.

²⁾ Припомнимъ для сего сдѣланная нами выдержки изъ «Политики» Аристотеля по вопросу о воспитаніи дѣтей.

³⁾ Срав. сдѣланную въ своемъ мѣстѣ выдержку изъ книги «Иѳяки Ником.».

богословскомъ отношеніи, въ заключеніе нашей рѣчи о Платонѣ и Аристотелѣ, мы не могли бы лучше охарактеризовать ихъ, нежели какъ ихъ охарактеризовалъ великій художникъ слова — Гёте, который, сравнивая Аристотеля съ зодчимъ, говоритъ о немъ: «онъ очерчиваетъ огромный кругъ для фундамента своего строенія, беретъ матеріалы всюду, сортируетъ ихъ, складывая одинъ слой на другой, и поднимается такимъ образомъ въ правильной формѣ вверхъ въ видѣ пирамиды, тогда какъ Платонъ стремится къ небесамъ подобно обелиску или остроконечному пламени»¹⁾. Кто же, спрашивается послѣ того, изъ нихъ ближе долженъ быть къ истинному понятію о Богѣ, къ богооткровенному, христіанскому ученію о Немъ? Отвѣтъ, кажется, уже и изъ сказаннаго сейчасъ несомнителенъ. Между тѣмъ какъ въ пирамидѣ все, вся главная масса ея тянется къ *землѣ* и только верхушка ея близка къ *небу*²⁾, въ обелискѣ, а еще болѣе въ остроконечномъ пламени все какъ бы съ силою стремится отъ земли къ небу, какъ бы только по необходимости соприкасаясь съ землею. Поэтому для насъ странно было встрѣтить въ русской періодической печати (при томъ въ органѣ, имѣющемъ за собою славныя преданія строгой мысли, въ «Русскомъ Вѣстникѣ») такое сужденіе человѣка, повидимому, довольно близко знакомаго съ дѣломъ: «еще ближе (нежели ученіе Платона) къ Библейскому откровенію подходитъ ученіе о Богѣ Аристотеля... Не разбирая этого ученія, укажемъ въ немъ, въ видахъ его отношенія къ Библии, только на одну частную черту: какъ извѣстно, Божество по Аристотелю есть *первый движитель* міроваго развитія, и съ тѣмъ вмѣстѣ само Оно *чуждо* всякой измѣняемости, и слѣдовательно также *пространственнаго движенія*. Разсматривая вопросъ о томъ, какъ неподвижное можетъ стать причиною движенія, онъ объясняетъ это примѣромъ. Божество, говоритъ онъ, есть источникъ міроваго развитія не

¹⁾ *Goethe* въ «*Farbenlehre*» (II, 118). См. у *Любкера* въ «Реальномъ словарѣ классической древности» (перев. *В. И. Модестова*), стр. 125. Спб. 1884.

²⁾ Нельзя не припомнить при семъ опять Гезіода и выводы изъ его религіозно-философскаго міросозерцанія, нами въ свое время указанныя (см. ж. «Вѣра и Разумъ» 1884, II, 219, отд. фил.).

въ томъ смыслѣ, въ какомъ толчекъ есть причина движенія; Оно дѣйствуетъ на мірозданіе тѣмъ особеннымъ способомъ, какимъ дѣйствуетъ на человѣка прекрасная статуя, имъ созерцаемая. Она сама остается неподвижна, и однако мы, которые смотримъ на нее, приводимся въ движеніе, волнуемся и влечемся къ ней. Такъ и Божество. продолжаетъ онъ, однимъ существованіемъ своимъ движетъ и направляетъ къ Себѣ все міровое развитіе. Оно есть источникъ вѣчной жизни, которую мы созерцаемъ вокругъ себя и чувствуемъ въ себѣ, и вся эта жизнь есть только вѣчное напряженіе природы слиться съ Творцемъ своимъ, вѣчная жажда ея приблизиться къ Нему, къ своему источнику и къ своему завершенію. Невольно вспоминаются при этомъ слова царя Давида: «какъ жаждетъ лань къ потокамъ воды, такъ жаждетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!» — То, что почувствовалъ въ себѣ Псалмопѣвецъ, то понялъ и объяснилъ Аристотель; во всякомъ случаѣ оба они остановились на одномъ¹⁾. Въ томъ-то и дѣло все, что оба они остановились не на одномъ. Псалмопѣвецъ взывалъ и стремился къ Богу, какъ Личному, живому Существо, близкому къ человѣку по особеннымъ, религіознымъ къ Нему отношеніямъ, Аристотель же говорилъ о стремленіи всего къ Первому Движителю (какъ ἐρώμενον, по выраженію нашего философа²⁾) чисто въ метафизическомъ смыслѣ, онтологически. И о Богѣ, какъ Творцѣ, съ Которымъ будто бы жаждетъ слиться природа, приблизиться къ Нему, къ своему источнику и завершенію, у Аристотеля рѣчь могла быть только въ самомъ ограниченномъ и особенномъ, далеко не вполнѣ христіанскомъ, библейскомъ смыслѣ. При томъ судящій такъ объ отношеніи Аристотеля (и Платона) къ Библии и откровенію христіанскому взялъ въ расчетъ лишь «одну частную черту» изъ Метафизики Аристотеля и на этой частной чертѣ хочетъ создать общее сужденіе о такомъ отношеніи. Между тѣмъ предше-

1) «Русск. Вѣстникъ» 1890 г. № 1, стр. 114. 115. Статья В. В. Розанова: «Мѣсто христіанства въ исторіи». Если не ошибаемся, авторъ статьи есть одна изъ переводчицъ «Метафизики» Аристотеля, переводъ которой печатается въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» съ 1890 г.

2) Metaph. XI (XII), 7.

ствующее наше изслѣдованіе, надѣмся, показало, что судить объ этомъ слѣдуетъ нѣсколько иначе. Не смотря на чисто научную, философскую постановку понятія о Богѣ, Аристотель не уничтожилъ даже того дуализма, въ которомъ запутался монизмъ теологіи Платона. На мѣсто Платонова дуализма Аристотель поставилъ другой дуализмъ, дуализмъ матеріи и формы. Онъ тогда бы уничтожилъ этотъ дуализмъ, когдабы матерію и форму такъ объединилъ, чтобы форма была подлинно творящею въ отношеніи къ матеріи ¹⁾. Въ этомъ случаѣ онъ приблизился бы болѣе Платона къ библейскому христіанскому ученію о твореніи изъ ничего и о Богѣ, какъ истинномъ Творцѣ міра. Но отъ этого Аристотель былъ весьма далекъ вмѣстѣ со всѣми философами древности, не исключая и Платона. Первый Двигатель Аристотеля не есть истинный Творецъ міра. Къ тому же ведетъ разсмотрѣніе и другихъ сторонъ Аристотелева ученія о Богѣ. Первый Двигатель, не будучи Творцемъ матеріи, какъ основы бытія міра, не имѣетъ близкаго участія и къ дальнѣйшей жизни и судьбамъ міра и человѣка. Онъ даетъ толчекъ къ движенію непосредственно лишь сферѣ неподвижныхъ звѣздъ, а чѣмъ дальше отъ этой сферы и чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ Онъ болѣе и болѣе отдаленъ отъ міра и его частей, тѣмъ далѣе отъ земли и живущаго на ней человѣка, занимаясь лишь самосозерцаніемъ. И если для Аристотеля странными и даже, по его выраженію, смѣшными казались въ Божествѣ дѣйствія справедливыя, мужественныя и т. д. ²⁾; если онъ подвергалъ сомнѣнію попеченіе боговъ о людяхъ ³⁾: то, безъ сомнѣнія, еще болѣе страннымъ показалось бы ему такое, основанное на Библии, опредѣленіе промысла Божія: «Промыслъ Божій есть непрестанное дѣйствіе всемогущества, премудрости и благости Божіей, которымъ Онъ сохраняетъ бытіе и силы тварей; всякому добру вспомоществуетъ, а возникающее чрезъ удаленіе отъ добра зло пресѣкаетъ, или исправляетъ и направляетъ къ доб-

¹⁾ Срав. *Weichelt*, cit. op. p. 33.

²⁾ *Eth. Nicom.* X, 8.

³⁾ *Ibid.* стр. 9: «если есть какое-либо попеченіе боговъ о людяхъ».

рымъ послѣдствіямъ ¹⁾. Равнымъ образомъ, не говоря о христіанскихъ догматахъ триничности лицъ въ единомъ по существу Богѣ, искупленія и т. д., самое метафизическое понятіе единства Божества у Аристотеля представляетъ въ себѣ болѣе противорѣчій, нежели таковое же понятіе у Платона по сравненію съ христіанскимъ ученіемъ. Прежде всего, онъ говоритъ о первомъ Двигателѣ: «будетъ ли это одинъ, или многіе, но лучше, если будетъ одинъ» ²⁾; каковыми словами уже прямо не говорится твердо о единствѣ Божества. А если, да-лѣе, мы примемъ во вниманіе тѣ возвышенные предикаты, какіе нашъ философъ приписываетъ первому небу и свѣтиламъ, поставляя ихъ въ ряду боговъ и не примиряя ни ихъ единства («единое первос небо»), ни другихъ божественныхъ свойствъ ихъ (вѣчности, неизмѣнности и т. д.) ³⁾; съ свойствами перваго Двигателя: то единство сего послѣдняго можетъ подвергаться еще большому сомнѣнію ⁴⁾. И должно быть не даромъ болѣе въ западной христіанской церкви востор-гались Аристотелемъ и преклонялись предъ нимъ, нежели въ Церкви восточной, гдѣ болѣе пользовался уваженіемъ Платонъ, нежели Аристотель.

При всемъ томъ не можемъ не сказать повторительно, что Аристотель можетъ быть поставленъ ниже Платона только съ христіанской точки зрѣнія. Самъ же по себѣ и въ своемъ значеніи для исторіи греческой философіи онъ отнюдь не ниже своего учителя, а по вліянію на все дальнѣйшее движеніе мысли греческаго и другихъ народовъ вообще и въ частности на характеръ и направленіе мышленія и между прочимъ—понятій и представленій о Божествѣ онъ стоитъ даже выше его, какъ увидимъ далѣе. Причиною этого --непобѣдимая сила великаго ума его, строгая послѣдовательность мышленія, глубина и широта мысли, неопровержимая доказатель-

1) Правосл. катих. *Филарета*, м. Московскаго.

2) *Phys.* VIII, 6.

3) Первое небо (*πρῶτος οὐρανός*) и есть небо неподвижныхъ звѣздъ. Божественныя свойства, ему приписываемыя, см. въ *De coelo* II, 3. 4. 6. 12 и др. *Metaph.* XI (XII), 7 и др.

4) Срав. *Götze*, s. 687. 77. 81 f.

ность и многосторонняя, едва не всесторонняя и глубокая ученость, чего во многомъ не доставало Платону, у котораго часто богатая фантазія оспаривала пальму первенства у великаго же ума; и у котораго вовсе не было такой учености, какою обладалъ Аристотель. Аристотелева ума и учености достало не только на его вѣкъ, но и на многіе вѣка послѣдующіе, такъ что долго и послѣ него міръ греческій и не греческія племена не могли вполнѣ разобратъся въ томъ, что сдѣлано было этимъ великимъ, истинно царственнымъ умомъ. Онъ во всемъ соотвѣтствовалъ своему имени (Ἀριστοτέλης)¹⁾. Въ своей «Иѳикѣ» Аристотель между прочимъ приводитъ превосходные по мысли стихи уважаемаго имъ поэта Гезіода:

«Тотъ превосходный²⁾ человекъ, кто все самъ позналъ;

«Хорошъ также и тотъ, кто слушаетъ умныя рѣчи.

«А тотъ, кто и самъ ни о чемъ не мыслитъ и не принимаетъ къ сердцу

«Рѣчи другаго, тотъ совершенно бесполезный»³⁾.

Не даромъ эти стихи приводятся съ уваженіемъ не только языческими, а и христіанскими писателями⁴⁾. Въ нихъ устанавливаются три разряда людей. Аристотель не только по имени, но и по всему, очевидно, относится къ первому разряду. Онъ подлинно «все самъ позналъ» (αὐτός πάντα νοήσῃ).⁵⁾ до всего самъ дошелъ своимъ умомъ; между прочимъ и до своего возвышеннаго, истинно философскаго понятія о Богѣ. И если мы выше охарактеризовали направленіе его мысли, какъ натурализмъ, то должны теперь сдѣлать ограниченіе: натурализмъ этотъ болѣе обнаруживается въ его физикѣ и космологіи, нежели въ богословіи собственно. «Вступая въ область физики и космологіи съ предзанятою мыслию совершенно язы-

1) Ἀριστοτέλης (ἄριστος—превосходный и τέλειω—оканчиваю, уплачиваю, отсчитываю, считаю значитъ—причисляемый къ самымъ лучшимъ, превосходнѣйшимъ, благороднѣйшимъ, богатѣйшимъ.

2) Παναριστος, по другимъ—ἄριστος.

3) Eth. Nicom. I, 2. Conf. Hesiodi, Opera et dies, v. 293—296.

4) См. напр. Св. *Василія Великаго*, «Бесѣду къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями», гл. 1. Здѣсь читается прямо ἄριστος вм. πανάριστος въ первомъ изъ приводимыхъ стиховъ и все дѣло принимаетъ нравственно-практическій, а не теоретически-познавательный характеръ.

5) Ст. 293 по тексту Аристотеля (перев. *Радлова*) и Гезіода.

ческаго пантеистическаго натурализма, — говорить объ Аристотелѣ одинъ серьезный западный ученый, — онъ, напротивъ, со всею силою и осмотрительностію строгаго мыслителя, стремится къ настоящему теизму, по слѣдамъ Сократа и Платона, какъ скоро соприкасается съ областію богословія. И при этомъ даже самый натурализмъ его, насколько онъ заключаетъ въ себѣ и хорошія, правильныя стороны, въ противоположность Платоновой абстракціи отъ міра, нѣкоторымъ образомъ заступаетъ мѣсто его же теизма, въ томъ, чтобы выдвинуть на видъ, дать значеніе относительной самостоятельности міра въ отлчіе отъ существа Божія и привести философскую мысль къ тому, чтобы она пыталась также богословски понимать и эту самостоятельную сторону міра»¹⁾ — Такова заслуга Аристотеля въ исторіи религіозно-философскаго міросозерданія древней Греціи. — Нѣтъ сомнѣнія, что только его великому уму было подъ силу выполнить столь высокую задачу. И онъ ее выполнилъ, какъ мы видѣли, блестящимъ образомъ, такъ что младшимъ его современникамъ и преемникамъ оставалось лишь, если можно такъ выразиться, пережевывать и усвоить то, что разработалъ его умъ, разбираться въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и итти по слѣдамъ его и тѣмъ самымъ продолжать его дѣло, а уже не создавать что-либо новое. Такъ дѣйствительно и поступали его младшіе современники, ученики и преемники его. и ближе всего представители его школы-перипатетической, а затѣмъ и вся послѣ аристотелевская философія, всѣ мыслители конца IV-го и послѣдующихъ вѣковъ до Рождества Христова, при чемъ даже и другія, не основанныя Аристотелемъ школы, восприняли для себя его философскія начала, стали носить на себѣ неотразимые слѣды его философствованія и духовно питались плодами его великой умственной работы.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Dr. I. W. Hanne, Die Idee der absoluten Persönlichkeit, oder: Gott und sein Verhältniss zur Welt, insönderheit zur menschlichen Persönlichkeit, B. I, s. 162. Hannover, 1861.

ОСНОВЫ МОРАЛИ В. ВУНДТА.

(Продолженіе *).

Вторую часть «этики», трактующую о принципахъ нравственности, Вундтъ начинаетъ съ психологическаго обоснованія морали. Авторъ возстаетъ противъ обособленія сознанія и воли и связаннаго съ этимъ раздѣленія ихъ другъ отъ друга. Сознаніе и воля, говоритъ онъ, соединены другъ съ другомъ нераздѣльно, при чемъ «воля не представляетъ изъ себя только функцію сознанія, случайно съ нимъ связанную, но иногда и отсутствующую, нѣтъ, она является свойствомъ, входящимъ въ составъ самого сознанія (интегрирующимъ свойствомъ его)» ¹⁾. Вслѣдствіе этого развитіе сознанія въ своей существенной части есть *развитіе воли*. Воля представляется намъ прежде всего, какъ дѣятельность единичнаго сознанія и, сообразно съ этимъ, какъ *индивидуальное* проявленіе жизни. Въ этомъ смыслѣ развитіе воли идетъ рядомъ съ развитіемъ самосознанія. Въ непосредственномъ ощущеніи дѣятельности индивидуумъ познаетъ самого себя, какъ единичную личность. Но тутъ возникаетъ важный для этики вопросъ объ отношеніи отдѣльнаго человѣка къ обществу. Въ этомъ вопросѣ авторъ разсматриваемаго сочиненія занимаетъ посредствующее положеніе между одностороннимъ индивидуализмомъ, для котораго отдѣльная воля есть единственная собственно *реальная* воля и потому всегда и *первоначальная*, и крайнимъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 7.

1) Этика. Русск. пер. 2 ч., стр. 5.

универсализмомъ, для котораго индивидуальная воля исчезаетъ въ общей и служитъ простымъ «исполнительнымъ органомъ» ея. Индивидуальная воля, говоритъ Вундтъ, является въ качествѣ элемента одной «общей воли», въ которую входитъ и она со своими мотивами и цѣлями. Языкъ, религіозныя воззрѣнія, общія жизненные привычки и нормы поступковъ указываютъ на общее духовное достояніе, которое далеко выдается надъ всѣмъ, что отдѣльная личность можетъ считать своимъ,—все это не можетъ быть понимаемо, какъ порожденіе произвольнаго узаконенія, а необходимо предполагаетъ существованіе общаго сознанія и общей воли. Вотъ почему мы должны признать такую же *реальность* духовнаго общества, какова реальность и отдѣльнаго человѣка. Государственный союзъ въ особенности есть такой видъ общаго сознанія, какъ *общей воли*. Изолированный индивидуальный человѣкъ никогда не существовалъ въ дѣйствительности. Мы знаемъ человѣка только какъ социальное существо, одинаково подчиненное и индивидуальной и общей волѣ, и нѣтъ основанія думать, что общая воля вышла когда-то изъ послѣдней. Напротивъ, относительная обособляемость единичной воли является всегда лишь результатомъ позднѣйшаго развитія.

Но человѣкъ индивидуализируется изъ состоянія социальнаго безразличія не съ тѣмъ, чтобы навсегда освободиться отъ общества, изъ котораго онъ вышелъ, но для того, чтобы снова отдаться ему съ болѣе развитыми силами. Индивидуумъ всегда чувствуетъ свою связь съ обществомъ и дѣйствуетъ въ интересахъ этого общества, хотя часто и бессознательно. Поэтому-то, какъ нѣтъ нужды предполагать отдаленныхъ мотивовъ или сложныхъ соображеній для объясненія эгоистическихъ поступковъ, такъ и мало нужды прибѣгать къ такимъ предположеніямъ при самыхъ простыхъ проявленіяхъ заботы о другихъ или при самыхъ примитивныхъ проявленіяхъ чувства общности. Въ послѣднемъ случаѣ реакція воли такъ же непосредственна, какъ и въ первомъ. Это *коренное* свойство человѣческаго духа, что онъ не остается равнодушнымъ къ жизненнымъ событіямъ ближняго, но что

эти событія въ сферѣ его представленій и чувствъ участвуютъ такъ-же, какъ и событія его собственной жизни. Вѣдь и окружающая насъ обстановка составляетъ неотъемлемую составную часть нашего самосознанія. Слѣдовательно мы должны приписать альтруистическимъ чувствамъ одинаковое происхожденіе съ эгоистическими; но мы не должны упускать изъ вниманія специфической особенности тѣхъ и другихъ, которая дѣлаетъ сомнительною всякую попытку вывести одни изъ другихъ.

Признанію реальности «общей воли», наравнѣ съ реальностью индивидуальной воли, по мнѣнію Вундта, больше всего препятствуетъ вѣра въ особенный метафизическій субстратъ индивидуальной души. «Для психическаго атомизма, говоритъ Вундтъ, съ его простыми субстанціями, которыя стоятъ лишь во внѣшнемъ преходящемъ взаимодействіи, не можетъ быть никакой общей духовной связи, никакой общей духовной жизни и никакой общей духовной цѣли, кромѣ той, которая является общею у многихъ, случайно живущихъ вмѣстѣ индивидуумовъ»¹⁾. Подъ «душею» нужно разумѣть только духовную дѣятельность и ничего болѣе. Если дѣятельность души состоитъ въ дѣятельности сознанія, то отсюда слѣдуетъ, что, хотя душа въ этомъ своемъ дѣятельномъ бытіи и обладаетъ индивидуальными особенностями, но въ *существенныхъ* своихъ направленіяхъ выходитъ изъ предѣловъ индивидуальнаго сознанія. «Воля и состоящее изъ представленій содержаніе сознанія, говоритъ Вундтъ, индивидуальны, насколько онѣ составляютъ *исключительную* (специфическую) особенность индивидуальной личности; но онѣ принадлежатъ *общей* волѣ, насколько онѣ общи цѣлой совокупности индивидуумовъ. А этимъ дается право признать за упомянутою общею волею насколько не меньшую степень *реальности*, нежели за индивидуальною волею. Самая историческая непрерывность, которая связываетъ наше сознаніе съ сознаніемъ другого времени, настолько же дѣйствительна, насколько это ей приписывается нашимъ сознаніемъ. Прошедшія и бу-

¹⁾ Ibid. стр. 26.

дуція поколѣнія живутъ съ нами дѣйствительно *одною* жизнью, а не повидимому только, какъ это принимаетъ психологическій атомизмъ. Культура и исторія образуютъ *настоящую общую* жизнь, а не просто случайные результаты безчисленныхъ единичныхъ стремленій, которыя бы соприкасались лишь внѣшнимъ образомъ и далеко расходились въ своей послѣдней цѣли¹⁾.

Ошибка универсалистовъ состояла въ томъ, что въ индивидуальной волѣ они не видѣли ничего, кромѣ бессознательнаго носителя и исполнителя этической силы, которою обладаетъ только общая воля. Они упускаютъ изъ виду то, что, если индивидуумъ заимствуетъ многое отъ общества, то онъ съ своей стороны также воздѣйствуетъ на него. Это особенно замѣтно у великихъ людей. Въ каждомъ единичномъ сознаніи извѣстнымъ образомъ отражается общее сознаніе, но оно отражается большею частью односторонне и ограничено. Но передовые умы яснѣе другихъ сознаютъ влекущія силы общественнаго духа; они собираютъ въ себя эти силы и, такимъ образомъ, становятся способными *опредѣлять* или *измѣнять* ихъ направленіе по собственному почину, насколько это возможно въ границахъ общаго направленія воли.

Итакъ, общая воля имѣетъ такую же реальность, и такую же первоначальность, какъ и индивидуальная воля. Это нужно имѣть въ виду при рѣшеніи основнаго вопроса морали, — вопроса о нравственныхъ цѣляхъ.

Рѣшать вопросъ о нравственныхъ цѣляхъ можно двумя путями. Первый путь состоитъ въ томъ, что находятъ общее понятіе нравственнаго и потомъ посредствомъ его анализа стараются опредѣлить отдѣльные этическія цѣли. Вундтъ отвергаетъ такой методъ изслѣдованія, такъ какъ здѣсь общій принципъ устанавливается не на почвѣ правильной индукціи; на мѣсто фактовъ, которыми должно измѣряться понятіе о нравственномъ, выступаютъ дедукціи, которыя никогда не могутъ быть провѣрены путемъ опыта. Вундтъ избираетъ другой путь. Онъ беретъ исходнымъ пунктомъ

¹⁾ Ibid. стр. 30.

своего изслѣдованія наши эмпирическія нравственныя сужденія. Ближайшая задача изслѣдованія нравственныхъ цѣлей заключается для него въ отвѣтъ на вопросъ: *какія цѣли признаются во всеобщемъ нашемъ сознаніи нравственными?*

Человѣкъ, говоритъ Вундтъ, сознаетъ себя отдѣльною личностью, которая въ то же время принадлежитъ къ соціальному союзу и которая въ соединеніи съ нимъ составляетъ часть человѣчества. Поэтому и *цѣли* единичной воли могутъ быть индивидуальными, соціальными и общечеловѣческими (гуманными).

Въ качествѣ первой цѣли, которую индивидуумъ долженъ преслѣдовать, обыкновенно признаютъ цѣль *самосохраненія*. Однакоже, по сознанію всѣхъ людей, самосохраненіе ради самосохраненія не имѣетъ еще нравственной цѣны. Нравственное значеніе оно получаетъ лишь тогда, когда при *посредствѣ* его достигается другая цѣль. Требуется, чтобы отдѣльный человѣкъ сохранялъ себя для дѣятельности ради какихъ-нибудь личныхъ цѣлей или ради соціальныхъ и общечеловѣческихъ цѣлей. Такихъ другихъ личныхъ цѣлей есть двѣ: *самоудовлетвореніе и самоусовершенствованіе*. Но самоудовлетвореніе можетъ достигаться и путемъ личной дѣятельности, направленной на насъ самихъ и путемъ дѣятельности, направленной на служеніе другимъ людямъ, слѣдовательно дѣятельности, направленной на соціальную или общечеловѣческую цѣль. Послѣдняя цѣль выходитъ за сферу личныхъ цѣлей, первая же можетъ являться лишь въ формѣ личнаго чувства удовольствія, которому мы не придаемъ собственно никакой нравственной цѣны. То же самое нужно сказать и о самоусовершенствованіи. Оно также, въ концѣ концовъ, можетъ относиться только къ усовершенствованію въ дѣйствіяхъ, которыя преслѣдуютъ или индивидуальныя, или общія цѣли, и только въ послѣднемъ случаѣ подобныя дѣйствія могутъ быть признаны нравственными. Такимъ образомъ всеобщее правило, по которому мы оцѣниваемъ достоинство индивидуальныхъ цѣлей нашей воли, требуетъ, чтобы мы сохраняли себя для *общихъ* цѣлей, а не для личныхъ только, и упражняли и усовершеншали свои способности для того, чтобы онѣ служили *общимъ* цѣлямъ, а не личнымъ только. Отсюда вид-

но, что «дѣйствующая личность никогда не бываетъ сама собственной конечною цѣлью нравственнаго» ¹⁾.

Но если дѣйствующая личность не можетъ быть сама конечною цѣлью нравственности, то такую же цѣлью не можетъ служить и личность другихъ дѣятелей. «Сохраненіе отдѣльнаго человѣка, счастье отдѣльнаго лица, развитіе личныхъ способностей -- сами по себѣ совершенно одинаковы для насъ по достоинству, будемъ ли мы сами или другой этимъ отдѣльнымъ человѣкомъ... Если сказать, что мы должны потому предпочитать счастье общее личному, что тамъ много единицъ, а мы — одна единица, то это не имѣетъ смысла, разъ мы признали личное счастье равнымъ, по цѣнности нравственной, нулю. Изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ нулей не можетъ составиться никакая величина. Если индивидуальное чувство удовольствія, какъ таковое, не имѣетъ нравственной цѣны, то тоже самое нужно сказать и о чувствѣ удовольствія многихъ или всѣхъ. Поэтому, утилитаризмъ есть не что иное, какъ расширенный эгоизмъ» ²⁾. Однакоже, если намъ предстоитъ выборъ между требованіями интересовъ ближняго и между требованіями собственныхъ интересовъ, то мы должны отдавать предпочтеніе первымъ требованіямъ. Рѣшающее основаніе для предпочтенія альтруистическихъ поступковъ заключается въ двухъ мотивахъ — объективномъ и субъективномъ. Объективный мотивъ заключается въ томъ, что, благодаря альтруистическому характеру поступка, получается возможность для *больше расширенной* (экстенсивно) дѣятельности нравственной воли, содѣйствующей социальнымъ и общечеловѣческимъ цѣлямъ. Субъективное же основаніе лежитъ въ томъ, что каждый безкорыстный поступокъ является для насъ какъ бы пробой характера, которымъ мы измѣряемъ достоинство индивидуальной личности вообще. Хотя часто оказывающій помощь ближнему и мало можетъ сдѣлать этимъ для общаго блага, тѣмъ не менѣе его индивидуальное дѣйствіе показываетъ, что онъ можетъ подчинять собственные интересы объективнымъ цѣлямъ. Но несравненно болѣе важное значеніе въ

1) Ibid., стр. 69.

2) Ibid., стр. 70.

нравственномъ отношеніи могутъ имѣть слѣдующія двѣ социальныя цѣли: *общественное благосостояніе и всеобщій прогрессъ*. Эти обѣ цѣли соотвѣтствуютъ самоудовлетворенію и самоусовершенствованію въ индивидуальной сферѣ и, подобно послѣднимъ, находятся въ тѣсной связи между собою, такъ что общественное благополучіе непрочно безъ всеобщаго прогресса, а послѣдній, въ свою очередь, можетъ заключаться лишь въ возвышеніи всеобщаго благополучія. Но подъ общественнымъ благомъ не должно разумѣть суммы всѣхъ или возможно--большаго количества благосостояній отдѣльныхъ лицъ, т. е. «максимации счастья», и подъ всеобщимъ прогрессомъ не должно понимать прогресса возможно большаго количества индивидуумовъ. Ибо ни счастье, ни усовершенствованіе отдѣльнаго индивидуума или суммы индивидуумовъ не составляютъ сами по себѣ нравственной цѣли, а должны служить лишь средствомъ къ достиженію дальнѣйшей и болѣе общей цѣли. «Чѣмъ на большее число людей распространяется счастье, являющееся результатомъ извѣстнаго поведенія, и чѣмъ болѣе въ этомъ поведеніи заключается сознательное стремленіе подчинить свою личную волю общей волѣ, тѣмъ выше стоитъ такое поведеніе въ нашемъ нравственномъ сужденіи» ¹⁾. И дѣйствительно, мы руководимся этою точкою зрѣнія при сужденіи о социальныхъ фактахъ. Чѣмъ шире кругъ общества, тѣмъ больше дѣйствія единичной личности, направленные на общія цѣли (т. е. такой единичной воли, въ которой воплощается воля общая), опредѣляются такими соображеніями, которыя выходятъ за предѣлы интересовъ индивидуальныхъ существъ и, въ концѣ концовъ, ни коимъ образомъ не могутъ быть объяснимы заботой о *какой-либо суммѣ* индивидуумовъ. Въ этомъ отношеніи семья еще всецѣло стоитъ на границѣ личнаго существованія. Всѣ мы озабочены обезпечиваніемъ будущаго нашихъ дѣтей и даже внуковъ, но мы мало уже беспокоимся о судьбѣ гораздо болѣе отдаленныхъ потомковъ. Нѣсколько дальше простирается предусмотрительная заботливость цѣлаго общества: оно поступило бы вопре-

1) Ibid. стр. 72.

ки совѣсти, если бы въ своей заботѣ объ общественныхъ учрежденіяхъ оно имѣло въ виду лишь благо живущихъ или ближайшихъ только поколѣній. Но государство принуждено заглядывать въ будущее еще дальше. Только оно одно можетъ само требовать тяжелыхъ жертвъ отъ живущихъ для обезпеченія болѣе отдаленнаго будущаго.

Такому порядку вещей, говоритъ Вундтъ, вполне соотвѣтствуютъ тѣ чувства, которыя мы сами испытываемъ по отношенію къ будущему нашего потомства и всего человѣчества. Предсказаніе о страданіи потомка, который будетъ жить на разстояніи двухъ столѣтій отъ насъ, вѣроятно, мало обезпечило бы насъ; но намъ была бы очень тяжела мысль о томъ, что государство и народъ, къ которому мы принадлежимъ, спустя небольшое число поколѣній должны совершенно исчезнуть. Когда же идетъ дѣло объ уничтоженіи всѣхъ созданій исторіи, то столь же тяжелое чувство можетъ ослабѣть развѣ только въ томъ случаѣ, если мы отодвинемъ уничтоженіе цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, на многія столѣтія. Но есть одно такое представленіе, съ которымъ мы никакъ не можемъ примириться (даже если бы мы предполагали осуществленіе его чрезъ тысячелѣтія): это мысль о томъ, что все вообще человѣчество со всею его духовною и нравственною работою безслѣдно исчезнетъ когда-либо съ лица земли и что отъ всего этого не останется абсолютно ничего, даже ни малѣйшаго воспоминанія, хотя бы въ одномъ какомъ-либо сознаніи. У насъ есть увѣренность, что человѣческія нравственныя цѣли, въ осуществленіи которыхъ, въ концѣ концовъ, принимаетъ участіе каждый отдѣльный человѣкъ, никогда не исчезнуть. Эта увѣренность не есть знаніе, но вѣра, которая основывается на томъ убѣжденіи, что каждая данная нравственная цѣль есть всегда лишь ближайшая цѣль, а не послѣдняя, и слѣдовательно есть лишь средство къ достиженію послѣдней, неунничтожимой (безконечной) цѣли. Такимъ образомъ, непреодолимымъ основаніемъ для упомянутаго постояннаго отдаленія нравственныхъ цѣлей является *временность* (уничтожаемость) *единичнаго существованія*. Какое значеніе могутъ имѣть для міра счастье и страданіе единичнаго существа? Это капля воды, потерянная въ морѣ жизни. Эту ничтожность единич-

наго бытія глубоко понимала христіанская этика, которая обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства противопоставила ему идею безконечнаго счастья, безконечнаго и по степени, и по своей продолжительности. Но то восполненіе короткой и преходящей личной жизни, котораго религіозная надежда искала въ безконечномъ, уже находилось и въ *дѣйствительной* жизни въ формѣ конечнаго, недостаточнаго приближенія. Но вслѣдствіе того, что и такое восполненіе человѣческой конечности никогда не можетъ осуществиться въ сферѣ личныхъ влеченій, оно представляется людямъ не въ формѣ *субъективнаго* чувства счастья, неизмѣющаго нравственной цѣны, но въ формѣ *объективной* духовной цѣнности (Werthe), которая возникаетъ изъ совокупной духовной жизни человѣчества. Стоитъ только намъ стать на почву *историческаго* изслѣдованія, чтобы тотчасъ замѣтить, что упомянутая оцѣнка соціальныхъ нравственныхъ цѣлей есть единственно допустимая и что она на самомъ дѣлѣ является единственно дѣйствительно существующею. Въ самомъ дѣлѣ, какую точку зрѣнія мы руководимся при оцѣнкѣ людей и народовъ, принадлежащихъ къ давно исчезнувшему прошлому? Мы цѣнимъ ихъ, говоритъ Вундтъ, не за то счастье, которымъ они сами наслаждались, и не за то счастье, которое они доставляли своимъ современникамъ, но единственно за то, что сдѣлали они для общаго *развитія* человечества во всемъ грядущемъ. Такимъ образомъ нравственный человѣкъ дѣйствуетъ не въ интересахъ только своихъ согражданъ и современниковъ, а тѣмъ менѣе въ своихъ личныхъ интересахъ; какъ бы ни были узки непосредственныя цѣли отдѣльнаго лица, онѣ всегда переходятъ за предѣлы его ближайшей цѣли и, въ концѣ концовъ, теряются въ безпредѣльномъ теченіи развитія человѣческаго духа. Конечною цѣлью нравственности «можетъ быть лишь созданіе такихъ *всеобщихъ духовныхъ твореній*, въ которыхъ хотя и принимаетъ участіе индивидуальное сознаніе, но объектомъ цѣли состоитъ не отдѣльное лицо, а всеобщій человѣческой духъ. Счастье становится какъ бы побочнымъ слѣдствіемъ упомянутыхъ духовныхъ твореній, дѣйствующимъ на субъективное сознаніе и служащимъ въ то же время мотивомъ, направля-

можно смотрѣть на счастье, какъ на неизбѣжное средство къ достиженію цѣлей, но не какъ на самую нравственную цѣль»¹⁾).

Итакъ, нравственными цѣлями могутъ быть признаны только гуманныя цѣли. Признаніемъ такихъ цѣлей мы обязаны сравнительно еще новому факту, что всеобщій человѣческой духъ настолько созналъ самого себя, что въ немъ явилась идея человѣчности въ смыслѣ совокупной духовной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ созрѣло убѣжденіе, что общіе нравственные продукты человѣческаго общенія (обнаруживающіеся въ государствѣ, искусствѣ, наукѣ и общей культурѣ) суть *достижимые для насъ объекты нравственнаго*. Но такъ какъ всѣ эти объекты такъ-же, какъ и человѣческія дѣйствія, берутъ свое начало въ волѣ и такъ какъ, поэтому, самая цѣль нравственнаго есть не что иное, какъ постоянное, нескончаемое стремленіе, то разъ достигнутую нравственную ступень невозможно признать *конечною цѣлью*. Прошедшее исчезло, а настоящее уже въ слѣдующій моментъ перестаетъ быть нравственною цѣлью. Вслѣдствіе этого «конечная цѣль нравственнаго стремленія становится идеальною, въ дѣйствительности никогда недостижимую цѣлью». Такимъ образомъ послѣднею нравственною цѣлью, говоритъ Вундтъ, является *этический идеалъ*, а прогрессивное нравственное усовершенствованіе человечества ближайшею цѣлью человѣческой нравственности. Въ виду вышесказаннаго, для этого этического идеала остаются возможными только два косвенныхъ опредѣленія. Первое, положительное, состоитъ въ томъ, что, согласно этому идеалу, развитіе всѣхъ духовныхъ силъ человѣка должно продолжаться за предѣлы всякой достигнутой уже цѣли. Второе, отрицательное опредѣленіе заключается въ требованіи, чтобы постоянно уменьшалось число препятствій, противостоящихъ этому развитію.

Какіе же мотивы руководятъ человѣкомъ въ его нравственныхъ дѣйствіяхъ? Мы уже раньше видѣли, что не должно смѣшивать цѣли и побужденія (мотивы). Поэтому мы должны отыскать мотивы нравственныхъ дѣйствій, не смѣшивая ихъ съ нравственными цѣлями. Мотивовъ нравственныхъ дѣйствій есть три: мотивы воспріятія, мотивы разсудка и мотивы

¹⁾ Ibid., стр. 76.

вы разума. Человѣкъ дѣйствуетъ всегда по чувствованію, но это чувствованіе можетъ соединяться съ разными представленіями и идеями, и отсюда получаютъ три вышеуказанные мотива.

Непосредственное воспріятіе есть обыкновенно ближайшій руководитель нашей воли. Къ воспріятію немедленно присоединяются, по ассоціаціи, представленія о причинахъ и послѣдствіяхъ воспринимаемаго нами факта. Весь этотъ рядъ представленій, соединенныхъ въ одно цѣлое воздѣйствіе, опредѣляетъ аффекты, которые побуждаютъ насъ къ дѣйствию. Мотивы воспріятія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ: *самочувствію* и *сочувствію*. Самочувствіе непосредственно слито съ самосознаніемъ, такъ что дѣйствія являются какъ бы простою реакціею самосознанія, при чемъ имъ до такой степени присущъ характеръ нравственной цѣлесообразности, что размышленіе не находитъ нужнымъ что-либо исправлять въ нихъ. Вѣрно дѣйствовать безъ размышленія, изъ чистой склонности, есть главнѣйшій признакъ нравственной зрѣлости. Самочувствіе дополняется сочувствіемъ. Но это самочувствіе не можетъ быть выведено изъ сочувствія. Подобно тому какъ «индивидуальное сознание заключается уже съ самаго начала въ общемъ сознаніи, индивидуальная воля въ общей волѣ, съ которыми она раздѣляетъ самыя существенныя побужденія, такъ и сочувствіе есть такое-же ощущеніе, какъ и самочувствіе, потому что, вмѣстѣ съ самосознаніемъ, развивается также сознание объектовъ, которые противостоятъ личному «я». Но объекты не являются безразличными для насъ; ближайшіе и важнѣйшіе изъ нихъ кажутся однородными нашему «я», какъ бы принимающими участіе въ представленіяхъ и чувствованіяхъ этого «я». Всѣ возникающія изъ сочувствія побужденія всегда связаны съ *реальною общею волею*. Изъ сочувствія рождаются социальныя побужденія, какъ только общая воля обнаруживается въ склонностяхъ, выступающихъ за предѣлы чисто индивидуальныхъ чувствованій. Но такъ какъ этотъ результатъ постоянно связанъ съ логическимъ соединеніемъ представленій, то онъ предполагаетъ переходъ мотивовъ воспріятія въ мотивы разсудка¹⁾.

Мотивы разсудка начинаютъ дѣйствовать тогда, когда ме-

жду воздѣйствующими представленіями и рѣшеніемъ дѣйствовать становится соображеніе. Въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ не ближайшая цѣль, а болѣе отдаленная. Однакоже представленія цѣли могутъ возбудить волю только чрезъ посредство неразрывно соединенныхъ съ ними чувствованій. Цѣлями, которыя размышленіе признаетъ достойными осуществленія, могутъ быть или цѣли житейскія, имѣющія въ виду удовлетвореніе своего собственнаго «я». или цѣли, которыя служатъ для блага ближнихъ или соціальнаго союза. Основные виды чувствъ, соотвѣтствующихъ обоемъ этимъ представленіямъ цѣлей, суть: самослуженіе (личная польза, Eigennützig) и общепользныя побужденія. Тѣ и другія побужденія имѣютъ неодинаковую нравственную цѣну. Болѣе цѣнными признаются общепользныя побужденія, которыя относятся не къ единичнымъ только этическимъ субъектамъ, какъ напр. сочувствіе, но къ цѣлому, которое всегда сохраняетъ превосходство, какъ этическая цѣль. Но познаніе общей цѣли предполагаетъ размышленіе, отдающее себѣ отчетъ въ значеніи цѣлаго и его отношеній къ единицѣ, а по сему общая воля дѣйствуетъ *самосознательно* въ каждомъ индивидуумѣ только *посредствомъ* разсудка. Какъ результатъ непосредственнаго воспріятія, это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда, вслѣдствіе развитія характера, мотивы разсудка превратятся въ мотивы воспріятія.

Нужно однакоже замѣтить, что самослуженіе не всегда безнравственно. Самослуженіе можетъ имѣть цѣлью собственное умственное развитіе индивидуума и нравственное усовершенствованіе. Въ этомъ высшемъ значеніи слова самослуженіе не только естественно, но и нравственно, потому что оно является здѣсь неизбѣжнымъ вспомогательнымъ средствомъ для образованія характера, служащаго всѣмъ дальнѣйшимъ этическимъ цѣлямъ. Безнравственнымъ же это болѣе высокое самослуженіе становится только въ томъ случаѣ, когда оно въ столкновеніяхъ съ общепользными побужденіями одерживаетъ надъ ними верхъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что индивидуальная цѣль всегда поглощается общею цѣлью, которой она служитъ, такъ что единица превращается только въ средство служенія всеобщимъ цѣлямъ.

Въ мотивахъ разсудка вслѣдствіе болѣе широкихъ цѣлей

къ которымъ они направлены, лежатъ и болѣе сильныя стимулы безкорыстнаго дѣйствія, чѣмъ въ непосредственномъ воспріятіи. Стимулы разсудка образуютъ источники всѣхъ тѣхъ произвольныхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ общество устраниваетъ организацію, основанную на признаніи взаимныхъ правъ и обязанностей. Общая воля впервые только въ этихъ соціальныхъ формахъ достигаетъ болѣе сознательнаго значенія. Тѣмъ не менѣе сами по себѣ соображенія разсудка едва ли могли бы подвинуть людей къ самопожертвованію для общественнаго блага, если бы всюду за мотивами разсудка не стояла идея *разума*, что ближайшія матеріальныя и интеллектуальныя цѣли общества сами служатъ *идеальной цѣли*, имѣющей абсолютную цѣнность, въ сравненіи съ которою совершенно исчезаетъ цѣнность отдѣльнаго существованія.

Подъ мотивами разума въ нравственномъ поведеніи Вундтъ разумѣетъ всѣ тѣ побудительныя причины, которыя возникаютъ изъ представленія *идеальнаго назначенія чловѣка*. Но это представленіе не отличается яснымъ и опредѣленнымъ характеромъ. Оно есть только предвареніе (антиципація) безконечнаго. Въ этомъ смыслѣ оно есть идея, а не настоящее представленіе. Непосредственно въ сознаніи можетъ содержаться всегда только одно представленіе того *направленія*, въ которомъ нравственная жизнь должна протекать въ данный моментъ для того, чтобы достигнуть своего идеальнаго назначенія.

Само собою разумѣется, что и мотивы разума проявляются въ дѣйствіяхъ воли только въ формѣ чувствованій. Такъ какъ источникъ этихъ чувствованій имѣетъ свое начало въ общемъ предположеніи идеальныхъ цѣлей, то мы имѣемъ право назвать ихъ идеальными чувствованіями. Уже на самыхъ первичныхъ ступеняхъ нравственнаго развитія, говоритъ Вундтъ, проявляется ихъ существованіе, потому что они связаны съ тѣми религіозными представленіями, которыя противопоставляютъ идеальныи міръ дѣйствительному міру. Не только удовлетворительная, но и вполне убѣдительная причина вѣры въ существованіе нравственнаго идеала лежитъ, по мнѣнію Вундта, въ невозможности поставить границу духовному и нравственному развитію, или что было бы равносильно этому—мыслить полное его уничтоженіе.

Но должно замѣтить, что всѣ три мотива — не различной природы; они различаются между собою только степенью ясности представленія о связи частной воли съ «общею волею». Это представленіе темно и несовершенно въ мотивахъ воспріятія; оно болѣе сознательно и полно въ мотивахъ разсудка, и только въ мотивахъ разума вполне сознательнымъ побудительнымъ мотивомъ дѣйствій становится представленіе о непосредственной связи всѣхъ отдѣльныхъ дѣйствій съ безконечностью нравственнаго міра. а также и убѣжденіе, что индивидуальная воля соотвѣтствуетъ идеѣ этой связи.

Извѣстно, что нравственныя цѣли имѣютъ тотъ особый характеръ, что онѣ представляются намъ имѣющими *обязательное* значеніе. Всѣ мотивы импульсивны; но есть еще *императивные* мотивы, съ которыми всегда соединяется еще то представленіе, что они должны быть предпочитаемы всѣмъ другимъ, т. е. просто импульсивнымъ мотивамъ. Чѣмъ объяснить это явленіе? Разсматривая вопросъ, какъ возможно вообще возникновеніе императивныхъ мотивовъ, Вундтъ оспариваетъ ту истину, что положенія, имѣющія характеръ *безусловной* пригодности, не могутъ выходить изъ эмперическихъ мотивовъ, которые всегда бываютъ обусловлены. Не говоря уже объ измѣнчивости нравственныхъ представленій въ разные времена и у разныхъ народовъ, самый фактъ столкновенія нравственныхъ обязанностей, по мнѣнію Вундта, показываетъ, что о подобной безусловности нравственныхъ требованій не можетъ быть рѣчи ни на одной изъ степеней нравственнаго развитія. Съ другой стороны несправедливо то мнѣніе, что будто бы необходимы совершенно особыя условія для того, чтобы въ человѣкѣ запечатлѣлась безусловность и общеобязательность извѣстныхъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, чего только не считали за безусловное и необходимое, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ наука? По мнѣнію Вундта, въ возникновеніи императивныхъ мотивовъ мы снова находимъ частное примѣненіе великаго закона «гетерогоніи цѣлей». Обязательный характеръ нравственныхъ правилъ вытекаетъ изъ причинъ, которыя имѣютъ мало отношенія къ слѣдствіямъ, которыя онѣ производятъ. Вундтъ указываетъ четыре источника, которые обуславливали переходъ импульсивныхъ мотивовъ въ им-

перативные: *внѣшнее принужденіе, внутреннее принужденіе, продолжительное удовлетвореніе и представленіе нравственнаго идеала жизни* съ сопровождающими его импульсивными аффектами.

Внѣшнее принужденіе есть самый низшій изъ упомянутыхъ императивныхъ мотивовъ. Оно проявляетъ свое дѣйствіе въ формѣ наказанія за безнравственные поступки и достаточно для гарантированія строгой легальности поступковъ. Выше стоитъ принужденіе внутреннее, или моральное. Оно заключается во всѣхъ тѣхъ вліяніяхъ, которыя оказываетъ на человѣка примѣръ другихъ, а также собственное, обусловленное воспитаніемъ и примѣромъ, упражненіе воли. Этотъ мотивъ носить въ себѣ уже стремленіе къ *положительной* нравственной дѣятельности, а не предохраняетъ только отъ безнравственныхъ поступковъ. Еще выше въ нравственномъ отношеніи стоятъ свободные императивы—прочнаго удовлетворенія и представленія нравственнаго идеала жизни. Мораль привязываетъ человѣка къ тому, что обѣщаетъ болѣе прочное удовлетвореніе, и человѣкъ свободно предпочитаетъ слѣдовать нравственности ради самой нравственности, а не для внѣшности только. Въ этомъ случаѣ ему легче противостоятъ такимъ искушеніямъ, какимъ подчиняется тотъ, кто старается сохранить лишь внѣшнюю пристойность. Но такъ какъ онъ не отдаетъ себѣ отчета относительно послѣдней цѣли своего дѣйствія, то, естественно, что столкновеніе обязанностей легко приводитъ его къ колебаніямъ и заставляетъ слѣдовать случайнымъ влеченіямъ, при чемъ можетъ получить перевѣсъ наименѣе достойное. Самая высшая ступень нравственнаго развитія есть ступень вполнѣ сознательной нравственности. На этой ступени человѣкъ руководится представленіемъ нравственнаго идеала жизни. Люди, обладающіе такимъ идеальнымъ характеромъ, чрезвычайно рѣдки, и обыкновенно они сообщаютъ новое направленіе жизни людей: они творческіе гени нравственности.

Четыре упомянутыхъ императивныхъ мотива, вѣроятно, стали проявлять свое дѣйствіе уже съ самаго начала нравственной жизни вообще. Общая форма, въ которой они обнаруживались раньше всего, есть религіозная форма. Такъ императивъ внѣшняго принужденія дѣйствуетъ прежде всего исклю-

чительно въ формѣ религіозной нравственной заповѣди, и только потомъ тѣ средства, которыми пользуется это принужденіе, постепенно переходятъ къ политической власти, которая и принимаетъ участіе въ этомъ принужденіи, совмѣстно съ религіозными вліяніями. Равнымъ образомъ, и императивъ внутренняго принужденія обнаруживаетъ свои дѣйствія при посредствѣ религіознаго воспитанія и свободныхъ вліяній обычаевъ. Императивъ «прочнаго удовлетворенія» становится высшимъ мотивомъ, благодаря складывающемуся убѣжденію въ неизбежности наградъ и наказаній. Наконецъ, и нравственность «по идеалу» нечужда, въ концѣ концовъ, религіозной формы; нравственный идеалъ выступаетъ въ религіи для каждаго отдѣльнаго человѣка въ качествѣ *личнаго* образца нравственнаго образа жизни.

Изъ четырехъ императивовъ совѣсти только послѣдній (стремленіе къ идеалу) содержитъ дѣйствительное познаніе истинныхъ побужденій и цѣлей нравственной жизни. Тѣмъ не менѣе самъ этотъ идеалъ не можетъ быть опредѣленно указанъ. Дать ему окончательную формулировку значило бы противорѣчить существу нравственнаго идеала. Если нравственныя идеи развиваются, то и наука о нравственномъ не можетъ оставаться въ одномъ положеніи. Можно, говорить Вундтъ, только попытаться дать упомянутымъ идеямъ выраженіе возможно полное для даннаго времени и стоящее на высотѣ познанія, достигнутаго историческимъ путемъ.

Намъ остается рассмотретьъ еще одинъ важный вопросъ въ этикѣ—вопросъ о тѣхъ правилахъ, или нормахъ, которыми человѣкъ долженъ руководиться въ своемъ нравственномъ поведеніи.

Вундтъ возстаетъ противъ стремленія въ этикѣ установить одну норму въ качествѣ единственной основной нормы, дающей мѣрило другимъ. Если самыя различныя области нравственной жизни подчинить одному опредѣленному правилу (которое непременно будетъ безсодержательно, вслѣдствіе своей общности), то такое подчиненіе, по мнѣнію Вундта, будетъ насиліемъ надъ разнообразіемъ дѣйствительной жизни. Уже вслѣдствіе того обстоятельства, что въ нормахъ должны быть приняты во вниманіе и мотивы и цѣли нравственности, множественность въ опредѣленіи нормъ требуется сама собою. Тѣмъ не менѣе все разнообразіе частныхъ нравствен-

ныхъ нормъ можно свести къ нѣсколькимъ основнымъ нормамъ, изъ которыхъ выводятся единичныя предписанія. Естественно, что этихъ фундаментальныхъ нормъ есть столько, сколько есть основныхъ нравственныхъ цѣлей, слѣдовательно три: индивидуальныя, соціальныя и обще-гуманныя нормы. Въ каждой изъ этихъ трехъ областей могутъ быть различаемы, въ свою очередь, субъективныя и объективныя нормы и, соотвѣтственно этому, субъективныя и объективныя понятія—обязанности и добродѣтели: субъективная форма относится къ мотиву или намѣренію, объективная—къ цѣли и поведенію. Мы получаемъ, такимъ образомъ, слѣдующія нормы. *Субъективная* обязанность всякаго человѣка относительно себя самого есть самоуваженіе. Она заключаетъ въ себѣ норму: «поступай и дѣйствуй такъ, чтобы тебѣ никогда не пришлось потерять уваженія къ самому себѣ». *Объективная* обязанность отдѣльнаго лица относительно себя самого есть вѣрность своимъ обязанностямъ, безусловная твердость въ исполненіи тѣхъ задачъ, которыя человѣкъ поставилъ себѣ самъ. Добродѣтели этой соотвѣтствуетъ норма: «исполняй обязанности, которыя ты принялъ на себя относительно себя самого и другихъ». Въ этихъ двухъ добродѣтеляхъ, говоритъ Вундтъ, коренятся всѣ другіе роды нравственныхъ отношеній.

Объектомъ соціальныхъ нормъ служатъ окружающіе человѣка, ближніе его, съ тѣми личными и общими цѣлями, къ которымъ они стремятся. *Субъективная* добродѣтель или настроеніе, образующее фундаментъ всѣхъ объективныхъ соціальныхъ добродѣтелей и нравственныхъ дѣятельностей, есть любовь къ ближнимъ. Ей соотвѣтствуетъ норма: «заботься (achte) о своемъ ближнемъ, какъ о самомъ себѣ». *Объективная* добродѣтель состоитъ въ проявленіи *общественнаго чувства*, въ принятія человекомъ на себя и вѣрномъ выполненіи тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на него семьей, государствомъ и прочими общественными отношеніями. Норма общественнаго чувства такова: «Служи обществу, къ которому принадлежишь».

Въ индивидуальныхъ и соціальныхъ добродѣтеляхъ лежатъ уже общія нормы человѣчности. Высшія проявленія вѣрности долгу и общему дѣлу всегда выходятъ за предѣлы того непосредственнаго круга обязанностей, къ которому онѣ при-

надлежать, и становятся гуманными добродѣтелями, когда онѣ вмѣютъ значеніе лишь средства къ достиженію безконечной (по отношенію къ единичному существованію) цѣли, а иногда находятъ свое оправданіе единственно съ этой точки зрѣнія. Нравственный субъектъ непосредственно чувствуетъ, что, выполняя свою конечную обязанность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ участіе и въ осуществленіи безконечной задачи, предъ которою исчезаютъ индивидуальныя и даже ближайшіе соціальныя интересы. Отсюда *субъективная добродѣтель*, которая соотвѣтствуетъ этому чувству «безконечной задачи», есть *смирненіе* и норма его гласитъ: «чувствуй себя орудіемъ въ дѣлѣ служенія нравственному идеалу». *Объективная же добродѣтель*, соотвѣтствующая этому настроенію духа, есть *самопожертвованіе*. Норма самоотверженія гласитъ: «ты долженъ жертвовать собой для тѣхъ цѣлей, которыя ты признаешь своею идеальною задачею». Нужно замѣтить, что, такъ какъ самъ нравственный идеалъ не есть нѣчто данное, законченное уже, но онъ постоянно развивается, то и гуманитарныя нормы указываютъ лишь то *направленіе*, въ которомъ должно идти выполненіе всѣхъ нравственныхъ обязанностей; особое же содержаніе поступка должно зависѣть отъ тѣхъ условій развитія, при которыхъ должно совершаться каждое отдѣльное нравственное дѣйствіе. Само собою разумѣется, что задачи, которыя предлежатъ каждому индивидууму «всегда бываютъ *относительными идеалами*. Они больше совершенны по сравненію съ даннымъ состояніемъ, но никогда не бываютъ *наисовершеннѣйшими*. Но и этого сравнительнаго достоинства достаточно, чтобы упомянутые идеалы обратились въ такіе побудительные мотивы, которые, въ концѣ концовъ, должны одержать верхъ въ колебаніяхъ нравственной жизни, не смотря на всѣ перевороты и шатаванія. Если бы не было увѣренности, что это дѣйствительно такъ, то съ ея отсутствіемъ исчезли бы и ближайшія цѣли нравственныхъ стремленій, и, такимъ образомъ, дѣйствительное существованіе нравственнаго міра обратилось въ иллюзію, величайшую изъ всѣхъ иллюзій»¹⁾.

Стефанъ Говоровъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Мая № 9. 1891 года.

Содержаніе. Возращеніе изъ С-Петербурга Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Программа засѣданія съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 3 Іюня сего 1891 г., утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 22 Апрѣля 1891 года.—Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую Духовную Академію.—Отъ Хорошевскаго Духовнаго пріюта дѣтей.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

4-го Мая съ курьерскимъ поѣздомъ въ 12 часовъ дня возвратился изъ Петербурга въ Харьковъ членъ Святѣйшаго Синода Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія воспитанниковъ семинаріи, ихъ родителей и опекуновъ, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ семинарію слѣдующее:

1) Пріемные экзамены для поступленія во всѣ классы семинаріи въ настоящемъ году будутъ начаты 2-го, а переэкзаменовки для воспитанниковъ семинаріи—7-го Августа.

2) Всѣ поступающіе въ семинарію, лица свѣтскаго званія, не исключая и тѣхъ, которые переведены въ 1-й классъ семинаріи изъ духовныхъ училищъ, обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ въ количествѣ 40 рублей или за полугодіе—20 рублей, безъ чего не будутъ приняты въ семинарію.

3) Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казен-

номъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя ректора семинаріи къ 7-му августа сего года съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ семинарское общежитіе, должны яспросить на это разрѣшенія у инспектора семинаріи и внести 35 рублей впередъ за первую треть года. Кромѣ того они обязаны имѣть постельныя принадлежности такого точно вида, какой установленъ для казеннокоштныхъ учениковъ, или внести эконому 15 рублей на приобрѣтеніе ихъ, въ противномъ случаѣ не будутъ приняты въ общежитіе.

5) Всѣ воспитанники семинаріи обязаны имѣть къ 1-му октября сего года форменную одежду: одну суконную пару, одну лѣтнюю парусинную пару и суконную фуражку. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 руб., лѣтняя въ 6 руб. 50 к., фуражка въ 1 руб. 25 к.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

Ж У Р Н А Л Ъ

Правленія Сумскаго Духовнаго училища о введеніи однообразныхъ постельныхъ приборовъ для всѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ, помѣщающихся въ зданіи Сумскаго Духовнаго училища. Утвержденъ резолюціею Его
 . Высокопреосвященства 14 Апрѣля сего 1891 года.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища въ засѣданіи 8 Апрѣля сего 1891 года слушали записку смотрителя училища, отъ 30 минувшаго Марта, слѣдующаго содержанія: «въ видахъ устраненія крайняго нерадѣнія и безпечности нѣкоторыхъ родителей своекоштныхъ воспитанниковъ училища, въ отношеніи снабженія постельныхъ домашнимъ спальнымъ бѣльемъ и постельными приборами, доставляемыми въ училище въ очень ограниченномъ количествѣ и въ крайне разнообразномъ видѣ, нерѣдко ветхомъ, до конца изношенномъ и совершенно негодномъ къ употребленію, равно въ видахъ установленія полнаго однообразія въ постельныхъ приборахъ и соблюденія должной чистоты въ спальномъ бѣльѣ и въ постельныхъ принадлежностяхъ учениковъ, я полагаю-бы необходимымъ, по указанію долговременнаго опыта, въ

замѣнъ напрасной траты времени въ побужденіи несправныхъ родителей къ обезпеченію своихъ дѣтей указанными имъ и обязательными для каждаго воспитанника однообразными постельными приборами, предложить правленію училища принять съ будущаго учебнаго года на собственное попеченіе снабженіе всѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ, за счетъ ихъ родителей, упомянутыми спальными приборами на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Всѣ наличные постельные приборы своекоштныхъ учениковъ замѣнить съ 1 Августа сего 1891 года новыми, имѣющими быть заготовленными къ этому сроку правленіемъ училища по образцамъ, однообразнымъ по виду и качеству съ приборами казеннокоштныхъ учениковъ и полныхъ пансіонеровъ училища, а состоящія нынѣ въ распоряженіи своекоштныхъ учениковъ постельныя принадлежности возвратитъ ихъ отцамъ при отпускѣ учениковъ на каникулярное время;

2. Потребное количество новыхъ постельныхъ приборовъ, по числу состоящихъ въ училищѣ пансіонеровъ, заготовитъ на счетъ сихъ послѣднихъ: для чего въ Августѣ мѣсяцѣ текущаго года выскать едновременно съ каждаго ученика по 10 р. и деньги эти употребитъ на слѣдующіе необходимые для каждаго ученика постельные приборы по слѣдующей разцѣнкѣ: а) на тиковый, пеньковый пзъ чистой битою мочалы мотрасъ 2р. 25 к., б) подушку изъ оленьей шерсти, вѣсомъ 2 ф., съ наволочкой пеньковаго тикку (полагая за 2 ф. шерсти 80 коп., 2 ар. тикку 50 коп. и за пошитыя наволочки и заготовленіе подушки 10 к.) 1 руб. 40 коп., в) зимнее, шерстяное одѣяло (однообразное по качеству матеріала и виду съ одѣялами казеннокоштныхъ учениковъ) 2 р. 75 к., г) три простыни льнянаго холста, полагая на каждую по 2¹/₂ ар. или на три простыни 7¹/₂ арш (по 30 коп. арш.) и за пошитыя 15 к. всего 2 р. 40 коп., д) три наволочки для подушки, бѣлаго лучшаго каленкору, полагая по 2 арш. на каждую или на три наволочки 6 арш. (по 15 к.) и за пошитыя 30 к., всего 1 р. 20 к. А всего на полный постельный приборъ 10 рублей.

3. Предположенный съ 1 августа сего года взносъ на постельныя принадлежности своекоштныхъ учениковъ считать единовременнымъ и окончательнымъ взносомъ для каждаго воспитанника на все время обученія его въ заведеніи; на будущее же время (съ 1 августа 1891 года) потому же единовременному взносу и при томъ же условіи должны подлежать только ученики пансіонеры, вновь поступающіе въ училище.

4. Имѣющая поступить съ послѣднимъ единовременная плата въ будущемъ 1892 г. должна быть обращена сполна на приобрѣтеніе новыхъ марселевыхъ одѣялъ для всѣхъ своекоштныхъ учениковъ, по цѣнѣ не дороже 2 р. 50 к. за штуку, а во всѣ послѣдующіе годы плата эта должна поступать на восполненіе постельныхъ принадлежностей, въ замѣнъ обветшалыхъ, и вообще на возобновленіе постельныхъ приборовъ, не исключая и покраски находящихся въ пользованіи учениковъ казенныхъ желѣзныхъ кроватей.

5. Срокъ для пользованія вышеозначенными постельными приборами до замѣны ихъ новыми назначить трехлѣтній; но правленіе училища, удостовѣряясь каждый разъ, при ежегодномъ и полугодиномъ обзорѣніи и освидѣтельствованіи училищнаго имущества въ пригодности или непригодности къ употребленію отдѣльныхъ спальныхъ принадлежностей, можетъ увеличить или сократить, по указанію нужды, упомянутый срокъ пользованія оными, дѣлая каждый разъ соотвѣтствующее о томъ распоряженіе по журнальнымъ постановленіямъ, представляемымъ на утвержденіе епархіальной власти.

6. Всѣмъ постельнымъ приборамъ, надлежаще перенумерованнымъ и засвидѣтельствованнымъ печатью Сумскаго духовнаго училища, должна быть ведена опись, подлежащая провѣркѣ правленія училища и ревизіоннаго комитета на общемъ основаніи о храненіи казеннаго имущества.

Примѣчаніе. Упомянутые въ п. 2 постельные приборы выдаются ученикамъ за нумераціею, пазначенною для каждаго изъ нихъ, по мѣсту и № занимаемой имъ кровати.

Предлагая вышеизложенныя условія какъ необходимыя, по моему мнѣнію, мѣры къ упорядоченію спального, дѣтскаго бѣлья и постельныхъ приборовъ, на обсужденіе и заключеніе училищнаго правленія: я полагаю, что онѣ не будутъ стѣснительны для родителей училищныхъ воспитанниковъ, какого-бы состоянія они ни были, такъ какъ, по расчету 5—6 лѣтняго курса обученія воспитанника въ заведеніи, на постельные приборы требуется въ дѣйствительности не болѣе 2 р. въ годъ для каждаго воспитанника.

По обсужденіи вышеизложеннаго предложенія г. смотрителя училища—

Постановили: принимая во вниманіе, что введеніе однообразныхъ постельныхъ приборовъ для всѣхъ воспитанниковъ училищнаго общежитія есть мѣра крайне необходимая къ соблюденію надлежащей чистоты и благообразія въ спальныхъ ученическихъ

помѣщеніяхъ, равно въ практическомъ осуществленіи мѣра удобоисполнимая и нестѣснительная для родителей воспитанниковъ: принять предложеніе г. смотрителя во всѣхъ его частяхъ къ обязательному исполненію для всѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ училища съ 1 Августа сего 1891 года, о чемъ дать знать своевременно родителямъ воспитанниковъ къ надлежащему съ ихъ стороны выполненію. Вмѣстѣ съ симъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о заготовленіи въ теченіи предстоящихъ лѣтнихъ каникулъ потребнаго количества постельныхъ приборовъ, по числу своекоштныхъ воспитанниковъ училища, за счетъ ихъ родителей, и на условіяхъ, подробно изъясненныхъ въ предложеніи г. смотрителя училища о способѣ заготовленія, порядкѣ выдачи и храненія, равно срокѣ пользованія постельными приборами. Но предварительно представить о семъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства и всепокорнѣйше просить Его Высокопреосвященство разрѣшить училищному правленію настоящій журналъ, по утвержденію онаго, если таковое послѣдуетъ, напечатать въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» для свѣдѣнія и исполненія духовенства Сумскаго училищнаго округа. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 14 Апрѣля сего 1891 года за № 544 послѣдовала слѣдующая: «Апрѣля 14 Утверждается».

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества въ теченіи апрѣля мѣсяца поступило: сбора въ недѣлю православія: чрезъ благоч.: 1 Сумск. окр. 109 р. 50 к., 2 Богодуховск. окр. 45 р., 1 Валковск. окр. 39 р. 63 к., 2 Харьковск. окр. 30 р. 24 к., настоятеля Высочиновскаго монастыря 2 р., 5 Старобѣльск. окр. 42 р. 32 к., 4 Изюмск. окр. 18 р. 40 к., 1 Изюмск. окр. 41 р., 1 Старобѣльск. окр. 50 р., 4 Старобѣльск. окр. 139 р., игумена Святогорской пустыни 16 р., 1 Лебединск. окр. 33 р. 14 к., 1 Зміевск. окр. 90 р. 50 к., 3 Лебединск. окр. 55 р. 14 к., Харьковскихъ градскихъ церквей 290 р. 23 к., благочин. Харьковскихъ градскихъ церквей предст. круж. сбор. 37 р. 4 к., собрано свящ. г. Харькова отъ разныхъ лицъ 131 р. 25 к., членскихъ взносов по 3 р.: отъ прот.: Іоанна Чижевскаго, Аполлона Ильешева, Павла Тимоеева, Гаврііла Федоровскаго, Іоанна Федорова, Василя Ле-

вандовскаго, Андрея Щелкунова, Николая Федорова, Александра Федоровскаго, Николая Лащенкова, Стефана Петровскаго, Павла Солнцева, свящ.: Василя Попова, Николая Гутникова, Петра Мигуляна, Василя Проскурникова, Андрея Балановскаго, Василя Лихницкаго, Михаила Румянцева, Николая Соколовскаго, Петра Полтавцева, Николая Сокольскаго, Андрея Рудинскаго, Николая Мощенкова, Георгія Чеботарева, Григорія Томашевскаго, Павла Тимоеева, Василя Добровольскаго, Павла Григоровича, Василя Ветухова, Панкратія Иванова, Василя Куницына, Андрея Дмитриева, Михаила Клячнаго, Иоанна Горавна, Василя Марченкова, Аонасія Толмачева, Иоанна Левитскаго и Андрея Григоренкова; церковныхъ старостъ г. Харькова: Никиты Бузника, Евсевія Крохмалева, Федора Ширяева, Леонтія Попова, Ивана Величенко, Ивана Коваленко, Георгія Шимапскаго, Алексѣя Ольховскаго, Антона Бѣлошенко, Никяфора Иванова, Василя Пономарева, Лаврентія Соколова, Константина Захарьева, Сергѣя Фастова, Михаила Колесниченко, Василя Золотарева, Алексѣя Лысенко и Евсевія Дубовика;—отъ Петра Сѣраго, Ивана Данилова, Дмитрія Рябова, Петра Киримова, Прокофія Товарева, Иларіона Муравьева 6 р. за 1890 и 1891 годы; Алексѣя Мурзина, Александра Куликовскаго; Ивана Шафоростова, Николая Средипскаго, Александра Иларіонова, Алексѣя Величенко, Николая Моисеенко, Николая Евдокимова, Ивана Палкова, Маріи Палковой, Стефаниды Вѣнцковской, Никиты Профатилова, Александра Тимоеева, Василя Тутаева, Анны Тутаевой, Федора Енуровскаго, Елены Енуровской, Алексѣя Простова, Николая Стрѣляннаго, Надежды Алексѣенко, Николая Шевцова, Павлы Гурьевой, Григорія Енуровскаго, Даріи Оболенской, Федора Лезель, Николая Львова, Дмитрія Рынина Августа Шандори и Михаила Высоцкаго. Всего въ апрѣлѣ поступило 1452 р. 39 к.

ПРОГРАММА

занятій съѣзда духовенства Еупьянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 3-го іюня сего 1891 г., утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 22 апрѣля 1891 года.

1. Рассмотрѣніе журналовъ предыдущаго съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ.

2. Рассмотрѣніе суммъ прихода суммъ и расхода по содержанію

училища въ 1892 г. и дополнительной смѣты расхода на текущій 1891 годъ.

3. Разсмотрѣніе вѣдѣнокъ вѣдомостей за прошедшій 1890 г.

4. Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, за 1890 годъ, а также журналовъ ревизіоннаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.

5. Избраніе членовъ ревизіоннаго комитета на будущій 1892 г.

6. Избраніе члена правленія отъ духовенства въ виду окончанія трехлѣтней службы въ этой должности священника Θεодосія Навродскаго.

7. Сужденіе о введеніи въ училищѣ правильнаго обученія садоводству и огородничеству по поводу отношенія учебнаго комитета при св. синодѣ по сему предмету.

8. Сужденіе объ увеличеніи числа вакансій полнокѣстныхъ учениковъ на 5 и полукѣстныхъ на 10, въ виду недостаточности числа существующихъ вакансій.

9. Сужденіе объ ассигнованіи 150 руб. на постройку одежды и обуви для бѣдныхъ учениковъ, не состоящихъ на полнокѣстномъ содержаніи за неимѣніемъ свободныхъ вакансій.

10. Разсмотрѣніе прошеній нѣкоторыхъ родителей объ освобожденіи ихъ отъ взноса за спальные принадлежности и за содержаніе дѣтей въ общежитіи.

Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую духовную Академію.

Отъ Совѣта Кіевской духовной Академіи объявляется:

1) Съ 16 августа сего 1891 г. въ Кіевской духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть пріемъ воспитанниковъ.

2) Желаящіе поступать въ Академію подвергаются повѣрочному испытанію изъ догматическаго богословія (или православнаго христіанскаго катихизиса—для окончившихъ курсъ въ гимназіи), общей церковной исторіи, логики и по двумъ древнимъ языкамъ—греческому и латинскому; кромѣ того должны написать три сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна—богословскаго содержанія, другая—философскаго и третья—литературнаго.

3) Испытаніе будетъ производимо въ предѣлахъ семинарскаго или гимназическаго курса, сообразно съ тѣмъ, принадлежитъ ли испытуемый къ воспитанникамъ семинаріи или гимназіи.

4) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для 1 курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 26 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 4-ре вакансіи предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень.

5) Порядокъ и условія пріема воспитанниковъ въ Академію опредѣлены въ особыхъ правилахъ, изъ коихъ для свѣдѣнія приводятся слѣдующіе §§:

§ 1. Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи или полный (съ двумя древними языками) классической гимназіи.—Женатыя лица въ число студентовъ не принимаются.

§ 3. Просьбы о пріемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами на имя ректора Академіи до 15-го августа. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть при себѣ билетъ на проѣздъ въ г. Кіевъ.

§ 4. Къ прошенію о пріемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участію по отбывавію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію, если онъ—не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны, сверхъ того, представить свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія правленія также до 15 августа высылаютъ документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную къ 14 августа.

§ 5. Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

§ 6. Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному прошенію, подвергаются повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія (§ 111).

§ 7. Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по

назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—казеннокоштными студентами съ подпискою прослужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству согласно 160 и 161 §§ уст. дух. Акад., а остальные—своекоштными (§ 112), число конхъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій, со взносомъ 210 р. въ годъ, или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи (§ 150 и 151).

Отъ Хорошевскаго Духовнаго Пріюта дѣтей.

Госпожа Игуменья Хорошевскаго Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря симъ честь имѣетъ извѣстить родителей и родственниковъ обучающихся въ Духовномъ пріютѣ дѣтей, что роспускъ на предстоящія лѣтнія каникулы будетъ 5-го числа мѣсяца Іюня.

Епархіальныя извѣщенія.

Землевладѣлецъ Лебединскаго уѣзда дворянинъ Николай Евграфовичъ *Щекинъ-Кротовъ* утвержденъ предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства Павленковской Георгіевской церкви, Лебединскаго у.

— Настоятель Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря игуменъ *Гавриилъ* волею Божію умеръ.

— 22 апрѣля, священникъ Покровской церкви слоб. Глазуновки, Зміевского уѣзда, Андрей Николаевичъ, согласно прошенію его, перемѣщенъ къ Покровской церкви слоб. Анисовки, Изюмскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности законоучителей народныхъ училищъ, Старобѣльскаго уѣзда,—Демьяновскаго священникъ Митрофаніевской церкви, слоб. Демьяновки Михаилъ *Инноковъ*, Бѣловодскаго женскаго священникъ Троицкой церкви, слоб. Бѣловодска Леонидъ *Пономаревъ*, в Даниловскаго священникъ Архангело-Михайловской церкви, слободы Даниловки Григорій *Кузнецовъ*.

— 16 апрѣля священникъ села Колупаевки, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Крыжановскій* награжденъ набодренникомъ за ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей.

— Діаконъ Вознесенской церкви города Лебедина Теодоръ *Кремтовскій* волею Божіею умеръ.

— Діаконъ Троицкой церкви гор. Лебедина Сусеонъ *Григоровичъ* перемѣщенъ, по прошенію, къ Вознесенской церкви гор. Лебедина на діаконскую вакансію.

— 6 апрѣля діаконъ Алексѣй *Левандовскій* перемѣщенъ изъ Николаевки, Купянскаго уѣзда, въ г. Купянскъ къ Николаевской церкви.

— 6 апрѣля безмѣстный діаконъ Іоаннъ *Булдовскій* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ Александро-Невской церкви слоб. Тополей, Купянскаго уѣзда.

— 18 апрѣля безмѣстный діаконъ Константинъ *Аристовъ* допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Мѣловатской церкви, Купянскаго уѣзда.

— 16 апрѣля учитель Островерховскаго начального народнаго училища Ивацъ *Вербичкій* опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ Троицкой церкви з. г. Славянска, Изюмскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковн. старост. къ церквамъ: Николаевской ц. слоб. Ямполя, Изюмскаго у. крест. Стефанъ *Гайворонскій*; Троицкой ц. г. Сумъ мѣщан. Тимошей *Ульзченко*; Вознесенской ц. села Бобрюка, Сумскаго у. крест. Николай *Барановъ*; Крестовоздвиженской ц. слоб. Боромли Ахтырскаго у. крест. Петръ *Довженко*; Воскресенской ц. слоб. Ольшаной, Харьковскаго у. крест. Павелъ *Дудникъ*.

— Уволенъ, согласно прошенію, отъ должн. церковн. старосты Арханг.-Михал. ц. с. Малаго Истороба, Лебединаскаго у. крест. Яковъ *Горошко*.

Вакантныя мѣста:

Священническія: при Покровской церкви села Глазуновки, Зміевского уѣзда; Георгіевской ц. г. Лебедина.

— Діаконскія: при Троицкой ц. сл. Охочей, Зміевского уѣзда; Георгіевской ц. сл. Николаевки, Купянскаго у.; Троицкой ц. г. Лебедина.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Покушеніе на жизнь Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА въ Японіи.—Погребеніе тѣла въ Бозѣ Почившаго Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА Старшаго.—Прибытіе Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА въ Москву.—Французская выставка въ Москвѣ.—Какъ поднять уровень монастырей?—Присоединеніе къ православной церкви старообрядческаго инока.—Антіохійскій патріархатъ.—Православіе въ Америкѣ.—Англиканская церковь.—Церковныя школы между горами Кавказа.—Новый способъ обученія грамотѣ.—Общества трезвости.—Экспедиція въ Абиссинію.—Благотворительность вудца И. Н. Носова.—Лѣченіе отъ запоя стрихниномъ.—Некрологъ.—Третій тиражъ выигранныхъ билетовъ дворянскаго банка, произведенный въ Петербургѣ 1 мая 1891 г.

29 апрѣля, во время проѣзда Наслѣдника Цесаревича черезъ городъ Отсу въ Японіи, Его Императорское Высочество былъ раненъ въ голову саблей полицейскимъ нижнимъ чиномъ. Злоумышленникъ хотѣлъ броситься вторично на Великаго Князя, но былъ сбитъ съ ногъ ударомъ палки принца Георга Греческаго. Благодаря Бога рана Цесаревича легкая и опасности нѣтъ. Присланная лично Его Императорскимъ Высочествомъ телеграмма свидѣтельствуемъ о хорошемъ состояніи Его здоровья. Цесаревичъ не слегъ и предполагаетъ продолжать путешествіе безъ измѣненія маршрута.

По официальнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Японіи выясняется, что злоумышленникъ, посягнувшій на жизнь Наслѣдника Цесаревича—мѣстный уроженецъ по имени Туда, служащій 8 лѣтъ въ полиціи. При проѣздѣ Цесаревича со свитой въ ручныхъ коляскахъ черезъ Отсу, на Его Высочество бросился стоящій тутъ полицейскій Туда и ударилъ Наслѣдника саблей по головѣ, не смотря на ударъ палкой, нанесенный принцемъ Георгомъ Греческимъ злоумышленнику, послѣдній кинулся вторично на Цесаревича, но былъ отброшенъ японцемъ, который везъ коляску Наслѣдника; въ это время другому возницѣ удалось выхватить у упавшаго злоумышленника саблю и нанести ему тяжелую рану. По послѣднимъ извѣстіямъ рана Цесаревича уже зажила.

Займствуемъ изъ «Нов. Вр.» свѣдѣнія о городѣ Отсу, гдѣ было совершено покушеніе на драгоценную жизнь Его Высочества Наслѣдника Цесаревича.

Городъ Отсу, правильнѣе Отцу, гдѣ произведено покушеніе на жизнь Государя Наслѣдника Цесаревича, находится на о. Нипонѣ, въ провинціи Оми; это главный городъ округа Сига и сильная крѣпость; Отцу расположенъ на берегу большаго и чрезвычайно

живописнаго озера Бива, въ 12—15 верстахъ отъ Кіото, прежней (до 1868 г.) столицы Японіи, въ 600 верстахъ отъ нынѣшней столицы Токио (Едо), въ 40 верстахъ отъ Кобе, гдѣ остался фрегатъ «Память Азова» и въ 60 верстахъ отъ Осаки (японская Венеція). Осака, Кобе и Кіото соединены желѣзной дорогой. Отсу также находится на желѣзнодорожномъ пути и, благодаря своимъ пароходамъ, почти монополизовавъ торговлю озера Бива. Почти сорока тысячное населеніе Отсу мало знакомо еще съ европейцами; новыя реформы начинающаго жить на европескій ладъ государства почти не коснулись пока этого города. Быть населенія мало измѣнился и въ Отсу даже нѣтъ гостинницы, которыя уже существуютъ во всѣхъ большихъ городахъ Японіи. Иностранцы, посѣщающіе очень рѣдко Отсу, если и попадаютъ туда, то единственно для того, чтобы полюбоваться живописными окрестностями города и посѣтить въ окрестностяхъ города древніе храмы Иза-Яма (104 метра высоты) и Мидеразанъ (115 метровъ выш.) Храмы эти съ монастырями и монахами; Мидеразанъ—одинъ изъ самыхъ значительныхъ буддистскихъ храмовъ въ Японіи. Буддисты раздѣлены на много сектъ. Правительство старается уменьшить число этихъ монастырей, обладающихъ вліяніемъ на народъ; въ Мидеразанѣ 300 бонзъ и къ нему стекается масса богомольцевъ. Разумѣется тутъ много мѣста фанатизму и враждѣ противъ европейцевъ. Преступникъ былъ тотчасъ же схваченъ окружившими его полицейскими и едва не былъ убитъ народомъ. Тотчасъ же по полученіи извѣстія объ этомъ преступленіи, выѣхалъ въ Кіото принцъ крови съ придворными докторами, а затѣмъ выѣхалъ въ Кіото и самъ императоръ изъ Токио.

— Въ пятницу, 26-го апрѣля, совершилось погребеніе тѣла въ Возѣ Почившаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Къ 10 часовъ утра стали съѣзжаться въ Петропавловскій соборъ высшее и придворное духовенство, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, гофмейстерины, фрейлины,—всѣ въ черныхъ платьяхъ и глубокомъ траурѣ, члены Государственнаго Совѣта, Министры, сенаторы, первые и вторые чины Двора, статсъ-секретари, почетные опекуны, церемоніймейстеры, камергеры, камеръ-юнкеры, чины первыхъ четырехъ классовъ,—всѣ въ обыкновенной формѣ, въ лентахъ и глубокомъ траурѣ, генераль- адъютанты и лица Императорской Свиты, лица состоящія при Великихъ Князьяхъ и адъютанты Ихъ Высочествъ, генералы и адмиралы, штабъ-и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота,—всѣ военные въ парадной формѣ и глубокомъ

траурѣ; прибыли въ соборъ также лица, находящіяся въ свитѣ иностранныхъ Принцевъ, депутаціи: германскія, австрійская, сербская и румынская, германская и австрійская депутаціи отъ кавалерійскихъ полковъ, въ которыхъ Почившій Великій Князь былъ Шефомъ, особы дипломатическаго корпуса с.-петербургскій губернскій и уѣздный предводители дворянства и депутаціи отъ обществъ и учреждений, въ которыхъ Почившій Великій Князь принималъ участіе.

За соборомъ въ это время выстроился въ Петропавловской крѣпости отрядъ войскъ, назначенный для отдавія послѣдней почести; на площади противъ собора сталъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка со штандартомъ, а на валгангахъ крѣпости заняли мѣста: пѣхота, николаевское инженерное училище, два батальона лейбъ-гвардіи преображенскаго и два батальона лейбъ-гвардіи семеновскаго полковъ, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ и рота Его Высочества отъ лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона; внѣ крѣпости, на площади у Троицкаго собора, стала артиллерія, снявшіе съ передковъ и протянувъ линію своихъ орудій фронтомъ къ Невѣ; здѣсь находились вторыя батареи 1-ой и 2-ой гвардейскихъ бригадъ пѣшей артиллеріи и лейбъ-гвардіи 1-я Его Величества батарея гвардейской конноартиллерійской бригады, Войска были въ парадной формѣ, въ глубокомъ траурѣ; знамена и штандартъ покрыты лентами чернаго крепа, трубы и барабаны обтянуты чернымъ сукномъ. Всѣми войсками командовалъ начальникъ 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ князь Оболенскій.

Въ 10 часовъ на богослуженіе въ соборъ прибыли: Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императорица съ Августѣйшею Дочерью Великою Княжною Ксенією Александровною, Его Высочество Князь Николай Черногорскій и другія Высочайшія Особы. Августѣйшихъ Особъ встрѣтилъ во вратахъ собора высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ съ архіепископами и придворнымъ духовенствомъ.

Божественную литургію совершалъ высокопреосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Исидоръ, въ сослуженіи съ протопресвитерами Янышевымъ и Желобовскимъ и придворными протоіереями. Пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ.

На послѣдовавшее затѣмъ отпѣваніе вышли: высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ и члены Святѣйшаго Синода: высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій

Платонъ, архіепископы холмскій и варшавскій—Леонтій, одесскій и херсонскій—Сергій, харьковскій и ахтырскій—Амвросій, съ протопресвитерами и прочимъ духовенствомъ.

Когда окончилось отпѣваніе и протодіаконъ возгласилъ вѣчную память, съ Почившимъ Великимъ Княземъ простилось духовенство, а затѣмъ стали прощаться Особы Императорской Фамиліи; послѣ того состояніе при Почившемъ Августѣйшемъ Генераль-Фельдмаршалѣ адюютанты принесли крышку гроба и накрыли гробъ. Государь Императоръ, Князь Червогорскій, всѣ Великіе Князья подняли гробъ и понесли его къ могилѣ, находящейся на правой сторонѣ собора, у второго окна. По сторонамъ шли безъ оружія унтеръ-офицеры роты дворцовыхъ гренадеръ и фельдфебели полковъ. Хоръ пѣвчихъ и высшее духовенство шло впереди и окружило могилу, пѣвчіе пѣли «Христосъ Воскресе»; у могилы совершена послѣдняя литія и еще разъ возгласена вѣчная память. Въ 12 ч. 50 мин. дня дворцовыя гренадеры и восемь заслуженныхъ фельдфебелей и старшихъ вахмистровъ, украшенныхъ знаками отличія Военнаго Ордена и назначенныхъ отъ полковъ, въ которыхъ Почившій Генераль-Фельдмаршалъ числился или былъ Шефомъ, опустили гробъ въ могилу. Внутри могила была усыпана цвѣтами. Когда опускали гробъ, по знаку коменданта крѣпости, загремѣлъ съ ея верховъ послѣдній прощальный салютъ въ 21 выстрѣлъ. Сверхъ того, отрядъ войскъ и крѣпостная артиллерія сдѣлали по три залпа; пѣхота стрѣляла по-батальонно, артиллерія давала батарейные залпы.

Особы Императорской Фамиліи отбыли изъ собора. Послѣднее дежурство при гробѣ Великаго Князя оставалось еще у могилы до ея окончательнаго задѣланія.

Изъ Петропавловскаго собора Ихъ Величество Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великою Княжною Ксенією Александровною отбыли на станцію варшавской желѣзной дороги и затѣмъ въ Гатчину.

— 5-го Мая съ экстреннымъ поѣздомъ прибылъ въ Москву Московскій генераль-губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ съ Супругою, при торжественной встрѣчѣ всѣми властями и предствителями сословныхъ и общественныхъ учреждений. На вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги Ихъ Высочествамъ городской голова поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и привѣтствовалъ Великокняжескую Четву слѣдующими словами: «Добро пожаловать, Великій Князь съ Великою Княгиною! Съ радостію и лю-

бовію встрѣчаемъ мы Тебя. Храни, Великій Князь, завѣты старины и полюби первопрестольную Москву такъ искренно, такъ горячо, какъ любимъ мы и нашего Царя, в нашу родину». Помолвившись въ Иверской часовнѣ и Успенскомъ соборѣ, Ихъ Высочества изъ этого собора прослѣдовали при колокольномъ звонѣ въ предшествіи хора пѣвчихъ и высшаго духовенства съ митрополитомъ во главѣ въ Чудовъ монастырь. Приложившись ко святымъ мощамъ, Ихъ Высочества прошли внутреннимъ ходомъ въ Николаевскій дворецъ. На площади предъ дворцомъ народъ восторженно привѣтствовалъ Ихъ Высочества и долго не расходился. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ.

— 29-го апрѣля, состоялось торжественное открытіе французской выставки въ Москвѣ. Съ часу дня, въ «почетномъ» павильонѣ начали собираться приглашенные на торжество лица. Фасадъ главнаго входа на выставку былъ украшенъ массою русскихъ и французскихъ флаговъ. Передъ входами въ боковыя галлерей почетнаго павильона устроены шатры, обтянутые ситцевой матеріей съ кистями. Внутри главный павильонъ, наполненный витринами съ бронзовыми, хрустальными и др. издѣліями, богато былъ убранъ флагами и гербами французскихъ городовъ и щитами съ инициалами R. F. Въ концѣ павильона, передъ входомъ во внутренній садъ, сдѣлано было возвышеніе для иконъ и особый помостъ для почетныхъ гостей. Въ два часа дня передъ началомъ молебствія преосвященный Виссаріонъ, епископъ Дмитровскій, произнесъ слово по поводу настоящаго торжества. Затѣмъ преосвященнымъ, въ сослуженіи высшаго столичнаго духовенства, совершено было молебствіе, при пѣніи Чудовскаго хора. Послѣ молебствія администрація выставки представлялась исполняющему обязанности московскаго генераль-губернатора А. С. Костанда. Затѣмъ вице-президентъ выставки, сенаторъ Дицъ-Монэнъ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, обращенную къ А. С. Костанда. Приводимъ ее въ переводѣ «Рус. Вѣд.».

«Ваше высокопревосходительство, милостивыя государыни и милостивые государи. Отъ имени главнаго комитета и отъ имени Франціи, добровольными представителями которой мы являемся, мы имѣемъ честь сердечно привѣтствовать на порогѣ нашей выставки ваше высокопревосходительство и обрुжающее васъ блестящее собраніе. Когда Его Величество Государь Императоръ со- благоволилъ особымъ указомъ гостепріимно предоставить намъ помѣщеніе выставки на Ходынскомъ полѣ, мы приняли на себя не

только долгъ глубокой благодарности передъ вашимъ Милостивымъ Монархомъ, но и непремѣнную обязанность оказаться достойными этой великой милости. Вотъ почему, полагаясь на сочувствіе, драгоценнымъ доказательствомъ котораго она служила, мы бодро принялись за дѣло и безъ правительственной субсидіи, безъ оффиціальной поддержки, обратились къ нашимъ художникамъ, къ ученымъ, промышленникамъ и сельскимъ хозяевамъ, къ печати и ко всѣмъ производительнымъ силамъ нашей страны. Повсюду мы встрѣтили патріотическое и безкорыстное содѣйствіе нашему предпріятію, исходящему отъ частной инициативы, и нашъ высокоуважаемый президентъ Карно, которому Его Величество Государь Императоръ соизволилъ пожаловать недавно орденъ св. Андрея Первозваннаго, первый записался въ число нашихъ эксponentsъ. Великой націи, которая не отвернулась отъ Франціи на другой день послѣ нашихъ несчастій,—этимъ отдаленнымъ друзьямъ, которые мало еще знаютъ насъ, мы хотимъ показать всѣ плоды прогресса, достигнутаго настойчивой и разумной дѣятельностью въ области художества, науки и промышленности. Являясь въ Москву, мы нарядились въ наши праздничныя одежды, чтобы, если возможно, оправдать передъ вашимъ отечествомъ великую славу, связанную съ нашей всемірной выставкой 1889 г. Позвольте намъ, ваше высокопревосходительство, замѣтить, что преслѣдуемое нами предпріятіе не имѣетъ спекулятивнаго характера въ меркантильномъ смыслѣ этого слова, но является прежде всего дѣломъ сердечныхъ и миролюбивыхъ стремленій; лучшая награда для нашей Франціи будетъ заключаться въ томъ, чтобы Россія такъ же полюбила и уважала насъ, какъ мы любимъ и уважаемъ ее. Мы будемъ благодарны, ваше высокопревосходительство, если вы соизволите подъ сѣнью двухъ національныхъ флаговъ, вмѣстѣ развѣвающихся на куполѣ нашихъ павильоновъ, объявить выставку открытой и примите вмѣстѣ съ блестящимъ собраніемъ окружающихъ васъ выраженіе нашей глубочайшей благодарности за честь, которую вы оказали своимъ присутствіемъ нынѣшнему торжеству». Въ отвѣтъ на это исполняющій обязанности московскаго генералъ-губернатора А. С. Костанда обратится къ г. Дюцъ-Монэнъ съ слѣдующею рѣчью на французскомъ языкѣ, которую приводимъ въ русскомъ переводѣ. «Господинъ президентъ! Девять лѣтъ тому назадъ въ этомъ самомъ зданіи устроена была національная выставка, цѣль которой состояла въ томъ, чтобы ознакомить продавца и покупателя съ послѣдними образками промышленности и искус-

ства. Сегодня промышленная и художественная Франція выставляетъ намъ много прекрасныхъ произведеній своего плодотворнаго и неутомимаго генія. Энергичная частная инициатива, которая стояла во главѣ исполненія этого дѣла, заслуживаетъ самаго горячаго приѣма со стороны всѣхъ тѣхъ, кто умѣетъ по достоинству цѣнить полезный и производительный трудъ. Сердце Россіи, Москва, высказываетъ наилучшія пожеланія блестящаго успѣха этому великому предпріятію. Ваши любезныя слова, господинъ президентъ главнаго комитета, вызвали искреннія симпатіи наши и съ этими чувствами, несомнѣнно раздѣляемыми всѣми присутствующими, я имѣю честь объявить открытою французскую выставку въ Москвѣ, разрѣшенную Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ».

Послѣ этой рѣчи начался осмотръ выставки. Въ 3^{1/2} ч. дня въ французскомъ ресторанѣ Ансара приглашеннымъ лицамъ былъ предложенъ чай. Назначенный вечеромъ банкетъ въ томъ-же ресторанѣ не состоялся и отложенъ до другаго времени. Съ 5-ти часовъ вечера открытъ былъ доступъ на выставку по платнымъ билетамъ. Въ первый день была масса посѣтителей. Пока готовы только отдѣлы: художественный, книжный, типографскій и литографскій, отдѣлъ драгоцѣнныхъ вещей, мебели, платьевъ и тканей. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ выставлено уже не мало изящныхъ предметовъ. Въ 8^{1/2} часовъ вечера, въ концертномъ театрѣ Омона данъ былъ первый спектакль, въ трехъ отдѣленіяхъ. Труппа въ этомъ театрѣ будетъ обновляться черезъ каждые 15 дней.

— Въ настоящее время въ монастыряхъ находятъ себѣ приютъ сплошь и рядомъ люди недостойные: сюда стремятся молодые люди, неокончившіе полнаго курса семинаріи, съ цѣлію заручиться хорошою рекомендаціею монастырскаго начальства, чтобы получить мѣсто въ клирѣ той или другой церкви въ епархіи; здѣсь находятъ себѣ пристанище съ тою же цѣлію окончившіе курсъ въ училищѣ, но не поступившіе въ семинарію, а также и не окончившіе курса въ училищѣ; а еще хуже, что въ монастыри стремятся люди, не нашедшіе себѣ мѣста среди мірянъ, что называется—отребіе міра, либо люди, неужившіеся въ другихъ монастыряхъ, вслѣдствіе строптивости своего характера, дурнаго поведения или лѣнности и тунеядства. Изъ такого состава лицъ и приходится монастырскому начальству выбирать себѣ будущихъ сожителей и проводить съ ними монастырскую жизнь. Поэтому строго осуждать монастыри нельзя. Чтобы поднять уровень монасты-

рей и улучшить монастырскую жизнь, для этого нужно отыскать надежное средство, съ помощію котораго можно было бы готовить достойныхъ лицъ,—священномонашествующихъ и монашествующихъ.

По нашему крайнему разумѣнію, составленному на основаніи 9-лѣтняго опыта монастырской жизни, упадокъ духовно-нравственной жизни монашествующихъ и послушниковъ, и недостатковъ въ монастыряхъ священнодѣйствующихъ, происходятъ отъ лишенія монастырей тѣхъ правъ, коими они пользовались до изданія закона о воинской повинности. При сельскихъ и городскихъ церквяхъ установлены штаты, по которымъ членъ клира—молодой псаломщикъ, подлежащій воинской повинности, освобождается отъ нея, между тѣмъ монастыри, прежде тоже имѣвшіе свои штаты для послушниковъ, не освобождены отъ такой повинности. Поэтому всѣ молодые люди, искренно стремящіеся къ монастырской жизни, должны сначала отбыть военную службу, откуда уже рѣдко возвращаются съ прежнимъ настроеніемъ духа. Монастыри, лишившись такимъ образомъ права содержать по штату молодыхъ людей, намѣреющихся со временемъ поступить въ монашество, и не могутъ воспитать для себя контингента насельниковъ съ требуемымъ совершенствомъ, а потому имъ долго еще придется выслушивать упрекъ и обвиненіе со стороны ревнителей истиннаго благочестія, недовольныхъ современнымъ состояніемъ монастырей. Если бы представилась возможность монастырямъ получить право на освобожденіе отъ исполненія воинской повинности штатныхъ послушниковъ, которыхъ по штату 2 класса монастырей полагается 5 человѣкъ, а 3 класса и того меньше; то можно было бы ожидать большаго и, главное, въ качественномъ отношеніи лучшаго прилива въ монастыри молодыхъ людей, искренно желающихъ монастырской жизни, и изъ нихъ можно было бы дѣлать тщательный выборъ для восполненія недостатка священнослужащихъ и всесторонняго благоустроенія монашеской жизни.

Мѣры, предложенныя съѣздомъ настоятелей владимірскихъ монастырей для устраненія недостатка въ послушникахъ, а именно: а) упрости епархіальное начальство отсылать въ монастыри просящихъ себя псаломщикскихъ мѣсть, но по тѣмъ или другимъ причинамъ не получающимъ себя удовлетворенія, для включенія ихъ въ число послушниковъ; б) вмѣнить, для ослабленія недостатка въ священномонашествующихъ и въ монашествующихъ, какъ будущихъ кандидатахъ священства, въ обязанность монашествующей

братіи тѣхъ монастырей, изъ коихъ существуютъ ходы съ иконою, чтобы они наблюдали надъ мірскими лицами всѣхъ званій и состояній, избирали людей благочестивыхъ и располагали ихъ къ поступленію въ монастыри, и в) чтобы монастыри принимали сиротствующихъ дѣтей въ надеждѣ расположенія ихъ къ монашеской жизни (см. № 13 «Церк. Вѣстника»),—эти мѣры имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Хотя монастырь и воспитаетъ въ своихъ стѣнахъ сиротствующихъ дѣтей и расположить ихъ къ монашеской жизни, но такъ какъ по гражданскому закону имъ, хотя бы они опредѣлены были въ монастырскій штатъ и считались кандидатами священства, надлежитъ отбывать воинскую повинность, то и надежда на пополненіе этимъ путемъ недостатка въ священнодѣйствующихъ останется недостигнутою. Тѣмъ менѣе можно ожидать благопріятнаго результата отъ мѣры наблюденія монашествующей братіи во время крестныхъ ходовъ съ иконою, гдѣ таковыя существуютъ, за благочестиво настроенными мірскими и иными лицами всѣхъ званій и состояній; успѣшному примѣненію этой мѣры препятствуютъ многія обстоятельства, о которыхъ говорить здѣсь неумѣстно. (Церк. Вѣстн.).

— Въ Великій Четвертокъ предъ литургіей настоятелемъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ архимандритомъ Павломъ присоединенъ къ православной церкви старообрядческій, по австрійскому священству, инокъ отецъ Исихій. Еще въ первой январской книжѣ *Братскаго Слова* о немъ были сообщены слѣдующія свѣдѣнія:

«Отецъ Исихій—лицо весьма извѣстное московскимъ старообрядцамъ и въ лучшей половинѣ ихъ общества пользующееся большимъ уваженіемъ за свою скромность, безукоризненную жизнь, разумность и даже нѣкоторую образованность, которая, какъ извѣстно, составляетъ великую рѣдкость у раскольниковъ. Не малое время онъ занималъ должность писмоводителя при Московскомъ духовномъ совѣтѣ. Будучи искреннимъ окружникомъ, онъ, въ качествѣ писмоводителя, старался дѣйствовать такъ, чтобы дѣла рѣшались не во вредъ ученію Окружнаго Посланія и не въ нарушеніе церковныхъ каноновъ, что весьма не правилось властвовавшимъ въ совѣтѣ и властвующимъ доселѣ ревнителямъ соединенія окружниковъ съ неокружниками, хотя бы и цѣной Окружнаго Посланія, руководящимся къ тому же въ рѣшеніи дѣлъ своими личными расчетами, а не церковными канонами. На отца Исихія поэтому воздвигнуты были гоненія; наконецъ онъ былъ даже устра-

нею отъ писмоводительской должности, которую передали лицу совершенно противоположнаго характера и противоположныхъ качествъ умственныхъ и нравственныхъ, Перетрухину. Тогда отецъ Исихій отправился къ Анастасію Измаильскому, который принялъ его съ радостію и назначилъ потомъ въ настоятели своего Архангельскаго монастыря. Между тѣмъ ближайшее наблюденіе надъ «церковно-іерархическими» дѣлами у раскольниковъ австрійскаго согласія, даже участіе въ нихъ, знакомство съ лицами, стоящими во главѣ управленія, съ высшими и низшими членами Бѣлокриницкой іерархіи, особенно же внимательное изученіе появлявшихся одно за другимъ полемическихъ сочиненій противъ раскола и въ частности противъ австрійскаго священства, а также и раскольническихъ писаній, лживость, лукавство и крайняя неосновательность которыхъ очевидны для каждаго безпристрастнаго, непредубѣжденнаго и разумнаго читателя изъ самихъ старообрядцевъ,— все это было причиной, что отецъ Исихій давно уже съ большимъ сомнѣніемъ началъ смотрѣть на расколъ и нынѣ существующую въ расколѣ іерархію, и, напротивъ, постепенно приходилъ къ убѣжденію въ правотѣ и истинности Грекороссійской церкви. Невольныя проявленія такихъ отношеній его къ расколу и церкви не укрылись также отъ фанатическихъ заправителей раскольническихъ дѣлъ, царившихъ въ духовномъ совѣтѣ, и въ свою очередь способствовали возбужденію противъ него гоненій. Удалившись къ Анастасію, въ уединеніи, онъ еще съ большимъ усердіемъ занялся разсмотрѣніемъ занимавшихъ его вопросовъ о церкви и расколѣ, вступалъ даже въ откровенныя бесѣды объ этихъ вопросахъ съ самимъ Анастасіемъ, который также хорошо понимаетъ лживость раскола и неправильность Австрійской іерархіи, хотя по житейскимъ разчетамъ доселѣ еще не оставляетъ ихъ. Рѣшивъ, наконецъ, всѣ свои сомнѣнія, убѣдившись совершенно въ неизмѣнномъ православіи Грекороссійской церкви и въ томъ, что раскольники незаконно отдѣлились отъ нея, а поповцы управляютъ безблагодатнымъ, ложнымъ священствомъ, отецъ Исихій принялъ намѣреніе разорвать навсегда свои связи съ расколомъ и поступить на жительство въ Никольскій единовѣрческій монастырь къ отцу архимандриту Павлу, который своими сочиненіями особенно много способствовалъ ему уразумѣть неправду раскола и истину православія. Но такъ какъ для поступленія въ православный монастырь для лицъ податнаго состоянія требуется увольненіе отъ общества, къ которымъ они принадлежатъ (только расколь-

ническіе инопі имѣють привилегію не стѣсняться такими требованіями), то отцу Исихію нужно было для этого отправиться предварительно на родину въ Пермскую губернію,—и Анастасій безпрепятственно отпустилъ его. Съ родины, изъ Саткинскаго завода, 28 ноября 1890 года онъ послалъ Анастасію письмо, которымъ извѣщалъ его:

«Страшась какъ бы не умереть, имѣя въ душѣ сомнѣніе о законности Бѣлокриницкой іерархіи, и наконецъ съ Божіею помощію рѣшилъ успокоить свою совѣсть тѣмъ, что присоединяюсь къ православной Грекороссійской церкви, отъ которой мы, по своему ожесточенному предубѣжденію, незаконно и безо всякаго основанія отдѣлились. Зная мои убѣжденія относительно православной церкви, вы конечно не будете удивлены моимъ рѣшеніемъ оставить общество старообрядцевъ Австрійской іерархіи. Болѣе писать пока нечего, а потому въ заключеніе всего сказаннаго свидѣтельствую вамъ глубокую благодарность за вашу многую любовь и расположеніе ко мнѣ. Ради Бога простите меня грѣшнаго во всемъ, въ чемъ я, какъ человекъ, согрѣшилъ предъ вами, да и васъ Господь помилуесть въ день онъ».

«Такъ простился отецъ Исихіи съ единственнымъ изъ раскольниковыхъ епископовъ, который отнесся къ нему съ искреннимъ расположеніемъ и не только не преслѣдовалъ его за его правильныя понятія о церкви и о расколѣ, но очевидно и раздѣлялъ его понятія.

«Прежде своего прибытія въ Никольскій монастырь, отецъ Исихій прислалъ туда свою бібліотеку въ нѣсколькихъ большихъ коробахъ. Это обиліе собранныхъ имъ книгъ богословскаго и церковно-историческаго содержанія можетъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ его любознательности и объясненіемъ пріобрѣтеннаго имъ образованія. Въ декабрѣ онъ и самъ явился въ монастырь. 21 числа, въ день годовичнаго праздника въ Братствѣ Св. Петра митрополита, на общемъ братскомъ собраніи онъ представленъ былъ преосвященному Виссаріону, отъ котораго съ умиленіемъ принялъ архипастырское благословеніе и радостно, съ любовью привѣтствованъ всѣмъ Братствомъ какъ добрый и желанный собратъ».

И вотъ, наконецъ, по устраненіи разныхъ формальныхъ затрудненій, въ одинъ изъ величайшихъ дней Страстной седмицы, отецъ Исихій сдѣлался сыномъ православной церкви, и святую Пасху праздновалъ уже въ духовномъ общеніи со всѣми православными.

Присоединеніе его есть несомнѣнное благое приобрѣтеніе для церкви и особенно для Никольскаго Единовѣрческаго монастыря. Да поможетъ ему Господь послужить и церкви и обители съ истинною для нихъ пользой! «Моск. Вѣд.»

— Въ Антиохійскомъ патріархатѣ наблюдается въ настоящее время большое стремленіе Сиро-Арабовъ православныхъ къ избранію патріарха изъ мѣстнаго духовенства, по случаю перевода бывшаго патріарха Антиохійскаго Герасима на Іерусалимскій патріаршій престоль. Полтора вѣка тому назадъ, по случаю іерархическихъ смуть въ Антиохійской церкви, вызванныхъ католическими миссіонерами въ Сиріи, мѣстные православные выбрали себѣ патріарха изъ духовенства Константинопольскаго патріархата, блаженный памяти Сяльвестра, и съ того времени всѣ его преемники, по желанію и соглашенію мѣстныхъ православныхъ, были избираемы изъ духовенства упомянутаго патріархата, кромѣ двухъ послѣднихъ, Іерофея и Герасима, которые были изъ братства Гроба Господня. И хотя прошли тѣ тяжелыя для антиохійскаго патріархата времена, которыя принудили его обращаться къ своимъ единовѣрнымъ церквамъ, для выбора своего архипастыря, однакоже братство Гроба Господня, пользуясь упомянутымъ случаемъ, старается всѣми силами узаконить избраніе антиохійскаго патріарха изъ однихъ грековъ и особенно изъ своихъ членовъ, устраняя всѣхъ мѣстныхъ архіереевъ отъ этого права, какъ уже успѣло устранить весь православный народъ Іерусалимской церкви отъ высшей духовной власти. Имѣя это въ виду, православные Сиро-Арабы антиохійскаго патріархата рѣшились, въ настоящее время, отклонить всякое вмѣшательство другихъ патріархатовъ и, преимущественно братства Гроба Господня, въ избраніе Антиохійскаго патріарха. Кандидатами же на постъ патріарха указываютъ слѣдующихъ достойныхъ лицъ: 1) Митрополита Селевкійскаго Герасима, окончившаго курсъ богословія въ Петербургской Духовной Академіи и бывшаго ректоромъ двухъ семинарій, Рижской и Псковской; 2) Митрополита Бейрутскаго Гавріила, бывшаго настоятелемъ Антиохійскаго Патріаршаго въ Москвѣ подворья (съ 1861 г. по 1871 г.); 3) митрополита Эмесскаго Афанасія, дѣятельнаго и энергичнаго пастыря, много потрудившагося по дѣлу просвѣщенія своей паствы; 4) митрополита Елифанійскаго Григорія, прославившагося своею святою жизнію и пастырскою дѣятельностію; 5) митрополита Лаодикійскаго Мелегія, замѣчательнаго своею многолѣтнею пастырскою дѣятельностію; 6) архимандрита Рафаила, настоятеля

Антиохійскаго патріаршаго въ Москвѣ подворья, пользующагося всеобщю любовью православныхъ Сиро-Арабовъ за его замѣчательный талантъ въ проповѣди Слова Божія; 7) архимандрита Герасима, настоятеля Сирійской православной церкви въ Александріи, пользующагося репутаціей весьма хорошаго богослова и писателя. Но истинѣ весьма желательно, чтобы несчастная Сиро-Арабская церковь достигла своего желанія имѣть патріарха изъ своихъ пастырей наравнѣ съ остальными автокефальными православными церквами. «Церк. Вѣстн.»

— Г. В. Майновъ сообщаетъ въ «Окраины» новыя подробности, лично полученныя имъ отъ преосвященнаго Владиміра изъ Санъ-Франциско о томъ движеніи въ пользу православія, которое обнаружилось въ Сѣверной Америкѣ. Суперіоръ 30.000 старокатоликовъ, священникъ Іосифъ Р. Вилате, пріѣхалъ въ концѣ января въ Санъ-Франциско изъ своего штата и въ воскресенье 3-го февраля, въ присутствіи мѣстнаго клира и народа, послѣ исповѣди былъ присоединенъ къ православной церкви по обычному чину отреченія отъ ересей, но былъ допущенъ къ святому причастію лишь въ качествѣ мірянина, такъ какъ самъ епископъ Владиміръ безъ соизволенія Святѣйшаго Синода не могъ признать его въ санѣ священника; имъ однако же подано прошеніе въ высшее духовное правительственное учрежденіе наше о признаніи его іереемъ восточной католической церкви для 30.000 старокатоликовъ, имѣющихъ быть принятыми въ лоно нашей церкви, въ предстоящую весеню поѣзду преосвященнѣйшаго Владиміра къ нимъ въ штатъ Висконсинъ. По принятіи православія, священникъ Вилате возвратился въ городъ Диккеевилъ, гдѣ помѣщается его церковь. Въ началѣ же февраля этого года изъ города Миннеаполиса, что въ штатѣ Айова, прибылъ къ епископу Владиміру благочинный русскихъ униатскихъ церквей священникъ отецъ Алексѣй Товтъ съ церковнымъ старостой и привезъ прошенія о присоединеніи и его прихода въ 340 душъ къ православію и сообщилъ, что вскорѣ послѣдуютъ прошенія о томъ же и отъ другихъ 14 униатскихъ русскихъ церквей и духовенства, гдѣ числится до 17.000 русскихъ христіанъ-выходцевъ изъ Галиціи и Венгерской Руси. Онъ былъ очарованъ благоговѣйнымъ богослуженіемъ восточной католической религіи и пѣніемъ.

Нужно надѣяться, что Латины хоть объ обращеніи американскихъ униатовъ не стануть сочинять небывлицъ о «правительственномъ давленіи».

— Въ нашемъ обществѣ весьма распространена мысль о близости нашей Церкви къ церкви Англиканской, и надежды на возможность соединенія съ англиканами кажутся легко осуществимыми. За послѣднее время наша духовная литература серьезно старается разсвѣтить это заблужденіе, которое въ Русскихъ порождено отчасти англиканами. Въ Церковномъ Вѣстникѣ находимъ весьма существенную полемику протопресвитера І. Янышева съ Карломъ Хэлемъ (деканомъ американскаго Девенпортскаго кафедральнаго собора). Дѣло въ томъ, что нѣкоторые старокатолики нашли возможнымъ совмѣстное приобщеніе Св. Таинъ съ англиканами. Я, говорить протопресвитеръ Янышевъ, не усматривая въ старокатолическомъ вѣроученіи и богослуженіи непреодолимаго препятствія къ сблженію съ православною восточною церковію, позволилъ себѣ высказать въ этихъ статьяхъ мысль, что такимъ препятствіемъ можетъ служить фактъ *intercommunion'a*—общенія между двумя старокатолическими епископами и нѣкоторыми изъ англиканскихъ въ таинствѣ причащенія.

Достопочтенный К. Хэль счелъ нужнымъ отвѣтить возраженіемъ, въ которомъ доказываетъ, будто бы англиканская церковь вполне католична (то-есть не отступила ни въ чемъ отъ церкви Апостольской и преемственна съ нею). Нашъ ученый проповѣдникъ принужденъ развѣнчать эту иллюзію англиканъ, происходящую отъ недостаточнаго ихъ вниманія къ ученію католической церкви. Онъ указываетъ на рядъ пунктовъ, въ которыхъ англикане уклонились къ протестантству и кальвинизму: 1) отрицается непогрѣшимость вселенской церкви, вселенскихъ соборовъ (XIX и XXI); 2) признается достаточность одного священнаго писанія для спасенія (VI) и одной вѣры для оправданія (XI); 3) признаются только два таинства (XXV), но и они поясняются въ смыслѣ свойственномъ не православному, а кальвинистскому возрѣнію, именно: подъ крещеніемъ разумѣется не орудіе или средство возрожденія, а только видимый знакъ его (XXVII), и въ евхаристіи вѣрующіе причащаются тѣла и крови Господнихъ только вѣрою, только небеснымъ и духовнымъ образомъ (XXVIII), преложеніе же или пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло Господа и кровь Господню прямо отрицаются (XXIII и XXIX); 4) отвергаются почитаніе иконъ и мощей и призываніе святыхъ (XXII); 5) происхожденіе законнаго полномочія проповѣдывать слово Божіе и совершать таинства приписывается людямъ (а не Богу?), которымъ церковь ввѣряетъ право призывать и посылать на пастырское служеніе (XXIII); наконецъ, 6) излагается

ученіе о предопредѣленіи, усвоенное Кальвиномъ и его приверженцами (XVII).

Правда, изъ словъ декана Хэля, которыя онъ подкрѣпляетъ коллективнымъ свидѣтельствомъ многихъ современныхъ епископовъ, оказывается, что 39 человекъ въ настоящее время не имѣютъ вполне авторитетнаго значенія для англиканской церкви.

Но это вносить въ вѣроученіе англиканъ не православіе, а простую неопредѣленность. Подъ символами вѣры здѣсь разумѣтся такъ-называемый апостольскій, никео-цареградскій съ прибавленіемъ *filioque*, и такъ-называемый аеанасіевъ, — которые всѣ приемяются и лютеранами и кальвинистами; подъ вселенскими несомнѣнными соборами англиканскіе богословы разумѣютъ опять не тѣ, которые такими признаются православною церковію, а только тѣ, которые, по ихъ мнѣнію, можно признать за таковыя, наиримѣръ первые четыре вселенскіе собора; прочіе три вселенскіе собора, признаваемые таковыми всею древнею нераздѣленною церковію, — англиканскіе реформаторы и позднѣйшіе богословы отодвигаютъ на задній планъ, а седьмой — рѣшительно отвергаютъ.

Что же означаетъ послѣ этого каеоличность англиканской церкви, о которой говорятъ англиканскіе богословы? И не въ правдѣ ли я былъ сказать въ своихъ статьяхъ, что Англичане «неуловимы въ опредѣленіи своихъ вѣрованій», что въ англиканской (высокой, низкой и широкой) церкви «находятъ убѣжище самыя разнородныя по своимъ вѣрованіямъ элементы»?

Нельзя не вспомнить, что совершенно такіе же выводы содержитъ и недавняя брошюра Александра епископа Можайскаго. Вообще, очевидно, что — если единеніе съ англиканами для насъ возможно въ будущемъ, то лишь подъ условіемъ возвращенія Англиканской церкви къ цѣлому вѣроученію, содержавшемуся христіанскимъ міромъ до эпохи раздѣленія.

— «Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата» передаетъ случай, показывающій, какъ сильно распространяется популярность церковныхъ школъ даже между горцами Кавказа.

Верстахъ въ двадцати къ сѣверу отъ города Владикавказа раскинулся большой осетинскій аулъ, именуемый Бесланомъ. Бесланъ образовали осетины, навсегда покинувшіе скудныя и суровыя родныя горы. Въ началѣ почти всѣ беслановцы исповѣдывали православную вѣру, но, благодаря тому, что имъ не было дано особаго священника, большинство совратилось въ магометанство и

въ настоящее время изъ 200 дворовъ обывательскихъ, только 50 дворовъ остаются христіанскими. Христіане названнаго аула, оставаясь по сіе время безъ пастыря и живя между магометанами, имѣющими нѣсколько муллъ и хорошую мечеть, больше знакомы съ магометанствомъ, чѣмъ съ христіанствомъ.

Къ счастью, между ними оказались лица, взявшія на себя трудъ вывести своихъ братьевъ изъ нынѣшняго нежелательнаго состоянія. Въ маѣ 1890 года къ пишущему эти строки пріѣхалъ изъ Беслана крестьянинъ Гака Гутіевъ и сталъ усиленно просить его поѣхать въ названный аулъ. Въ Бесланѣ насъ ждали всѣ христіане. Пригласивъ зайти въ домъ и освятить заранѣе приготовленный, по осетинскому обычаю, столъ, Гутіевъ сталъ просить отъ имени собравшихся открыть у нихъ церковно-приходскую школу, въ которой ихъ дѣти могли бы учиться правиламъ христіанской жизни и нравственности, заявивъ при этомъ, что если только совѣтъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ возьметъ на себя содержаніе учителя, то зданіе школы выстроить онъ, Гутіевъ, на собственные средства.

Школы быстро организовались. Молодой учитель повелъ дѣло такъ умѣло, что не только христіане, но и магометане, сильно возстававшіе въ началѣ противъ школы, скоро полюбили ее и охотно стали опредѣлять въ нее дѣтей; такъ что теперь въ числѣ 40 наличныхъ учениковъ находятся 16 магометанскихъ мальчиковъ.

Гутіевъ не остановился на этомъ добромъ дѣлѣ: онъ возымѣлъ добрую мысль построить при школѣ еще и молитвенный домъ. Онъ жертвуетъ на означенный предметъ 200 р. деньгами и весь нужный матеріалъ. Молитвенный домъ пристроится къ власной комнатѣ съ восточной стороны. Такимъ образомъ съ будущаго сентября въ Бесланѣ будетъ церковь-школа—первый примѣръ того типа школы, какія нынѣ рекомендуются Святѣйшимъ Синодомъ.

— Однимъ русскимъ офицеромъ изобрѣтенъ новый, сильно облегченный противъ прежнихъ, способъ обученія грамотѣ. Недавно, по распоряженію начальника 11 пѣхотной дивизіи, ген.-лейт. Панютина, была устроена въ Луцкѣ для опыта школа изъ 12 неграмотныхъ солдатъ, и послѣ семи дней занятій, они начали читать и писать. Каждый могъ написать имя, фамилію, годъ, число и заданное слово. Общее развитіе и знанія на публичномъ экзаменѣ были блестящи; даже два татарина читали, писали и объясняли какъ перемену временъ года, такъ и замѣну дня ночью. Занятіямъ велась по изобрѣтенному «органно-цвѣтовому методу—мысли»,

предложенному для опыта подпоручикомъ И. Г. Храпаль, который, послѣ практическаго веденія этой школы, въ трехъ публичныхъ лекціяхъ познакомилъ со своимъ методомъ офицеровъ. Лекціи привлекли массу слушателей. По распоряженію начальства, подпоручикъ И. Г. Храпаль отправленъ, какъ сообщаетъ «Кіев. Слово», въ Ковель и Кременецъ для такого же рода занятій.

— Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ явленій общественной жизни за послѣднее время, несомнѣнно, надо считать устройство обществъ трезвости. Въ сельскомъ населеніи возникновеніе и успѣхъ подобныхъ обществъ возможны исключительно на религіозной основѣ, а потому привлеченіе къ этому дѣлу духовенства необходимо.

Составленіе уставовъ такихъ обществъ часто ставитъ учредителей въ весьма затруднительное положеніе. Нерѣдко мужикамъ читаются цѣлыя лекціи о вредѣ пьянства съ гигиенической точки зрѣнія. Конечно, и это не бесполезно, но крестьянамъ нуженъ авторитетъ не врачей-гигиенистовъ, а Св. Писанія; только основанная на немъ аргументація будетъ для нихъ вполне убѣдительною, и общества трезвости могутъ имѣть успѣхъ среди русскихъ крестьянъ только на религіозной почвѣ.

Въ виду этого, пока не выработалось нѣчто въ родѣ образцоваго нормальнаго устава для подобныхъ обществъ, считаемъ не лишнимъ опубликовать правила общества трезвости въ селѣ Ростовкѣ, Нижнедомовскаго уѣзда, Пензенской губерніи, довольно удачно составленные его учредителями. Заимствуемъ ихъ изъ № 90 «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (отъ 30 апрѣля):

1) Каждый членъ общества трезвости не долженъ пить хмѣльныхъ напитковъ, какъ-то: водки, вина, пива, меду, медовой браги и другихъ опьяняющихъ напитковъ, развѣ по совѣту врача (Сир. 31 гл. 29 ст. Притч., 21 гл. 17 ст. ст; 23 гл. 31 ст.)

2) Членъ, вступающій въ общество трезвости свой обѣтъ закрѣпляетъ служеніемъ молебна, записывается въ книгу трезвости и получаетъ Евангеліе и икону Св. Николая, во имя котораго учреждено общество (Второзак. 23, 21. Числь. 30, 3.)

3) Членъ общества трезвости долженъ по возможности аккуратно посѣщать храмъ Божій въ праздничные дни (Псал. 121, 1).

4) Членъ общества трезвости долженъ отличаться честностію, благонавіемъ и вообще добросовѣстностію (Матѣ. 5. 16).

5) Членъ общества трезвости долженъ сочувственно относиться къ нуждамъ своихъ сочленовъ и вообще къ нуждамъ ближняго и, по возможности, оказывать нравственную и матеріальную поддерж-

6) Въ своемъ домѣ или квартирѣ членъ общества трезвости не долженъ допускать безобразныхъ попоекъ; угощать же другихъ дозволяется, но въ умѣренномъ количествѣ и безъ принужденія (1. Коринѣ. 8 13).

7) Членъ общества трезвости долженъ заботиться о привлеченіи въ общество трезвости другихъ лицъ увѣщаніемъ и чтеніемъ книгъ, въ коихъ болѣе или менѣе трактуется (лучше бы сказать: говорится) о вредѣ пьянства (Филип. 2. 4., Собор. посл. Іак. 5. 19).

8) Преимущественно членъ общества трезвости долженъ обращать вниманіе на молодыхъ людей, еще не пристрастившихся къ разгулу—склонять ихъ къ поступленію въ члены общества трезвости, дабы заблаговременно предостеречь ихъ отъ пагубныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ пьянства. «Наставъ юношу при началѣ пути его: онъ не уклонится отъ него, когда и состарѣеть» (Притч. 22, 9).

9) Въ общество трезвости могутъ вступать и лица женскаго пола.

10) Обѣтъ воздержанія дается на время не менѣе года.

11) Членъ общества трезвости, нарушившій обѣтъ свой въ воздержанія, исключается изъ общества. Нарушеніе должно быть подтверждено не менѣе какъ тремя членами общества, которые должны засвидѣтельствовать это своею подписью въ книгѣ трезвости противъ фамиліи исключаемого. Если исключенный добровольно не возвратитъ выданной ему иконы, то она останется у него.

12) На устройство бібліотеки принимать отъ членовъ общества трезвости добровольныя пожертвованія деньгами или книгами, цѣли общества подходящими; эти пожертвованія будутъ вноситься въ приходорасходную книгу общества.

— Въ Петербургѣ торжественное собраніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества открылось рѣчью вице-президента Общества, сенатора, тайнаго совѣтника П. П. Семенова, который указалъ на нѣкоторую перемѣну, совершающуюся въ настоящее время въ области географическихъ изслѣдованій русскихъ путешественниковъ. Упомянувъ, что до сихъ поръ главнѣйшій интересъ представляло изученіе Азіи, въ особенности малоизвѣстныхъ глухихъ пространствъ ея центральной части (экспедиціи покойнаго Н. М. Пржевальскаго и «Тибетская экспедиція» его преемника—М. В. Пѣвцова), П. П. Семеновъ, какъ сообщаетъ «Новое Время», сообщилъ, что теперь и въ ближайшемъ будущемъ столь

же крупныхъ экспедицій въ эту страну не предвидится. Въ данное время представляютъ интересъ изслѣдованія Африки и, между прочимъ, Абиссиніи. Въ видахъ поощренія географическихъ работъ въ Африкѣ, Общество оказало содѣйствіе отправляющемуся въ Абиссинію на два, три года В. Θ. Машкову, снабдивъ его всеми необходимыми инструментами. По словамъ П. П. Семенова, эта экспедиція должна явиться первымъ звеномъ въ ряду дальнѣйшихъ изслѣдованій Африки, по изученію которой Русскимъ Географическимъ Обществомъ пока сдѣлано сравнительно немного. Г. Машковъ беретъ на себя рядъ работъ, близко интересующихъ Общество: съемки, натуралистическія изслѣдованія и проч., кромѣ того, какъ знатокъ абиссинскаго языка, онъ можетъ собрать обширный запасъ этнографическихъ наблюденій, которыя прольютъ свѣтъ на малоизвѣстные уголки сѣверо-восточной Африки.

— «Русск. Жизнь» рассказываетъ любопытныя подробности объ одномъ самарскомъ купцѣ, И. Н. Носовѣ, дѣятельность котораго на пользу обездоленныхъ заслуживаетъ самаго теплаго сочувствія.

Этотъ Насовъ купилъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ, въ Сумароковской волости, за 10,000 руб., кусокъ земли—540 десятинъ. Этотъ участокъ онъ разбилъ на 45 частей, построилъ тутъ же 45 избъ; каждую снабдилъ всемъ необходимымъ въ крестьянскомъ обиходѣ, а на дворѣ у каждой избы построилъ хозяйскія службы; въ амбаръ ссыпалъ необходимый запасъ хлѣба; въ конюшню поставилъ пару лошадей, въ коровникъ—корову, прибавилъ и нѣсколько штукъ овецъ, и домашней птицы на разводъ. Подъ навѣсъ сложилъ земледѣльческія орудія, въ кладовку положилъ инструменты, нужные хозяину, назвалъ все это селъцомъ Александровскимъ, да и передалъ его въ распоряженіе бугульминскаго общества свитителя Николая Чудотворца для поселенія тамъ желающихъ изъ бѣдныхъ мѣщанъ и безземельныхъ бѣдныхъ крестьянъ.

Кто знаетъ,—прибавляетъ газета,—сколько въ Россіи живетъ такихъ Носовыхъ, работающихъ потихоньку, безъ громкихъ словъ и краснаго звона.

— Въ медицинскихъ изданіяхъ за послѣдніе годы встрѣчались отдѣльныя, краткія замѣтки о благотворномъ дѣйствиі стрихнина при хроническомъ алкоголизмѣ. Но случаевъ леченія алкоголизма стрихниномъ, прослѣженныхъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, до сихъ поръ еще никѣмъ не описано. Такіе именно, хорошо прослѣженные, случаи были въ практикѣ доктора Ергольскаго, сообщившаго о нихъ въ № 10 журна-

ла «Врачъ». За 1½ года, въ теченіе которыхъ докторъ Ергольскій примѣнялъ стрихнинъ при лѣченіи пьяницъ, у него было десять такихъ случаевъ. Весьма любопытенъ первый изъ описываемыхъ г. Ермольскимъ пациентовъ—мужчина 34 лѣтъ, по профессіи садовникъ. Пьянство у этого человека не было наследственнымъ; его родители не отличались пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Самъ больной началъ пить съ 18-ти-лѣтняго возраста, въ послѣднія же 12 лѣтъ пилъ непрерывно и предавался своей склонности при всякомъ случаѣ, при первыхъ свободныхъ деньгахъ, въ первой попавшейся компаніи. По типу, это, такъ сказать—пьяница-любитель, отнюдь не считающій своей страсти порокомъ и неимѣющій ни малѣйшаго желанія отъ нея избавиться. Онъ согласился на леченіе, лишь уступивъ просьбамъ матери,—и то только потому, что не вѣрилъ въ успѣхъ. Леченіе было начато въ началѣ октября 1889 г., и состояло изъ ежедневныхъ подкожныхъ впрыскиваній азотнокислаго стрихнина. Всего сдѣлано 8 впрыскиваній. Въ первый день впрыснуто $\frac{1}{60}$ грана, во второй— $\frac{1}{40}$, въ третій и въ слѣдующіе дни — по $\frac{1}{20}$ грана. Во все время леченія и 2 недѣли спустя послѣ него пациентъ не пилъ «за неимѣніемъ денегъ и подходящаго случая», какъ онъ объяснилъ, но, по отзывамъ матери, у него рѣдко прежде бывали такіе длинные періоды трезвости. Черезъ двѣ недѣли послѣ леченія, онъ получилъ отъ хозяина жалованье и рѣшилъ испробовать результаты леченія. Эта проба имѣла для него самыя печальныя послѣдствія. Первые же двѣ рюмки водки вызвали у него рвоту, головную боль и сильное опьянѣніе. Все это настолько разстроило его самочувствіе, что онъ былъ принужденъ на этотъ разъ отправиться изъ трактира домой и даже лечь въ постель. Недѣли 1½—2 спустя, онъ возобновилъ опытъ, но, несмотря на то, что взялъ водку болѣе высокаго сорта, результатъ получился такой же. Пациентъ, однако, не мирился съ мыслью, что онъ не можетъ болѣе пить, и систематически сталъ себя вновь приучать къ водкѣ, начавъ ее употреблять каплями и постепенно повышая приемы. Только такимъ образомъ онъ добился того, что могъ опять пить водку въ прежнихъ размѣрахъ. Разумѣется, о повтореніи леченія онъ и слышать не хотѣлъ. Другимъ пациентомъ доктора Ергольскаго былъ 42-лѣтній столяръ, рассказавшій о возникновеніи своей страсти не лишнюю интереса исторію. Будучи искуснымъ столяромъ, онъ получилъ лѣтъ 15 назадъ мѣсто на желѣзной дорогѣ съ очень хорошимъ для него содержаніемъ (100 рублей въ мѣ-

сяцъ). Непривычно большое количество денегъ и компанія дурныхъ товарищей соблазнили его на кутежи, которые стали повторяться все чаще и чаще и, наконецъ, пріучили его къ водкѣ до такой степени, что послѣднія 10 лѣтъ онъ уже почти ни одного дня не могъ выдержать, чтобы не выпить полъ-бутылки, бутылку и болѣе водки. Вслѣдствіе этого онъ потерялъ мѣсто на желѣзной дорогѣ и дошелъ до самой крайней бѣдности. Избавиться отъ своей страсти очень желалъ, но жаловался на недостатокъ воли; кромѣ того, чувствовалъ всегда сильную тоску и даже, будто бы, физическое ощущеніе какъ бы чего-то сосущаго въ области желудка, пока не выпьетъ, по меньшей мѣрѣ, полъ-бутылки водки. Въ первый день этому пациенту было впрыснуто $\frac{1}{40}$ грана азотно-вислаго стрихнина. На второй день больной явился въ 4 часа дня и съ радостію заявилъ, что на этотъ разъ онъ не ощущалъ ни тоски, ни чувства сосанія въ желудкѣ, вслѣдствіе чего и не имѣлъ никакого желанія выпить; ему было сдѣлано новое впрыскиваніе $\frac{1}{20}$ грана стрихнина, и такая же доза была повторена въ слѣдующіе 6 дней леченія. Всѣ эти дни больной не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ водкѣ, хотя въ одинъ изъ нихъ ему представлялся сильный соблазнъ: онъ былъ на именинахъ у родственника, гдѣ много пили, угощали его и даже подсмѣивались надъ нимъ за то, что онъ не пьетъ. На восьмой день болному былъ врученъ 1 гранъ стрихнина въ 60 пилюляхъ, которыя было предписано начать принимать черезъ двѣ недѣли послѣ только что сдѣланныхъ 8-ми впрыскиваній, по одной пилюлѣ въ день, пріостанавливая пріемы черезъ каждыя 2 недѣли на одну недѣлю. Въ февралѣ текущаго года, т. е. черезъ годъ и 3 мѣсяца послѣ начала леченія, докторъ Ергольскій получилъ отъ своего пациента извѣстіе, что онъ продолжаетъ жить вполне трезво, вслѣдствіе чего поправился въ дѣлахъ и снова получилъ хорошее мѣсто на той же дорогѣ. Въ остальныхъ 8-ми случаяхъ докторомъ Ергольскимъ также было получено существенное улучшеніе, державшееся отъ 4-хъ мѣсяцевъ до года. На основаніи результатовъ своей практики, названный врачъ приходитъ къ заключенію, что стрихнинъ при леченіи алкоголизма заслуживаетъ полнаго вниманія. Вполнѣ понятно, что, въ виду чрезвычайной ядовитости стрихнина, о самолеченіи этимъ средствомъ не можетъ быть и рѣчи.

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

29-го апрѣля въ 9 часовъ утра отъ пятистаго тифа скончался, напутствуемый таинствами—св. причащенія и елеосвященія, на 44 году, благочинный 3-го округа, Волчанскаго уѣзда, слободы Ивановки, священникъ Дмитрій Рубинскій. Почившій отличался замѣчательною нестяжательностію, кротостію, незлобіемъ, аккуратнымъ и сердечнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, за что его въ особенности любили прихожане; да и смерть его послѣдовала среди исполненія обязанностей приходскаго священника, такъ какъ онъ и заразился тифомъ при приобщеніи больныхъ, число которыхъ въ Ивановкѣ за минувшую зиму было до 500 душъ. Любили его и духовенство подвѣдомственнаго округа и избрало его своимъ благочиннымъ въ 1881 году, еще очень молодымъ священникомъ—на шестомъ году его священства; выборъ духовенства вполне оправдалъ его надежды: за всю десятилѣтнюю его благочинническую дѣятельность не было ни одного слѣдственнаго дѣла,—все покрывалъ онъ миромъ и любовію.

Родившись въ слободѣ же Ивановкѣ въ 1848 году, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1872 году и въ томъ же году опредѣленъ законоучителемъ и учителемъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ, а 23-го марта 1875 года рукоположенъ во священники на мѣсто престарѣлаго своего отца, протоіерея Александра Рубинскаго, еще при жизни его, гдѣ и священствовалъ 16 лѣтъ и 1 мѣсяць. Хотя ему представлялся случай перейти на лучшій приходъ, но онъ такъ дорожилъ мѣстомъ своей родины, воспоминаніями дѣтства и семейными традиціями,—дорожилъ садикомъ, посаженнымъ и возрожденнымъ его отцемъ и имъ самимъ, что никакъ не рѣшался промѣнять свою убогую Ивановку на богатый приходъ; а въ Ивановкѣ, если бы не мѣстные землевладѣльцы гг. Бекарюковых и братъ его, докторъ въ Харьковѣ, положительно жить печѣмъ. Епархіальное начальство отличало его наградами: въ 1879 году пебедренникомъ, въ 1882 году данъ былъ ему знакъ Краснаго Креста, въ 1885 году награжденъ скуфіею, а въ 1890 году камлавкою. Въ семействѣ покойнаго остался жена и шесть душъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ старшей дочери 16-й годъ, а младшему сыну четыре года. Состоянія не оставилъ никакого, даже собственнаго дома не имѣлъ покойный!

30-го апрѣля послѣдовалъ выносъ тѣла изъ квартиры въ церковь на рукахъ 5-ти священниковъ, 3-хъ діаконовъ и псаломщиковъ, а 1-го мая заупокойная литургія совершена почтеннѣйшимъ престарѣлымъ протоіереемъ о. Петромъ Острогорскимъ, при участіи 4-хъ священниковъ и 2-хъ діаконовъ, погребеніе же при десяти священникахъ, 3-хъ діаконахъ и при пѣніи мѣстнаго хора пѣвчихъ подѣ управленіемъ учителя мѣстнаго же двухкласснаго училища Стр—ва.

Послѣ погребенія духовенство, явившееся на погребеніе безъ зова, въ знакъ своей глубокой къ почившему любви и преданности и въ виду бѣдности оставшагося семейства, тутъ же сдѣлало подписку въ пользу его 91 рубль.

Третій тиражъ выигрышей билетовъ дворянскаго банка, произведенный въ Петербургѣ 1 мая 1891 года. Главныя выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
4497	8	200000	256	33	8000	1688	16	1000	9964	6	1000
9795	6	75000	9850	41	8000	13062	29	1000	14878	39	1000
14721	36	40000	4209	41	5000	7376	11	1000	13076	45	1000
5860	18	25000	4892	26	5000	8748	13	1000	7055	14	1000
14125	9	10000	2762	14	5000	12889	41	1000	15594	32	1000
10935	36	10000	8728	45	5000	4174	24	1000	15454	30	1000
2644	8	10000	2312	45	5000	7602	6	1000	5320	41	1000
15898	17	8000	9527	45	5000	1629	15	1000	9644	40	1000
867	42	8000	8560	14	5000	13574	16	1000	14517	1	1000
4152	18	8000	7758	13	5000	1556	39	1000	2331	40	1000

Въ 500 руб. выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
10636	1	15786	7	7895	15	6638	23	10470	30	8494	36	6726	43
12996	1	7134	8	9385	15	9310	23	12443	30	8659	36	8220	43
1511	2	7496	8	7391	16	15681	24	15993	30	9123	36	10073	43
4038	2	966	9	9494	16	15965	24	3302	31	12131	36	11687	43
5571	2	2054	9	8427	17	2328	25	3531	31	1795	37	945	44
6754	2	14289	9	14874	17	14396	25	3755	31	4959	37	2025	44
8411	2	270	10	1599	18	142	26	8216	31	7098	37	4799	44
12331	2	2747	10	4045	18	280	26	444	32	7892	37	6482	44
1435	3	4901	10	8106	18	1385	26	4508	32	9140	37	7049	44
9766	3	8842	10	9130	18	1489	26	9029	32	13459	37	7528	44
15371	3	10058	10	12388	18	6097	26	10791	32	4806	38	8851	44
1460	4	4188	11	13354	18	8072	26	13225	32	5670	38	9410	44
13319	4	10097	11	1495	19	11798	26	13387	32	6051	38	12367	44
4806	5	11057	11	3135	19	15876	26	2273	33	6918	38	14558	44
5429	5	12851	11	3640	19	711	27	3642	33	13991	38	2242	45
7032	5	13100	11	5670	19	1885	27	12880	33	190	39	2847	45
7397	5	3969	12	9549	19	4082	27	13469	33	4818	39	4558	45
8402	5	5821	12	393	20	11667	27	599	34	9842	39	5359	45
11543	5	9581	12	1494	20	12787	27	2132	34	12121	39	7292	45
3185	6	13385	12	5263	20	2793	28	4050	34	1789	40	14034	45
6131	6	13412	12	6976	20	4638	28	10469	34	1960	40	14916	45
7477	6	534	13	8549	20	10770	28	11824	34	9042	40	8958	46
10123	6	8847	13	11787	20	13673	28	12819	34	12700	40	3198	47
11650	6	9412	13	15239	20	13717	28	14015	34	13408	40	568	47
14004	6	10419	13	10796	21	14218	28	696	35	9975	41	10747	47
15953	6	10760	13	11425	21	15299	28	1557	35	863	42	13217	47
67	7	11736	13	12343	21	15490	28	9015	35	3801	42	11584	48
1433	7	12598	13	1220	22	1008	29	11040	35	4449	42	13877	48
5685	7	14762	13	5737	22	10875	29	11657	35	10635	42	14696	48
7582	7	1165	14	5903	22	11117	29	11784	35	11767	42	261	49
7649	7	11655	14	8890	22	12999	29	13232	35	503	43	6545	49
8107	7	994	15	9621	22	13699	29	13249	35	810	43	15936	49
9401	7	4665	15	11176	22	14234	29	14204	35	861	43	1684	50
10735	7	5533	15	15221	22	15876	29	14595	35	2490	43	3579	50
12728	7	6420	15	15903	22	5243	30	15492	35	4888	43	9190	50
13383	7	6949	15	716	23	6485	30	15726	35	6011	43	11238	50
14609	7	7646	15	2399	23	6713	30	1627	36	6598	43	13671	50
15607	7												

Всего 300 выигрышей, на сумму 600000 руб.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1 августа 1891 года.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ.

Составилъ Т. Лубенецъ. Изданіе пятое (съ прил. прописей). Кіевъ, 1891 года. Цѣна 12 к. съ перес. Определеніемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, отъ 10—12 мая 1888 г. за № 59, утвержденнымъ г. Оберъ-Прокуроромъ С Синода, „Русско-Славянскій Букварь“ допущенъ къ употребленію, въ качествѣ учебника, въ тѣхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ коихъ русская грамота преподается прежде славянскою.

2. РУКОВОДСТВО КЪ НЕМУ.

Составилъ Т. Лубенецъ. Изданіе четвертое, вновь дополненное, съ приложен. ПОДВИЖНОЙ АЗБУКИ. Кіевъ, 1891 г. Цѣна 30 к. съ перес.

3. Методическое руководство къ Сборнику ариѳметическихъ задачъ Т. Лубенца.

Составилъ Т. Лубенецъ. Цѣна 30 к. съ перес. Складъ изданія у преподавателя Нѣвской Духовной Семинаріи Георгія Онисимовича Булашова.

Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ, ихъ Уѣзднымъ Отдѣленіямъ и книго-продавцамъ дѣлается 25% уступки; пересылка на счетъ выписывающихъ.

Требованія выполняются немедленно по полученіи заказа.

ОТЪ КОМИТЕТА

ОБЩЕСТВА ДЛЯ ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Съ ранней весны во многихъ мѣстностяхъ Россіи начинается переселенческое движеніе. Факты послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что изъ года въ годъ возрастаютъ размѣры движенія и число нуждающихся переселенцевъ. За прошлый годъ только черезъ Тюмень прошло болѣе 36.000 душъ; большинство изъ нихъ находилось въ крайней нуждѣ. Самая малая, но своевременная помощь этимъ людямъ имѣетъ большое значеніе.

Поэтому Комитетъ Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что дѣйствительные члены Общества взносятъ въ кассу его *десять* рублей ежегодно, а пожизненные—*сто пятьдесятъ* рублей единовременно. Денежныя и вещевыя пожертвованія, а также всѣ заявленія Комитету направляются въ *Канцелярію Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ—С.-Петербургъ, Невскій 65*. Личныя заявленія Комитету принимаются тамъ же, въ канцелярію Общества, по Пятницамъ, отъ 2 до 3^{1/2} час. дня. Казначей К. М. Сибиряковъ принимаетъ по дѣламъ Общества у себя на квартирѣ (С.-Петербургъ, Сергіевская, 67) по Вторникамъ и Субботамъ отъ 12 до 1 часа дня. Должностными лицами Комитета состоятъ: предсѣдателемъ—В. А. Ратьковъ-Рожновъ, товарищемъ предсѣдателя—М. Н. Капустинъ, казначеемъ—К. М. Сибиряковъ и секретаремъ—А. А. Пороховщиковъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковѣ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакция~~ Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.